

КРЫЛОВ В ПЕТЕРБУРГЕ

КРЫЛОВ
В ПЕТЕРБУРГЕ

Пушкинский кабинет ИРЛИ

А. ГОРДИН

**ЛЕНИЗДАТ
1969**

Пушкинский кабинет ИРЛИ

7-2-2

128—1968

Пушкинский кабинет ИРЛИ

**БУНТАРЬ
В СТОЛИЦЕ**

Пушкинский кабинет ИРЛИ

СТРАННЫЙ ГОРОД

1

После полудня 7 августа 1782 года на Сенатскую площадь Санкт-Петербурга вступили гвардейские полки под предводительством генерал-фельдмаршала князя Голицына. Собравшейся здесь огромной толпе горожан пришлось потесниться.

Обширная площадь, выходящая к гранитному парапету Невы, казалась в тот день прекраснее, чем обычно. Величественно взирал на толпу украшенный множеством

колонн и рельефов дворец Бестужева-Рюмина — место-
пробывание Сената. Ослепительно блистал вознесенный к
небу Адмиралтейский шпиль.

Большая часть площади была обнесена полотняной
оградой, разрисованной дикими скалистыми горами.
У ограды стояли часовые, так что заглянуть внутрь не
было никакой возможности.

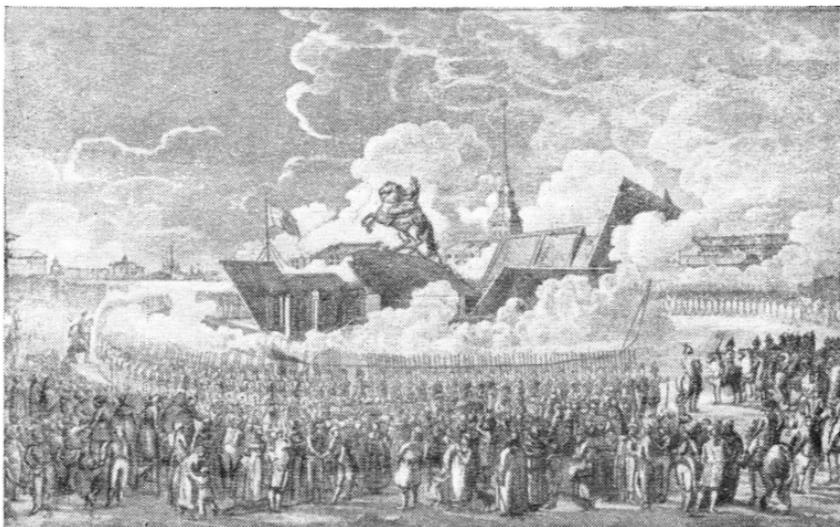
Вдоль этой ограды и выстроились гвардейские полки.
Ждали императрицу.

Ее величество прибыла по Неве в пятом часу дня из
Летнего дворца. Шлюпка причалила к настилу, сколочен-
ному накануне. Екатерина сошла на берег и направилась
в Сенат. Ее сопровождал отряд кавалергардов в блестя-
щей форме, с огромными тяжелыми палашами. Впереди
отряда шли музыканты с серебряными трубами и литав-
рами. Императрица вошла в здание Сената и вскоре
появилась на балконе, — в короне и порфире.

Она стояла в торжественной позе, слегка склонив го-
лову, стараясь всемерно подчеркнуть важность происхо-
дящего: великая императрица открывает памятник свое-
му великому предшественнику. Екатерине больше всего
хотелось убедить Россию и Европу в том, что именно
она — истинная продолжательница дела Петра. Для этого,
собственно, и было придумано воздвигнуть на Сенатской
площади небывалой красоты монумент.

Зажглась сигнальная ракета, полотняная завеса упала,
и взглядам собравшихся предстал бронзовый Петр. Со
стоявших на Неве судов, с Петропавловской крепости,
с Адмиралтейства грянули пушки...

Восхищенная толпа смотрела на огромного темного
всадника с простертой рукой. Чужим выглядел этот стре-
мительный неподвижный всадник в яркой шумящей толпе.
И все же в нем было что-то общее с каменными грома-
дами домов, с Адмиралтейским шпилем и прямизной Нев-

Открытие памятника Петру I в Петербурге 7 августа 1782 г.
Гравюра А. Мельникова. 1782 г.

ского проспекта — та же стремительная неподвижность и холодное спокойствие.

Открытие памятника Петру Великому было в столице самым знаменательным событием того года.

Были и другие — менее знаменательные для России и Петербурга.

Например, в феврале месяце состоялась «публичная аудиенция, на которую допущен был пред ее императорское величество присланный от его светлости крымского хана Ширин Гирея посланник второй Тефтердар Темир Ага», а также имело место «представление ее императорскому величеству присланных по открытии казанского

наместничества, от тамошнего дворянства для принесения ее величеству всеподданнейшей своей благодарности, депутатов...».

Июня 4-го дня происходило «открытие по надлежащему Указу Управы благочиния», 26-го дня «в присутствии ее императорского величества в Адмиралтейской крепости заложены вновь строением два стопушечных корабля...».

А вскоре произошло еще одно событие, оставшееся совершенно незамеченным не только в придворных кругах, но и среди петербургских обывателей. В северную столицу приехала из Твери семья Крыловых.

За четыре года до того умер глава и кормилец семьи Андрей Прохорович Крылов. Скромный армейский офицер, обойденный чинами и наградами, он по выходе в отставку служил чиновником в Твери. И при жизни его в семье не было большого достатка, а когда он умер, Мария Алексеевна Крылова с двумя сыновьями на руках осталась без всяких средств. Старший сын Иван, с девяти лет числившийся подканцеляристом Калязинского нижнего земского суда, а потом переведенный в Тверской магистрат, получал гроши. Мария Алексеевна ходила по богатым семьям—читала псалтырь по усопшим. Так перебивались четыре года. Вдова пробовала хлопотать о пенсии, но безрезультатно. Тогда она решила вместе с сыновьями двинуться в столицу—добиваться справедливости. Возможно, на переезде настаивал и старший сын.

Когда Иван Крылов покинул Тверь, ему было четырнадцать лет. По тем временам это был не такой уж детский возраст. В пятнадцать-шестнадцать лет молодые люди становились офицерами, участвовали в походах.

В столицу ехал отнюдь не темный провинциальный юноша. В Твери он был вхож в дом местного аристократа П. П. Львова, человека просвещенного, большого любя-

теля музыки. Крылов учился вместе с его детьми французскому языку и рисованию. Здесь же он выучился играть на скрипке. Библиотека Львовых также была к его услугам.

По свидетельству литератора М. Дмитриева, в библиотеках провинциальных любителей литературы в то время «непреренно уже находились: *Телемак, Жилблаз, Дон-Кихот, Робинзон-Круз; Древняя Вивлиофика Новикова; Деяния Петра Великого...*». Почетное место занимали трактаты Руссо, Дидро, басни Лафонтена и уж, конечно, сочинения Вольтера. «Непостижимо, как повсеместно было его имя! — пишет М. Дмитриев. — Я помню (это было тоже в моем малолетстве, в деревне, в захолустье), приехавшая к нам из Сызрани женщина, безграмотная и простого звания, говорила о ком-то, что он держится *Вольтеровской веры*: она хотела назвать этим *безверие*. С каким наслаждением читали у нас, еще в конце прошедшего <XVIII> века, все, что переводилось из Вольтера...»

Библиотека Львовых, разумеется, превосходила среднюю библиотеку провинциального любителя литературы, так что юный Крылов еще в Твери мог познакомиться и с шедеврами новой мировой литературы, и с такими русскими писателями, как Кантемир, Тредиаковский, Ломоносов, Сумароков, Херасков, Эмин и многие другие, а также с русской историей. Читал он, конечно, и древних авторов. Ведь в России 70—80-х годов XVIII века были уже переведены Гомер и Геспод, Платон и Аристотель, Архимед и Плутарх, Гораций и Овидий, Сенека и Эзоп...

В Твери юный Крылов впервые познакомился с театром, — представления давались и в местной семинарии, и в богатых частных домах, и даже приезжими актерами в присутственных местах.

Именно в это время были заложены основы удивительной крыловской эрудиции, родилась его любовь к литературе и театру.

Четырнадцатилетний Крылов ехал в Петербург, мечтая о литературном поприще. Литература представлялась ему областью самой благодарной для служения отечеству, высоким идеалом добра и справедливости, а литераторы — личностями необыкновенными, почитаемыми. Он знал, что писатель Вольтер был самым популярным человеком в Европе: его боялись даже короли, вельможи, попы. Но Вольтер — француз. А могут ли быть такие писатели в России?..

2

Вряд ли Крыловы рискнули бы приехать в Петербург, не будь у них там знакомых или покровителей. Таким покровителем был, скорее всего, близкий родственник П. П. Львова Николай Александрович Львов — один из известнейших в Петербурге людей, в прошлом измайловский офицер, теперь архитектор, живописец, поэт, музыкант. Николай Александрович сам был из Твери, часто приезжал туда. Возможно, он лично знал Крыловых. А может быть, П. П. Львов писал ему о них. Николай Александрович был любимцем Безбородко, могущественного вельможи, и при случае мог составить сильную протекцию.

По приезде в Петербург Крыловы поселились в слободе Измайловского полка. Слобода эта находилась на окраине города (между рекой Фонтанкой и Обводным каналом) и состояла из одноэтажных деревянных домов, расположенных правильными квадратами. Улицы были немощеные, и поскольку строилась слобода на болоте, то весной и осенью грязь была непролазная. В центре сло-

Южный берег реки Фонтанки возле Калинкиной деревни.
Гравюра П. Штелина. Вторая половина XVIII в.

боды возвышалась над тесовыми кровлями деревянная церковь Святой Троицы (позже архитектор В. П. Стасов построил на ее месте огромный каменный собор). Жили в слободе солдатские семьи, офицеры, что победнее, и масса всякого рода «отставных». Жили, конечно, и люди, прямого отношения к Измайловскому полку не имевшие, — различные «служители», торговцы, мещане, заезжие провинциалы.

Приехать в Петербург было довольно просто, но жить в нем...

Таких искательниц монаршей милости, как Мария Алексеевна, было в столице предостаточно.

Вдова посылала «на высочайшее имя» прошение за прощением. Она напоминала императрице о заслугах капитана Крылова, о том, что он «содержал себя одним только жалованием». Но все прошения оставались без ответа.

И это вовсе не было случаем необычным. Екатерина награждала тех, кто был нужен ей в данный момент. О прошлом вспоминала лишь тогда, когда из него можно было извлечь пользу для настоящего: выставить напоказ свою доброту, щедрость, заботу о благе подданных.

Так, в честь открытия монумента Петру I был пожалован золотой медалью девяностовосьмилетний отставной капитан-комендор Матвей Дерезен, служивший в российском флоте еще при жизни Петра. И оповещение об этом в «Санкт-Петербургских ведомостях» заканчивалось словами: «Сколь щастливы дожившие и живущие в блаженные и златые времена беспримерныя в человеколюбии великия и премудрыя Екатерины! Нет трудов, нет службы, когда либо показанных, кои бы оставались в забвении. Таков есть благополучный наш жребий».

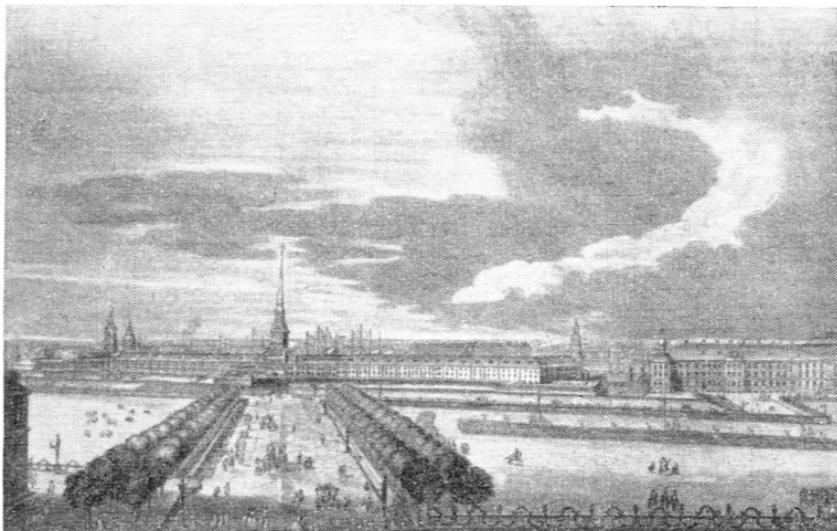
Заслуги же капитана Крылова перед отечеством оказались таковы, что из них нельзя было извлечь никакой пользы для славы императрицы. Поэтому до вдовы его никому не было дела.

3

Подканцелярист Иван Крылов целыми днями бродил по столице.

Станным казался ему Санкт-Петербург.

Он знал старые русские города, почти сплошь деревянные, с кривыми улочками, бегущими то вверх, то вниз. А Петербург лежал на равнине, плоской, как военный плац. Улицы его были совершенно прямы, распла-

Адмиралтейство со стороны Невского проспекта.

Рисунок М. Махаева. Вторая половина XVIII в.

нированы широко и единообразно. И кругом — вода... Серая Нева, бесконечные каналы, дробящие город. Куда ни пойдешь — всюду мосты, большие и малые. И сырой ветер, налетающий с моря.

Но, кроме того, Крылова, как и всякого впервые попавшего в северную столицу, поражало полное несоответствие центральных улиц остальным частям города.

Вот Невский проспект — широкий, прямой, обстроенный красивыми каменными зданиями. Он сделал бы честь любому европейскому городу. Вот набережные Невы с роскошными дворцами — Зимним, Мраморным, величественными строениями Двенадцати коллегий, Кунсткамеры, Академии наук, усадьбами Меншикова, Бестужева-

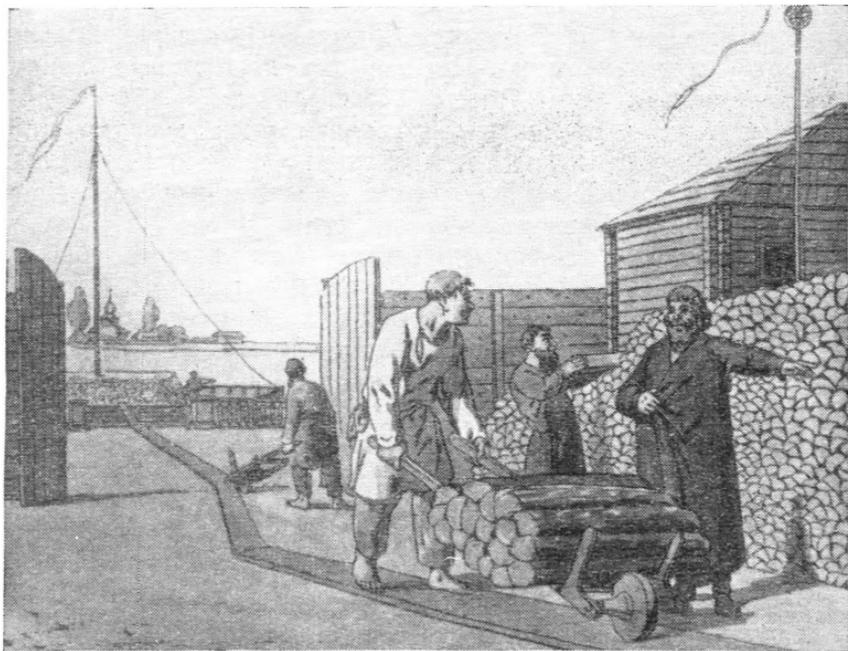
Рюмина, Салтыкова. А чуть в сторону — и пошли деревянные домишки, грязь, темнота.

«Петербург представляет уму двойственное зрелище, — писал в своих мемуарах французский посол при дворе Екатерины граф Сегюр. — Здесь в одно время встречаешь просвещение и варварство, следы X и XVIII веков, Азию и Европу, Скифов и Европейцев, блестящее гордое дворянство и невежественную толпу. С одной стороны, модные наряды, богатые одежды, роскошные пиры, великолепные торжества, зрелища, подобные тем, которые увеселяют избранное общество Парижа и Лондона, с другой, купцы в азиатской одежде, извозчики, слуги и мужики в овчинных тулупах, с длинными бородами, с меховыми шапками и рукавицами и иногда с топорами, заткнутыми за ременными поясами».

Как должен был изумиться юный Крылов, осматривавший Адмиралтейство, когда, оторвав взгляд от золоченой иглы с корабликом, он увидел на обширном лугу мирно пасущихся коров. Да где же он? В Твери или в Санкт-Петербурге?

Юноша ходил по берегам Фонтанки. Вот стоит Аничков дворец — огромное трехэтажное здание, окруженное великолепным садом. Вот за кружевной, редкой красоты чугунной решеткой богатая усадьба графов Шереметевых — известный всей столице «Фонтанный дом». А рядом груды строительного камня, штабеля леса. В самом разгаре была перестройка Аничкова моста: вместо деревянного сооружался каменный с четырьмя гранитными башнями.

Однажды Крылов дошел до Александро-Невского монастыря, недалеко от которого с давних пор причаливали барки хлебных промышленников, приплывавшие в Неву из разных городов. Здесь стояло множество амбаров, складов, мучных лавок. Отсюда была проложена прямая и

На дровяном складе.
Раскрашенная гравюра Х. Гейслера. Начало XIX в.

удобная дорога до Невского проспекта. И снова поразило Крылова различие между этой хлебной, купеческой частью города и парадными каменными районами. Не то различие, какое видел он в бедных деревянных кварталах у себя в Измайловской слободе, а какое-то другое...

В канун нового, 1783 года в Петербурге случился большой пожар. В два часа пополудни Крылов услышал набат и вместе с другими жителями слободы бросился к месту происшествия. Горела бойня возле Большого рынка.

Григорий Орлов и Потемкин командовали гвардейцами, которые тушили огонь. И все же деревянные лавки сгорели дотла.

После этого несчастья был издан указ, позволявший купцам открывать магазины в разных районах столицы. Прежде для торговли отводились специальные места, которые сплошь застраивались лавками. В случае пожара они представляли большую опасность для всего города.

Очевидно, пожар на бойне был первым, который видел Крылов в Петербурге. Он любил смотреть на пожары и впоследствии старался не пропускать ни одного.

Вечерами Крылов редко выходил из дома. Разгуливать по темному, плохо освещавшемуся городу было небезопасно. Соседи рассказывали, что не так давно француз Дюрби, скромный торговец кирпичом, ужинал у французского посла. Он имел неосторожность отправиться домой после десяти часов вечера. И что же? В самом центре города напали на него шестеро мошенников с дубинами и, вероятно, убили бы, если б не подоспели на помощь два морских офицера. Бедный француз был сильно изранен. Полиция, как всегда, грозилась принять меры... Однако преступников так и не нашли.

Крылов смотрел, слушал... И только через несколько лет, когда он делается известным литератором, издателем сатирических журналов, станет ясно, как много увидел и узнал он на улицах и набережных Петербурга, как глубоко постиг контрасты «Северной Пальмиры».

4

Крыловы начали уже привыкать к столичной жизни, как вдруг в Тверском магистрате забили тревогу: пропал чиновник! Уезжая, Крылов взял отпуск на месяц, сказавшись больным, а отсутствовал уже много больше. Твер-

ской наместник граф Брюс приказал разыскать подканцеляриста и вернуть к месту службы по этапу. Когда Крылов узнал об этом, он сам отправился в Тверь и выхлопотал отставку «за слабостью здоровья», хотя именно прекрасное здоровье было в то время единственным его достоянием.

Он вернулся в Петербург с благодарностью «за беспорочную службу» и чином канцеляриста.

В сентябре 1783 года Крылов написал челобитную об определении его в санкт-петербургскую Казенную палату. 9 сентября он был принят туда канцеляристом по камерной экспедиции.

Казенная палата, учрежденная Екатериной II в 1775 году, ведала государственными доходами. А поскольку государство старалось извлекать доходы из всего, то деятельность палаты была всеобъемлющей.

Камерная экспедиция, в которой служил Крылов, занималась «утверждением домов за разными лицами и денежными исками», «определением крестьян в купечество и мещанство», ведала делами по заготовке и продаже соли и по винным откупам. Распределение недвижимости, имущественные тяжбы, взаимоотношение сословий, откупы...

Человек, прослуживший несколько лет в Казенной палате, получал подробнейшее представление о самых различных областях русской жизни, узнавал всю подноготную экономической деятельности властей.

То, что увидел и узнал Крылов, служба в Казенной палате, очень пригодились ему впоследствии.

Судьба не слишком баловала Ивана Крылова. Прожить с матерью и братом на те девяносто рублей годовых, которые составляли жалование канцеляриста, было крайне трудно. Однако он не унывал, верил, что в недалеком будущем все переменится.

Скромный канцелярист не только служил, он был занят писанием комической оперы, начатой еще в Твери.

Комические оперы — комедии, с сюжетами из простонародной жизни, со вставными ариями, дуэтами, хорами, — были едва ли не самым популярным жанром в русском театре 70—80-х годов XVIII века. Еще в Твери юный Крылов мог видеть и «Анюту» М. Попова, и «Розану и Любима» Н. Николева, и уж, конечно, знал он знаменитую комическую оперу А. Аблесимова «Мельник — колдун, обманщик и сват». Она с неизменным успехом шла как на провинциальной, так и на столичной сцене. Неудивительно, что для первого своего драматургического опыта Крылов выбрал именно этот жанр.

5

Опера Крылова, названная им «Кофейница», в отличие от большинства комических опер, склонных к идеализации сельской жизни, — произведение сатирическое, обличительное.

Впоследствии, говоря о «Кофейнице», Крылов подчеркивал: «Нравы эпохи верны. Я списывал с натуры». Что же это были за нравы?

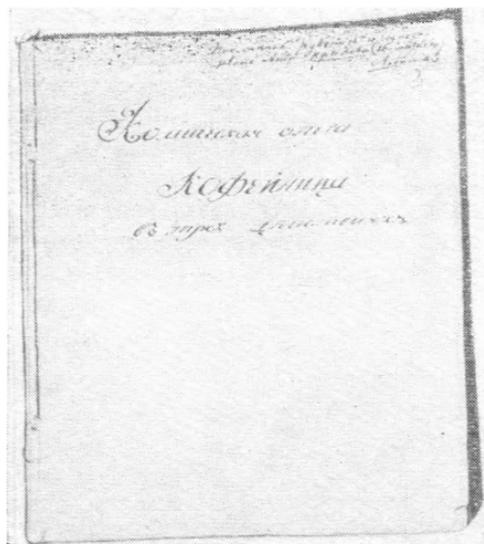
Тяжкое, дремучее невежество давило поместную Россию, да и не только поместную. «Просвещенное» столичное дворянство было столь же темным, суеверным, так же легко поддавалось влиянию всяческих авантюристов.

Известно, например, что в 1780 году в Петербург под именем графа Феникса явился знаменитый итальянский чернокнижник Калиостро. Он долго морочил головы петербуржцам. И ему верили.

Большим доверием и в столице, и в провинции пользовались так называемые «кофейницы» — предсказательницы, гадавшие на кофейной гуще. Постепенно число их

«Кофейница», комическая
опера И. А. Крылова. Ти-
тульный лист рукописи.

1783 г.

увеличилось настолько, что они стали настоящим бедствием. Недаром о кофейницах писал в своем «Живописце» Н. И. Новиков, замечательный русский журналист-просветитель XVIII века, всегда очень точный в выборе объектов обличения: «Кофегадательница есть такая пожилая тварь, которая честным образом более уже пропитания сыскать не знает или не хочет честно кормиться... Они обманывают людей, не умеющих мыслить, — что могут предсказывать все из кофейных чашек».

Сатирические журналы Новикова пользовались большой популярностью, и хотя «Живописец» был последний раз переиздан в 1775 году, его и многие годы спустя читали и перечитывали, бережно хранили в домашних библиотеках. Безусловно, читал «Живописца» и Крылов.

То, о чем говорилось в журнале, он мог, конечно, и сам наблюдать — в Твери и в Петербурге.

Вслед за просветителем Новиковым пятнадцатилетний Крылов выступает обличителем невежества, и не только невежества, но вместе с тем и помещичьего произвола, бесправия, незащитности крепостного люда.

Сюжет оперы весьма прост. У помещицы Новомодовой пропала дюжина серебряных ложек. Чтобы их сыскать, Новомодова приглашает кофейницу. Плутовка кофейница подкуплена негодяем приказчиком, который сам украл ложки и хочет свалить вину на своего соперника в любви, крестьянского парня Петра. Уловка ему удастся: Петр объявлен вором, и ему грозит жестокое наказание.

Новомодова

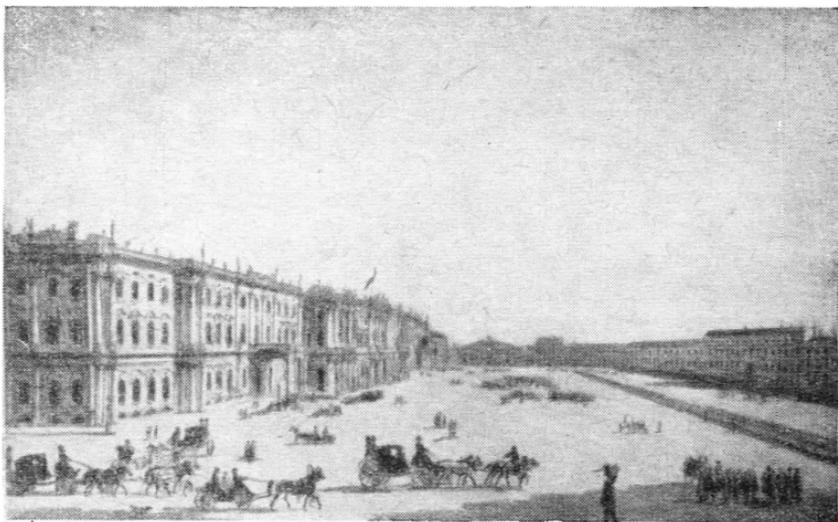
Ну, теперь-то я злодею
За покражу отомщу
И уж разве опалею,
Что вину ему спущу:
Разорву одной минутой
Его свадьбу со Анютой,
В гроб от палок положу
И в солдаты посажу.

Мнимого вора отправляют под розги, чтобы затем сдать в солдаты. Выручает лишь счастливый случай — приказчик роняет одну из украденных ложек. Преступление открыто, кофейница и приказчик посрамлены.

Произведение ученическое, незрелое, «Кофейница» тем не менее отличалась жизненностью ситуаций, правдивостью характеров, живостью разговорного языка.

Переписав свою оперу набело, Крылов все же не решился предложить ее в театр. Он отправился в Миллионную-Луговую улицу, протянувшуюся вдоль Дворцовой площади до Невского проспекта и известную своими книжными лавками, граверными и типографиями.

В дальнейшем, как мы увидим, этот район города,

Дворцовая площадь. Слева — Зимний дворец, справа — Миллионная-Луговая улица.

Рисунок неизвестного художника. Конец XVIII в.

примыкавший к Царицыну лугу, сыграл немалую роль в петербургской жизни Крылова. А пока что безвестный канцелярист робко постучался в двери квартировавшего здесь книготорговца и типографщика Брейткопфа.

Мы не знаем, случайно ли юный автор обратился именно к Брейткопфу или пришел по чьей-либо рекомендации, но ясно одно: судьба ему улыбнулась. Он встретил человека доброго и умного.

Бернард Теодор Брейткопф (в России его звали Федором Ивановичем), сын известного лейпцигского издателя, был не только коммерсантом. Он любил и понимал литературу, сочинял музыку. В молодости был близко

знаком с Гете и положил на музыку некоторые его стихотворения. В Петербург он приехал в 1781 году, в короткий срок овладел русским языком и завел свою типографию. А впоследствии стал преподавателем в Смольном институте и библиотекарем Императорской Публичной библиотеки.

Когда этот незаурядный человек ознакомился с весьма несовершенным еще крыловским произведением, он понял, что имеет дело с талантом. И хотя не совсем ясно представлял себе, что будет делать с этой старательно переписанной рукописью, решил купить ее. Возможно, единственной его целью было поддержать молодого и явно нуждавшегося автора. Он предложил Крылову шестьдесят рублей ассигнациями — для канцеляриста деньги немалые.

Но, к удивлению издателя, юноша отказался от денег и попросил дать ему на эту сумму книг. Они выбрали сочинения Расина, Мольера, Буало. У этих корифеев французского классицизма Крылов надеялся узнать тайны мастерства, выучиться драматическому искусству.

Легко себе представить, с каким чувством шел Крылов с Миллионной-Луговой к себе в Измайловскую слободу. Ведь он был теперь литератором, и литератором признанным, о чем свидетельствовала целая пачка книг — его первый литературный заработок.

ТЕАТР

1

В 1756 году, когда императрица Елизавета издала указ об учреждении в столице первого общедоступного театра, русская драматургия насчитывала восемь трагедий и три комедии.

Четверть века спустя отечественных пьес стало гораздо больше, но необыкновенная молодость российского театра сказывалась еще во всем: и в репертуаре, и в игре актеров.

Особенно же отсутствие театральной традиции проявлялось в поведении зрителей.

Первый известный русский драматург и руководитель драматической труппы А. П. Сумароков в предисловии к своей трагедии «Дмитрий Самозванец» писал: «...непристойно... съезжавшимся видеть «Семиру», сидеть возле самого оркестра и грызть орехи, и думать, что когда за вход заплачены деньги в позорище, можно в партере в кулачки биться, а в ложах рассказывать истории своей недели громогласно... Вы, путешественники, бывшие в Париже и в Лондоне, скажите! грызут ли там во время представления драмы орехи; и когда представление в пущем жаре своем, секут ли поссорившихся между собою пьяных кучеров, ко тревоге всего партера, лож и театра?»

Место развлечений, нечто вроде зрелища конских бегов или медвежьей травли, — так поначалу смотрели на театр многие его посетители. К актерам — людям, за деньги развлекающим публику, — относились с нескрываемым пренебрежением.

Но были и другие. Те, что не в шутку переживали происходящее на сцене, задумывались над важными общественными вопросами, о которых шла речь в пьесах Сумарокова, его младших современников — Фонвизина, Хераскова, Княжнина, в пьесах, переведенных из Расина, Корнеля, Вольтера, Бомарше. Те, что в актерах видели слугителей высокого искусства, глашатаев истины.

Серьезных зрителей в театре постепенно становилось все больше.

Все большее число подлинно просвещенных русских молодых людей, как из дворян, так и из разночинцев, начинало задумываться над судьбами страны, народа.

Думать заставляло время.

Великая крестьянская война под руководством Пуга-

чева всколыхнула всю страну и на многие годы определила ее общественную атмосферу. Становилось ясно, что не все правильно в укладе Российской империи.

К раздумьям располагали и события на Западе. В 1783 году победно завершилась революционная война за независимость от Англии Северо-Американских Соединённых Штатов. Тучи собирались над королевской Францией. Приезжавшие из Парижа рассказывали о том, как молодые люди читают на улицах «Общественный договор» Руссо и толпа шумно выражает свой восторг. Невиданный энтузиазм публики вызывала поставленная в 1784 году комедия Бомарше «Свадьба Фигаро», в которой автор, по выражению современника, поносил «великих мира, их нравы, невежество и низость, в которой он смеялся над министрами и Бастилией».

Это приближалась революция...

Время ставило на очередь большие проблемы. И, пожалуй, единственным местом в России, где они обсуждались громогласно, была театральная сцена.

Цари и народы, свобода и тирания, справедливость и угнетение — вот какие предметы занимали Крылова в театре.

Об этом же заставлял его задумываться и столичный город Петербург. Цари? — Он видит высокие окна Зимнего дворца. Свобода? — Мимо него летят пышные кареты, а на запятках — крепостной подневольный люд. Справедливость? — Вот уже много месяцев ждет ответа на свое прошение императрице капитанша Крылова — ответа нет и, конечно, не будет...

Петербург рождал у автора «Кофейницы» немало новых мыслей и о жизни, и о литературе. Он перечитывает книги драматических писателей, полученные у Брейткопфа, и становится завзятым театралом. Он готовит свое следующее драматическое сочинение.

В «Драматическом словаре» на 1787 год говорилось: «Каждый знает, что в десятилетнее время и меньше начальники, управлявшие отдаленными городами от столиц России, придумали с корпусом тамошнего дворянства заводить благородные и полезные забавы; везде слышим театры построенные и строящиеся, на которых заведены довольно изрядные актеры... Приметно, что дети благородных людей, и даже разночинцев, восхищаются более зрением театрального представления, нежели гонением голубей, конскими ристаниями или травлею зайцев и входят в рассуждения о пьесах...»

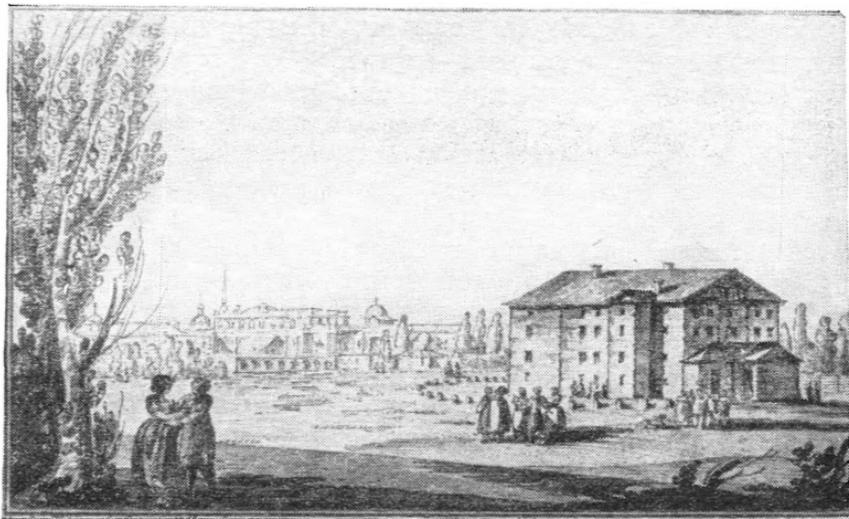
Таков был интерес к театру, такова потребность в нем.

В Петербурге к началу 1780-х годов действовали три публичных театра.

На Царицыном лугу располагался театр купца-антрепренера французца Поше. Здесь устраивались зрелища «из итальянских, французских оперá-комик и балетов». Поше также мог «представлять французские трагедии и комедии». А «в течение великих постов, когда комедии не бывает», давать концерты — три на неделе. Причем, во время концертов посетителей занимали не только музыкой, но и картами — «не для азартных игр, но единственно для препровождения времени». Поше устраивал маскарады, продавал «шоколад, кофе, чай, мед, полпиво, оршад, лимонад, конфеты и фрукты, а при ужинах вейновую водку, английское пиво и виноградное вино».

Два других театра были иного характера.

На том же Царицыном лугу, возле Театрального моста через Мойку, стоял большой бревенчатый дом с плоской крышей, окруженный пристройками, — Деревянный театр, или Театр Книппера, как его называли по имени первого владельца.

Деревянный театр на Царицыном лугу.
Рисунок Д. Кваренги. 80-е годы XVIII в.

Театр этот был построен или, точнее, перестроен в 1781 году по инициативе И. И. Бецкого, влиятельного вельможи, начальника «Комиссии о каменном строении С.-Петербурга» и президента Академии художеств.

Открытие театра состоялось 10 октября 1781 года. Об этом событии рассказывал француз Пикар, живший тогда в Петербурге: «В прошлое воскресенье было открытие нового театра, построенного против Летнего сада на том же месте, где стоял немецкий театр, представлением русской трагедии. Театр построен в новом роде, совершенно еще неизвестном в здешнем крае. Сцена очень высока и обширна, а зала, предназначенная для зрителей, образует три четверти круга. Лож не имеется, но кроме

партера со скамейками сделан трехъярусный балкон, возвышающийся один над другим и окружающий залу без всяких промежутков. Живопись очень красива, и вид весьма хорош, когда, при входе, видишь зрителей, сидящих, как в древности, амфитеатрально... Все весьма довольны этим изящным и поместительным новым увеселительным зданием».

В новом театре играла русская труппа. Хорошие актеры играли, а не просто увеселяли публику.

«Русский театр, — писал несколько позже тот же Пикар, — весьма усердно посещается и тем причиняет большой ущерб другим театральным представлениям. Театр Поше, на котором даются французские комедии, публикую совершенно покинут. Нынешний театр довольно часто посещается солдатами лейб-гренадерского полка, платящими, как и другие, за вход свои полтиннички».

Заплатив полтинник за стоячее место в партере, с волнением переступал порог Деревянного театра и юный Крылов.

Он с интересом слушал здесь веселые комические оперы. Чаще всего это были переделки с французского или итальянского, и правдоподобия в них было куда меньше, чем в его «Кофейнице». Но встречались и русские, остроумные, а иногда и не без злости, как, например, «Розана и Любим» Николева или «Санкт-Петербургский Гостиный двор» Матинского. В первой — крестьянский юноша Любим смело защищает от посягательств негодяя помещика свою невесту Розану, вступает в открытую борьбу с обидчиком и добывается своего счастья. Во второй — творят темные дела петербургский купец-самодур Сквольгин и приказный Крючкодей, представленные удивительно реально и откровенно сатирически.

В занимательности с операми могли поспорить комедии, особенно такие, как «Опекун», «Лихоимец», «Рогоносец по воображению» Сумарокова или «Бригадир» Фонвизина. Злое осмеяние невежества, лицемерия, глупой галломании провинциальных дворян вызывало одобрение зрителей.

Из переводных комедий особый успех выпадал на долю произведений Мольера — «Скапеновы плутни», «Мизантроп», «Тартюф».

Огромным событием в русской театральной жизни была премьера комедии Д. И. Фонвизина «Недоросль» в Деревянном театре. Она состоялась незадолго до приезда Крыловых в столицу, осенью 1782 года. Это была первая подлинно оригинальная русская пьеса с ярко выраженной гражданской тенденцией. Первый раз в истории отечественного театра злободневные общественные вопросы ставились так смело и глубоко, и притом без обращения к античной мифологии, древней или средневековой истории, а на материале современной, каждому знакомой русской жизни. Крепостное право — рабство, в котором жили миллионы граждан России, — губило не только крепостных, но и самих дворян, превращая их в Скотининых и Простаковых — невежественных, жестоких, бесчувственных животных. Писатель талантливый и честный, Фонвизин в своем произведении показал эту трагедию и рабов, и рабовладельцев, решительно осудил устами своих героев — Стародума и Правдина — весь основанный на рабстве миропорядок.

Ум и смелость драматурга ужасали и восхищали публику. Комедия имела огромный успех.

Первый раз «Недоросль» был дан 24 сентября 1782 года в бенефис знаменитого русского актера И. А. Дмитревского, который ставил пьесу и играл в ней роль Стародума.

И. А. Дмитревский
в роли Стародума.
*Портрет работы не-
известного художни-
ка. 80-е годы XVIII в.*

Роль Правдина играл другой известный актер — Петр Алексеевич Плавильщиков.

Питомец Московского университета, человек образованный и умный, автор пользовавшихся популярностью комедий и глубоких теоретических статей о театре, Плавильщиков был явлением весьма примечательным на русской сцене конца XVIII века. Обладая прекрасной внешностью, красивым и сильным голосом, точным жестом и выразительной мимикой, он покорял зрителей. Ему нередко удавалось, преодолевая укоренившиеся традиции, играть просто и непринужденно, с подлинным чувством.

Глядя на двух знаменитых актеров, юный Крылов вряд ли предполагал, что всего через несколько лет с этими людьми его будут связывать тесная дружба, общая работа. Игра их волновала, увлекала и многому учила начинающего драматурга — помогала разобраться в том, что хорошо и что плохо, что должно быть и чего не должно быть на сцене.

Кроме комических опер и комедий на сцене театра Книппера шли так называемые «мещанские драмы», начинавшие входить в моду. Это были пьесы о жизни «простых людей». Правда, жизнь выглядела в них несколько приукрашенной, сюжет бывал назидательный и трогательный. Но все же это было похоже на жизнь и потому интересно.

«Друг несчастных» Хераскова. «Так и должно» Веревкина, «Мот, любовью исправленный» Лукина или «Бобыль» Плавильщикова заставляли зрителей проливать слезы сострадания и умиления.

Однако главенствующее положение в театральном репертуаре занимали, бесспорно, трагедии.

Трагедии, переведенные из Корнеля, Расина, Вольтера. Оригинальные трагедии: «Хорев», «Синав и Трувор», «Дмитрий Самозванец», «Мстислав» Сумарокова, «Ольга», «Дидона», «Владимир и Ярополк» Княжнина. Все в этих трагедиях условно, отвлеченно. Неизменная борьба чувства и разума, влечения и долга. Никакого движения. Герои — не живые люди, а ходячие добродетели или пороки, изъясняющиеся александрийским стихом. Но сколько благородства и доблести в этих героях. Как могучи их чувства. Как прекрасны их любовь к родине, верность гражданскому долгу, ненависть к лжи, тирании, стремление к истине и благу людей. Какой горячий отклик рождают в душе каждого не чуждого общественных интересов человека их возвышенные речи.

О честь, единственный источник нашей славы,
На коей истины основаны уставы,
Геройска действия и общей пользы мать!
Сильна едина ты сан царский возвышать.
Коль нет тебя с царем, он божий гнев народу,
И скипетр его есть меч, возъятый на свободу.

(«Мстислав», трагедия А. П. Сумарокова).

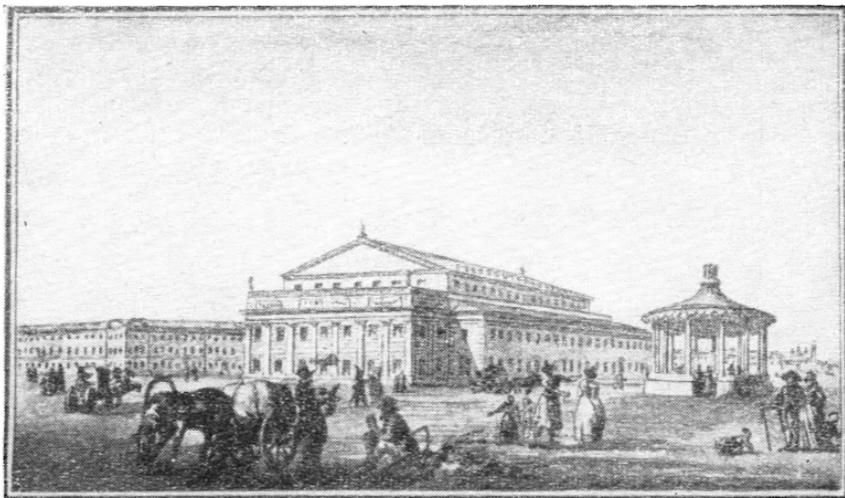
Общественный пафос классической трагедии — вот что привлекало в ней таких людей, как Крылов.

В заглавных трагических ролях Крылов видел Ивана Афанасьевича Дмитриевского.

Актер-просветитель, обладавший огромной внутренней силой, Дмитриевский умел овладеть вниманием зрителя, его мыслями и чувствами, условные, схематичные характеры героев Сумарокова, Хераскова, Княжнина оживить тонкой, естественной игрой. Часто одним штрихом, одной верно найденной деталью, естественным жестом он придавал своему исполнению полную убедительность. Вот как, к примеру, представлял он сцену, когда Синаву, герою трагедии Сумарокова «Синав и Трувор», является тень умершего брата. Произнося свой монолог, Дмитриевский потихоньку подвигался со стулом своим назад, как будто в самом деле видел приближающийся призрак. Это естественное движение актера, по словам современника, заставляло зрителей трепетать от ужаса.

Третий столичный театр, названный Каменным, или Большим, был построен в Коломне, у Никольского канала. Открытие его состоялось 24 сентября 1783 года.

Театр был определен для представления трагедий, комедий, опер, для концертов и маскарадов. Построенный под руководством опытного театрального живописца Типейна, Большой театр поражал воображение даже столичных жителей. О провинциалах уж и говорить нечего. В «Описании российско-императорского столичного горо-

Большой театр в Петербурге.
Рисунок Д. Кваренги. 80-е годы XVIII в.

да Санкт-Петербурга и достопримечательностей в окрестностях оного» И. Георги, 1794 года, о театре говорится так: «Снаружи представляет оный огромное здание величественного вида. Над главным входом стоит изображение сидящей Минервы из каррарского мрамора... Ради громовых ударов сделан при сем театре профессором Кольрейфом громовой отвод, где копия Минервы управляет молниею».

Зрительный зал Большого театра вмещал три яруса лож, скамейки, кресла, балкон, амфитеатр...

«Поелику в комедии и трагедии требуется, чтоб можно было явственно слышать говоренное и различать черты лиц актеров, то и не удобно было сделать залу весьма

великую, как бы то для одних опер потребно было. Для достижения же первого отверстие театра сделано столь велико, как обширность места позволила. Императорская ложа находится в середине, против театра, в горизонте оно и так, что все перспективные линии в оной смыкаются, отчего разнообразные представления здесь наиболее пленяют».

На широкой мощеной площади перед театром поставили двенадцать фонарей, шесть беседок из дикого камня, — не столько для красоты, сколько для пользы. Зимой под прикрытием этих беседок горели костры, возле которых грелись кучера и лакеи, пока их господа смотрели спектакль. Впрочем, костров на всех не хватало, и бывали случаи, что в особо морозные вечера поджидавшие своих господ слуги замерзали насмерть.

Красивое и странное зрелище являла собой площадь зимними вечерами. Ее окружали темные громады домов: петербуржцы — те, что не ездили на балы и спектакли, — рано ложились спать. На самой же площади толпились кареты, хрустели овсом кони и, отфыркиваясь, выдували пар. Кучера приплясывали вокруг больших костров и хлопали рукавицами.

3

Вероятно, в доме Брейткопфа Крылов познакомился с Иваном Афанасьевичем Дмитревским и вскоре принес ему свою первую трагедию «Клеопатра».

Надо сказать, что Дмитревскому, человеку не только известному, но и доброму, страшно докучали молодые дарования. И у него выработалась своя манера общения с ними. Он хвалил в неопределенной форме то, что они приносили, и быстро выпроваживал их.

Но с Крыловым все произошло иначе.

Несмотря на то что трагедия, читанная автором со страстью и не без актерства, была далека от совершенства, Дмитревский очень подробно разобрал каждое действие. И доказал автору, что для сцены трагедия решительно не годится. Литератор и историк М. П. Погодин впоследствии записал в своем дневнике рассказ Н. И. Гнедича: «Дмитревский трое суток пересматривал с Крыловым какую-то первую его трагедию, и потом сожгли ее исчерченную».

Вскоре они подружились — старый актер и начинающий драматург. Объяснить эту дружбу можно только тем, что умудренный опытом знаменитый артист почуял в скромном юноше незаурядное дарование.

Быть может, Дмитревский вспомнил, как сам он когда-то попал в Петербург — ярославский семинарист, игравший в любительской труппе Федора Волкова, — как пробивал путь к знаниям, к искусству, к славе. Беседы с Дмитревским не могли не увлекать Крылова.

Иван Афанасьевич прекрасно знал русскую и мировую литературу. На сцене шли пьесы в его переводах. Он бывал за границей. Познакомился в Париже со знаменитым французским актером Лекеном, актрисой Клерон. Он вел себя с европейскими знаменитостями не как робкий ученик, а как собрат по искусству, представитель русской культуры.

Все, что Крылов читал, все, что он знал о Европе, о писателях, о театре, — все это оживало и по-новому представлялось ему в рассказах Ивана Афанасьевича. А о многом из того, что рассказывал актер, ни в каких книгах и прочесть было невозможно.

С. П. Жихарев, страстный театрал, почитатель Дмитревского, писал о нем: «Как знал он историю, географию и статистику — разумеется, в тех пределах, в которых они в его время существовали! А память, память! Он мог

рассказать биографии всех замечательных лиц XVIII столетия, знал все закулисные тайны французского и английского театров, знал характеры, привычки и связи принадлежащих к ним артистов, знаком был с Калиостро и Казановою, беседовал с Шведенборгом и Поль-Джонсом — словом, память его была неистощима, а мастерство и очаровательность рассказа в дружеской беседе с людьми, которые были ему по сердцу и по его мерке, за стаканом легкого пунша, поистине необыкновенны!»

Крылов с особым интересом слушал все, что было связано с французской литературой, с положением французских писателей, их ролью в жизни страны. В рассказах Дмитриевского было столько материала для сравнения с русскими литературными нравами! И сравнения отнюдь не в пользу последних.

Дружба с этим всезнающим человеком была большой удачей для Крылова. Когда через несколько лет он писал статьи для своего журнала «Почта духов», поражающие широтой эрудиции, свободой обращения с историческими именами и событиями мировой культуры, то он, безусловно, воспользовался и уроками Дмитриевского.

Приблизительно через год после «Клеопатры» Крылов представил Дмитриевскому вторую свою трагедию — «Филомелу».

Он снова выбрал классический сюжет, с которым познакомился, очевидно, по Овидиевым «Метаморфозам». Неудача «Клеопатры» мало чему научила молодого драматурга — стих трагедии снова тяжел, развития действия вовсе нет, характеры статичны и условны.

«Филомела» была осуждена Дмитриевским и сцены не увидела.

Однако в этой трагедии заслуживает внимания самый выбор сюжета. Фракийский царь Терей, злодей и деспот, влюбляется в свою свояченицу Филомелу и, чтобы до-

биться ее, не останавливается ни перед чем. В конце концов, обесчестив Филомелу, Терей отрезает ей язык, дабы она не раскрыла никому его злодеяния. Возмущенные фракийцы восстают. Жена Теряя, Прогнея, чтобы отомстить за сестру, убивает своего сына и подносит его мясо мужу за обедом. Терей, узнав об этом, кончает с собой.

Итак, главный герой трагедии — преступный царь. В трагедии немало горьких и сильных слов по поводу беззаконий и превышений власти.

Отношение семнадцатилетнего автора к деспотии определяется уже вполне четко.

Дмитревский, человек свободомыслящий, вероятно, сочувственно относился к идеям своего юного друга, но он не мог не видеть существенных недостатков в художественном воплощении этих идей.

Друзья встречались часто. Разумеется, не у Крылова, а у Ивана Афанасьевича, который в то время занимал квартиру в доме купца Пантелеева у Гагаринской пристани (близ нынешнего Литейного моста).

Театральные и литературные разговоры Иван Афанасьевич старался, как правило, завершать плотным обедом, ибо знал, что Крылов живет впроголодь. После обеда и гость и хозяин ложились вздремнуть.

Эта эпикурейская привычка однажды привела к забавной истории. Друзья встретились в театре, и Дмитревский пригласил Крылова к обеду на следующий день. Он красочно расписал ожидавшего их поросенка с кашей, и приглашение было охотно принято. Но Иван Афанасьевич забыл предупредить гостя, что переменил квартиру. На следующий день Крылов явился по старому адресу. Отворивший дверь лакей сказал, что барина нет дома. Не обращая внимания на то, что лакей не прежний (мало ли — мог смениться), Крылов ответил: «Ничего,

братец, я подожду». Хорошо знакомым путем он прошел в спальню и, улегшись в кровать, мирно уснул. Квартирu эту теперь снимал какой-то семейный чиновник. Жена его, возвратившись с прогулки, зашла к себе в спальню и с ужасом увидела в своей постели незнакомого мужчину. От ее крика Крылов проснулся и, сообразив, что произошло, убежал, кое-как одевшись...

4

Шел 1786 год, четвертый год пребывания Крыловых в Петербурге.

В этом году Крылов написал оперу «Бешеная семья». Он решил вернуться к комическому жанру, чтобы «смешить и пользовать», исправлять нравы.

Зло, хотя и несколько наивно, высмеял автор семейство простоватого помещика Сумбура, мать, жена и дочь которого помешались на развлечениях, нарядах и амурных похождениях.

Оперу свою Крылов решился, очевидно с благословения Дмитревского, представить театральному начальству.

В то время театрами столицы ведал особый комитет. Главную роль в нем играл генерал-майор Петр Александрович Соймонов. «Бешеная семья» попала к нему в руки и произвела благоприятное впечатление. Возможно, что и уважаемый начальством Дмитревский сказал тут свое слово. По поручению Соймонова камер-музыкант Деви положил пьесу на музыку. Дорога на сцену была открыта. Так, по крайней мере, думал Крылов.

Соймонов решил приблизить юного, явно талантливого автора к театру, — Крылову был выдан постоянный бесплатный билет. Через короткое время ему заказали перевод французской оперы.

Молодой драматург приобретал некоторую известность.

Правда, публике он был незнаком, но актеры и литераторы его знали. Знали, что он даровит и трудолюбив, что пьесы его в скором времени увидят сцену.

И вот теперь ему предстояло сделать главный выбор — определить свой путь в литературе и в жизни.

Чтобы понять, какие заманчивые перспективы открывались перед молодым писателем, интересно вспомнить карьеру значительно менее талантливого старшего современника Крылова Василия Рубана.

Екатерина II понимала, что правительству нужна своя, «послушная» литература. Она сама много писала — и комедии, и драмы, и журнальные статьи. Однако императрица сознавала, что одними ее писаниями нужной литературы не создашь. А потому всякий мало-мальски прилично пишущий человек, готовый продать свое перо за сходную цену, незамедлительно покупался.

Василий Рубан был образцом покушного усердия. Он вышел из разночинцев, состояния не имел и должен был с ранних лет пробиваться в жизни. Учился в Московской духовной академии, затем в Московском университете. Переехав в Петербург, служил в Коллегии иностранных дел переводчиком, а затем протоколистом в Сенате. Как видим, довольно заурядная чиновничья служба. Но в 1774 году он становится секретарем Потемкина, что само по себе было немало. Кроме того, Потемкин назначает его заведующим иностранной перепиской в Военной коллегии. Рубан получает чин коллежского советника.

В секретари к любимцу императрицы Рубан попал, разумеется, не случайно. Он заработал свои должности не столько чиновничьим, сколько литературным трудом. Это был человек удивительного цинизма. Его ничуть не останавливало открытое презрение современников. Он строчил и строчил свои оды, послания, стихотворные письма, в которых восхвалял, вымогал, благодарил.

В. В. Капнист писал о нем:

...можно ли каким спасительным законом
Принудить Рубова мириться с Аполлоном,
Не ставить на подряд за деньги гнусных од
И рылом не мутить кастальских чистых вод?

Но все законы были на стороне Рубана. Ничто не могло помешать ему обращаться к императрице с возвышенной просьбой:

...чтоб коллежских мне советников оклад,
Каков в сем городе по штатам утвердила,
Чтоб оный дать и мне теперь благоволила;
Или ясней сказать, чтоб до последних дней
Мне семьсот пятьдесят в год пенсии рублей
Высоким повелеть изволила указом...

И он получал и чины, и оклады. Он не брезговал ничем. Когда вельможа приглашал его на обед и хорошо кормил, Рубан немедленно разражался благодарственными стихами.

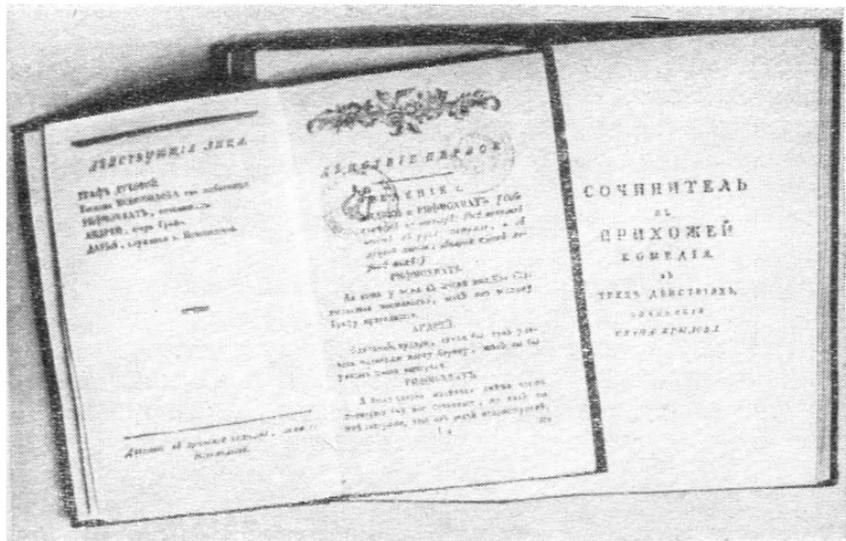
Если Рубан, с его более чем скромным дарованием, достиг «степеней известных», то неизмеримо более талантливый Крылов мог бы сделать настоящую карьеру, пойдя он по такому пути.

Но молодой Крылов избрал другой путь, и выбор свой сделал не только практически. Он художественно закрепил его — написал комедию «Сочинитель в прихожей».

5

Сюжет комедии несложен.

Ветрогон и мот граф Дубовой (о его умственных способностях говорит фамилия) хочет жениться на кокетке Новомодовой, не подозревая о ее распутстве. Главную роль во всех интригах играют слуга Дубового — Андрей

«Сочинитель в прихожей», комедия И. А. Крылова.
 Первая публикация в «Российском Феатре». 1793 г.

и горничная Новомодовой — Даша. Но решает судьбу героев тетрадь со стихами сочинителя Рифмохвата.

Недаром комедия была названа «Сочинитель в прихожей». Очевидно, Крылова фигура литератора Рифмохвата интересовала больше, чем Новомодовы и Дубовые.

Рифмохват — это поэт, который твердо решил продаваться. Он ищет только покупателя. Начинается пьеса с того, что он является в дом графа Дубового и пытается поднести ему свои сочинения. Тут он становится предметом издевательств со стороны Андрея, но делать нечего: Андрей на своем месте, а Рифмохват в положении весьма патком — «сочинитель в прихожей». Он, как и

Рубан, готов на любое унижение, лишь бы добиться расположения графа. «О! да кабы сбылось то, что я думаю, так я бы нашел и в графе и в его любовнице счастье; я и нонче-таки пишу довольно хлесткие сатиры, а под покровительством графа я бы так начал петь, чтобы и сам черт побоялся со мною встретиться!»

Интересно проследить, как лепит Крылов отвратительную фигуру Рифмохвата. Ему придаются черты, качества, вернее, подобию качеств, свойственные самому Крылову. Но сравнение на этом и заканчивается.

Рифмохват, как мы видели, не просто сочинитель, он — сатирик. Это очень важно. Ведь и Крылов после неудачи своих трагедий стал сатириком. Но Рифмохват — трус. Ему нужно покровительство. Он боится выступать один. А Крылов не боится.

Рифмохват не просто сатирик. Он — честолюбивый сатирик. Он жаждет влияния в литературе: «...я бы так начал петь, чтобы и сам черт побоялся со мною встретиться!» Но ведь и Крылов мечтал о возможности влиять на общественную жизнь России. Однако методы у них противоположные, и влияние свое они употребили бы по-разному. Рифмохват — это такой писатель, каким мог бы стать Крылов, пойдя он на компромисс с монаршей властью.

Как же развивается действие? Тетрадь, которую Рифмохват пытается поднести графу, попадает под карету, горничная Новомодовой чуть не женит его на себе, Новомодова относится к нему пренебрежительно, требует, чтоб он сочинил стихи в честь ее собаки и, наконец, позволяет, чтоб он воспел ее, Новомодову.

Если все остальное Рифмохват переносит с большой легкостью, то издевательство над поэзией дается ему труднее. «Черт знает, ума не приложу, чем начать!.. Если бы она велела на себя написать сатиру, так я бы

пропасть нашел материи, а похвала ни с какой стороны не клентся... Э!.. пожалуй... вздумал!

Прекрасна красота, краса красот прекрасных,
Собрание прелестей открытых, зрелых, ясных».

Но сочинив этот рифмованный вздор, Рифмохват тут же забывает его, не успев записать.

В конце концов в руки графа Дубового попадает тетрадь не со стихами, а с расписанием любовных встреч его невесты Новомодовой. Брак расстраивается.

С точки зрения бытовой — произошла страшная ошибка. Однако в принципе никакой ошибки нет. Тетрадь Рифмохвата и тетрадь Новомодовой по сути своей — двойники. И стихи Рифмохвата, написанные, чтобы выклянчить покровительство, и расписание свиданий Новомодовой — плоды распутства, духовного и физического.

Крылов не пожалел выдумки и желчи, чтобы сделать Рифмохвата как можно более жалким. Подобный тип литератора был для него неприемлем.

В «Сочинителе в прихожей» Крылов выступает против традиции современной ему литературной жизни: ему противны литераторы, идущие в услужение. И неважно к кому — к графу ли Дубовому или к самой императрице. Кем были для Крылова Херасков — крупный чиновник, попечитель Московского университета, Майков — помощник московского губернатора, прокурор военной коллегии? Верными слугами деспотического правительства, литераторами на службе, сочинителями в прихожей. А Державин? Разве не написал он оду «Фелица»? Ода прекрасна, но ведь она прославляет Екатерину. Именно после «Фелицы» Державин стал стремительно делать чиновничью карьеру.

Крылов видел, что литературу используют как средство добывания должностей, денег, расположения сильных

мира сего. И если просить в стихах семьсот рублей зазорно, то получить за стихи губернаторское место — почтенно. Восемнадцатилетнему же Ивану Крылову это было отвратительно. Он мечтал о поприще Вольтера и Дидро, властителей дум. А российская действительность предлагала ему карьеру литературного льстеца и вымогателя. Нет, это не для него!

Он еще не понимал, какую страшную борьбу начинает. Но он вступил в эту борьбу, написав «Сочинителя в прихожей».

Если большинство современных ему литераторов, даже ратуя за правду и справедливость, старались заручиться поддержкой императрицы или ее приближенных, то Крылов решил искать поддержки у читателя, зрителя, у общества.

С комедии «Сочинитель в прихожей» в русской литературе начиналась новая традиция. Стал вырисовываться новый тип литератора. Литератора, для которого любая форма зависимости от власти имущих была решительно неприемлема. И Крылов был первым русским литератором такого типа. Начатую им общественно-литературную традицию продолжили и развили писатели-декабристы и Пушкин.

В конце 1786 года, вскоре после того как «Сочинитель в прихожей» был представлен Соймонову, в руководстве столичными театрами произошла перемена.

Театральный комитет, сильно запутавший дела, был отстранен от руководства, а позже и вовсе упразднен. Театрами стал управлять генерал-майор Стрекалов. Пьесы Крылова, принятые еще при комитете, оставались без движения.

Соймонов, не имевший более власти в театре, не утратил, однако, своего расположения к молодому драматургу.

Он перевел его из Казенной палаты под свое начало в Горную экспедицию.

Горная экспедиция была учреждением большой важности — она контролировала состояние горного дела в России, деятельность казенных и частных горнодобывающих и горнообрабатывающих предприятий. Недаром это была «Экспедиция кабинета ее императорского величества».

Чиновник Горной экспедиции, да еще пользующийся покровительством начальника, мог пойти далеко. Но Крылова это не интересовало. Служба была ему в тягость.

Известный и уважаемый в то время писатель М. Чулков в «Наставлении к малолетнему сыну моему, вступающему в службу» убеждал юношу: «...ко всем знатым особам не токмо что иметь наружное, но должно чувствовать и внутреннее почтение... Службу или должность содержать так надобно, доколе ты в оной пробудешь, будто бы ты для одной ее только и на свет произведен...» Крылов же вовсе не был уверен, что он произведен на свет ради службы в Горной экспедиции. Нет, свое жизненное назначение он видел совсем в ином.

БУНТ

1

За четыре года пребывания в столице Крылов стал знатоком петербургской жизни. В сочинениях он больше не возвращался к персонажам своей первой комедии — обитателям дворянской усадьбы. Его интересовала столица. Он понимал, что именно здесь, в этом огромном городе — средоточие острейших российских противоречий. Здесь завязываются узлы, здесь надо их и распутывать.

Его, сатирика-бытописателя, занимали все подробности столичного быта.

Сидя в экспедиции, он с удовольствием, со вкусом слушал болтовню чиновников, пересказывавших друг другу последние городские сплетни и слухи.

Вот совершенно необычайное происшествие... И где — в Эрмитаже, под самым, так сказать, боком императрицы. Дворцовый лакей, проверяя вечером, заперты ли окна, увидел на подоконнике в одной из эрмитажных зал кусок свежего пирога с луком. Он, естественно, удивился и испугался — откуда взялся здесь этот кусок? Лакей стал осматривать соседние комнаты и под грудой ковров обнаружил двух спящих мужиков. На крик сбежалась охрана, злоумышленников схватили. Один из них оказался отставным артиллеристом, другой крестьянином. Еще днем они забрались в Эрмитаж, чтобы ночью что-нибудь украсть. Но, прячась под ковры, на несчастье свое, забыли на окне кусок свежего пирога.

Случалось Крылову слышать и менее безобидные истории. Например, о фантастическом разгуле приближенных Екатерины. Кто в Петербурге не знал анекдотов о похождениях Храповицкого? А ведь это личный секретарь императрицы! Рассказывали: один помещик приехал в столицу по важному делу. Явился к Храповицкому, но не застал его дома. Тогда он отправился в трактир пообедать и поссорился там с какой-то пьяной компанией. Завязалась драка. Приезжий, человек рослый и сильный, крепко побил своих противников. На следующее утро он снова пришел к Храповицкому. Тот принял его несколько странным образом — в спальне с завешанными окнами, в темноте. Как только посетитель произнес приветствие, Храповицкий сказал: «Мне что-то очень знаком ваш голос!» Он приказал поднять штору, и бедный помещик с ужасом узнал в нем одного из трактирных забияк, которого он накануне вечером разукрасил особенно основательно.

И такие люди решали государственные дела, распоряжались судьбами других людей, подчас куда более достойных. Почему?

Подобных вопросов вставало множество, и найти ответы на них было не легко.

Много интересного попадалось Крылову и на столичных улицах.

На набережных Невы, на Миллионной, Морской, возле Летнего сада ему встречались щеголеватые чиновники Комиссии о строении, которые, держа в руках огромные листы с планами, намечали места будущих мостов, пристаней, казенных зданий. То и дело попадались франты-петиметры в коротких шелковых панталонах, расшитых камзолах и высоких шляпах, из-под которых торчали косицы париков. Важно шествовали дамы в широчайших кринолинах, с многоэтажными затейливыми прическами. Летели богато отделанные кареты, запряженные шестерками рослых лошадей. И тут же тощие лошаденки тянули возы с сеном и хворостом. Бродячие торговцы с лотками и корзинками на головах предлагали свои товары. Протягивали к прохожим руки, кланялись до земли колодники, которых под присмотром солдат выпускали из острога просить милостыню на пропитание: государство не желало тратить на них.

Петербург менялся на глазах у Крылова. Каменных домов теперь строили в десять раз больше, чем за несколько лет до того, — до ста штук в год. Все больше становилось замощенных улиц, чугунных оград, мостов, фонарей.

Но в каких страшных условиях жили те, кто возводил этот прекрасный город! Пришедшие в столицу на заработки или пригнанные сюда силой работные люди начинали свой труд в пять часов утра и продолжали его до девяти вечера, с двухчасовым обеденным перерывом. Они жили

На набережной Невы.

Гравюра Леба с картины Лепренса. Конец XVIII в. (фрагмент).

чрезвычайно скудно — ночевали за городом, во дворах или конюшнях, на земле, питались квасом, хлебом, мукой, огурцами...

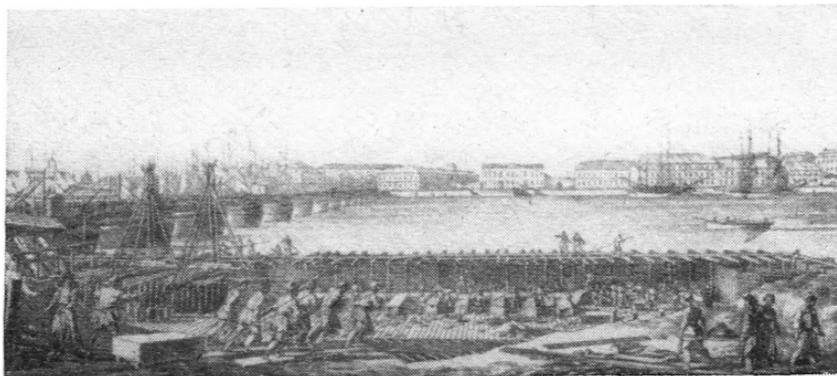
Возвращаясь после дня, проведенного на службе, берегом Невы, Крылов видел сотни мужиков, которые тесали гранитные глыбы и облицовывали ими набережную. Прежде она была деревянной, и только в 1780-х годах ее одели в гранит. Каждый раз Крылова поражала тяжесть этого труда и безропотность работников. «Они ходили скорее на мертвецов, нежели на людей... Со смертною

бледностью на лицах, едва прикрытые какими-то лохмотьями, шатались, как привиденья...» — писал современник.

Но и их терпению однажды пришел конец. 7 августа 1787 года четыреста выборных отправились к Зимнему дворцу с жалобой на своего подрядчика Долгова. Они смиренно стояли под окнами дворца, и стоило какой-нибудь даме показаться в окне, как мужики, принимая ее за государыню, низко кланялись, а выборный поднимал над головой грамоту с жалобой. Екатерина несколько раз выслала сказать им, что она разберется в их деле, но они не расходились и хотели сами ее увидеть. Они говорили, что двое из них, которые прежде были посланы в Царское Село с такой же жалобой, схвачены и сидят под стражей. И что они никому, кроме царицы, не поверят. А графу Ангальту, генерал-адъютанту, заявили, что с немцем, не знающим как следует по-русски, они и вовсе говорить не станут. Тогда была выслана конногвардейская команда, которая попросту разогнала мужиков. А семнадцать человек были схвачены и отправлены в уголовный суд «с тем, чтоб осуждены были в учинении скопа и заговора».

Эпизод весьма характерен для взаимоотношений императрицы с ее подданными. Эпизод чисто петербургский, ибо только в столице империи подданные и правительство сталкивались так лицом к лицу.

Екатерина любила величать себя матерью отечества и утверждала, что ей дороже всего на свете благоденствие ее подданных. В то же время она так отзывалась о своем народе: «Неудивительно, что в России было среди государей много тиранов. Народ от природы беспокоен, неблагодарен и полон доносчиков и людей, которые под предлогом усердия ищут лишь, как бы обратить в свою пользу все для них подходящее...»

Строительство набережной в Петербурге.
Гравюра. Конец XVIII в.

Лицемерие — одно из отличительных свойств политики Екатерины. Она обожала гуманные декларации, но отнюдь не считала себя обязанной им следовать.

С одной стороны, она делала вид, что рабство и бесправие большинства ее подданных ей противны, и издавала указы вроде следующего: «Ее императорское величество высочайше указать изволила от ныне впредь... в присылаемых ее величеству письмах и реляциях или донесениях, по окончании оных, вместо *всеподданнейшего раба* подписывать просто *всеподданнейший* или *верный подданный*; а равным образом в патентах, присяжных листах и во всех прочих бумагах, где до сего слово *раб* включаемо было, вместо оного употреблять имя *подданный*».

Но, с другой стороны, в том же 1786 году она без колебаний подписала документ совсем иного порядка: «Как цены ныне вообще на все противу прежнего гораздо возвысились, то положенная в Генеральном рекрутском

1766 года Учреждении рекруту цена сто двадцать рублей недостаточна, а потому... постановить рекруту цену триста шестьдесят рублей». «Гуманная» царица считала естественным оценивать стоимость людей в рублях.

В разных концах города Крылов то и дело натывался на «невольничьи рынки». На «особливых дворишках», принадлежавших частным лицам, выставлялись на продажу крепостные — мужчины, женщины, дети... У каждого на лбу был ярлык с указанием цены и специальности. Иностранец, побывавший в те времена в Петербурге, вспоминал потом: «Я не думаю, чтобы продажа негров на сенегаляских перекрестках была бы более позорной, чем то, что происходило в Петербурге еще в конце XVIII века, под покровительством Академии наук и на глазах Екатерины *lé grand*, Екатерины-Философа».

Итак, употреблять слово «раб» не рекомендовалось, зато не возбранялось торговать людьми.

Эта двойственность императорской политики вызывала в обществе самые различные иллюзии. Многим радикально настроенным дворянам и разночинцам казалось, что стоит оказать сильное давление на колеблющееся правительство — и в России произойдут великие перемены. Такие иллюзии разделял первое время и Крылов.

Литератор-просветитель, он добросовестно пытался воздействовать на сильных мира сего (для этого были написаны «Клеопатра» и «Филомела»), он пытался воззвать к дворянским добродетелям и написал «Бешеную семью».

Но иллюзии оказались недолговечными. Очень скоро Крылов понял, что жестоких лицемеров, в руках которых была власть над судьбами людей и судьбами искусства, ни в чем убедить нельзя.

Дела молодого писателя как будто шли вполне успешно. Соймонов по-прежнему благоволил к нему. «Бешеная семья» была положена на музыку, «Сочинитель в прихожей» принят к постановке, переведенная с французского опера «L'infante de Zamorra» шла на сцене.

И тут случилось нечто на первый взгляд совершенно невероятное. Крылов вступил в непримиримую борьбу с одним из самых крупных и популярных драматургов своего времени — Я. Б. Княжниним. Он решился на все: на скандал, на ссору с Соймоновым, на разрыв с театром...

Как же могло это случиться?

Если внимательно присмотреться к положению Крылова в то время, то станет ясно, что оно не было таким благополучным, каким казалось со стороны, и вряд ли могло его удовлетворить. Он оставался мелким чиновником, на нищенском жаловании, всецело зависел по службе от своего начальника Соймонова. Как самостоятельный писатель, он был известен только тем, кто знал его лично, кто мог в рукописи читать его пьесы. А ведь в свои девятнадцать лет он уже достаточно проявил себя и чувствовал, что способен на гораздо большее.

Это несоответствие между талантом и положением, возможностями и условиями сильно ранило самолюбие Крылова. А в том, что он был самолюбив, нет сомнения. По словам М. Е. Лобанова, его сослуживца и биографа, он был в то время «вспыльчив иногда до крайности; любил отомстить своим врагам, особливо за оскорбленное самолюбие».

Еще меньше устраивали Крылова перспективы, которые открывались перед ним. Да, генерал Соймонов, вновь назначенный управляющим театрами, покровительствует ему, но за свое покровительство он требует послушания.

Он не торопится ставить «Сочинителя в прихожей», а поставил эту пустую французскую оперу «L'infante de Zamorra». Крылову уже неинтересны были комические оперы вроде «Бешеной семьи», его волновали гораздо более важные проблемы, он хотел сказать о них публике. Но разве это нужно генералу Соймонову? Он запретил оперу «Американцы», незадолго перед тем написанную Крыловым, потому что там дикари приносят в жертву богам белого. Генерал решил, что это «револютирует» публику.

Театр не оправдал ожиданий Крылова. Он понимал: для того чтобы не превратиться в сочинителя в прихожей, а занять в обществе место, достойное литератора, необходимо решительно порвать с Соймоновым, с официальным театром.

И вот в этот момент произошло столкновение его с Княжниным. Впрочем, даже не с самим Княждиным, а с его женой. Княжнина Крылов, по собственному утверждению, лично не знал.

Известный литератор Н. И. Греч рассказывал по поводу этого столкновения следующее. Когда Крылова познакомили с Княждиной, она спросила его, чем он занимается. Крылов, «юноша тихий, кроткий и, как сказывали сверстники его, худощавый», ответил, что переводит оперы для театра. «И что вы получили за ваши переводы?» — «Мне дали свободный вход в партер». — «А сколько раз вы пользовались этим правом?» — «Да раз пять». Княжнина засмеялась. «Дешево же! Нашелся писатель за пять рублей!»

Эта насмешливая реплика была весьма характерна. Речь опять же шла о цене. Действительно, что за писатель за пять рублей? Вот за пять тысяч — дело другое.

Неудивительно, что Крылова, для которого вопрос об общественном положении писателя был в тот момент

самым больным, подобная насмешка привела в бешенство. Сочинители в прихожей упрекали его в том, что ему мало платят!

Молодой писатель отлично знал, каким унижениям подвергалась русская литература с самого своего рождения. Тредьяковского били палками, над Сумароковым издевался пьяный московский губернатор. В русского литератора вбивали лакейскую психологию. И Крылов, к ужасу своему, стал убеждаться, что психология эта прививается. Литераторы судили друг друга по ее законам. Если ты исправно служишь самодержавной власти, если ты пожалован чинами и тебе много платят — ты хороший писатель. Если ты служить не хочешь, чинов не имеешь и платят тебе гроши — писатель ты никудышный. Вот и его, Крылова, стали мерить этой меркой.

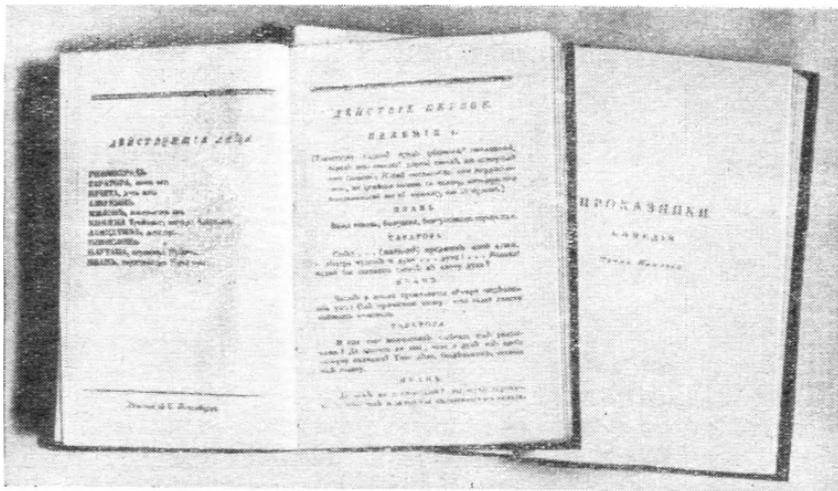
Но Крылов не желал мириться с таким положением.

И вскоре появилась на свет комедия «Проказники», логическое продолжение и развитие «Сочинителя в прихожей», первая в русской литературе пьеса из быта литераторов.

В основу комедии положен принцип, который затем стал главным в сатирическом творчестве Крылова, — сатира на лица. За каждым из главных действующих лиц «Проказников» стоит реальный человек, современник Крылова. Драматург Рифмокрад — Княжнин, Таратора — его жена, врач Ланцетин — театральный врач и переводчик И. Виен, поэт Тянислов — стихотворец П. Карабанов.

Действие, как не забыл указать автор, происходит в Петербурге.

Сюжет комедии прост и чрезвычайно типичен для драматургии XVIII века: двое влюбленных — Милон и Прията, деспотичные родители Рифмокрад и Таратора, которые не дают им соединиться, и, наконец, хитрая служанка, которая устраивает счастье молодых людей.

«Проказники», комедия И. А. Крылова.
 Первая публикация в «Российском Феатре». 1793 г.

Но эта обычная схема в данном случае наполнена отнюдь не обычным содержанием.

Рифмокрад беззастенчиво крадет свои трагедии у европейских поэтов. Таратора пишет вздорные вирши и на каждом шагу изменяет мужу, (Княжна, урожденная Сумарокова, действительно писала стихи). Все в комедии творят — на глазах у зрителя создаются оды, элегии, трагедии. Но для каких целей?

«Ланцетин. Ты сам еще мне должен за два кровопускания.

Тяни слов. А я написал тебе две эпиграммы на комедию, которую я не читал и которою хотел, как ты говоришь, угодить какой-то госпоже, — это ты позабыл?»

Стихами можно заплатить врачу, стихами можно —

как это делает Таратора — угодить любовнику, стихи можно использовать — как это делает Тянислов — вместо нашатырного спирта. Как угодно используется литература, только не по своему высокому назначению. Полная аналогия с «Сочинителем в прихожей», но в еще более широком плане.

Как и в «Сочинителе», в «Проказниках» сильны элементы пародирования. Издевательство над «высоким штилем» начинается буквально с первых строк, с диалога Таратора и парикмахера Ивана.

«Таратора. Предмет моей души и лекарь чувств и духа... духа!.. Ванька! какой бы сыскать стих к слову духа?

Иван. Чтoб у этого проклятого лекаря отрезать оба уха! Он причиною тому, что вашу голову поймать не можно».

Несколько дальше Крылов заставляет бездарного Тянислова читать свои стихи — злейшую пародию на «высокую оду»:

В полунощъ ноши мракъ восстал,
Вихрь в твердь вдругъ дохнул —
И твердь тряхнулась,
Марсъ бодръ вмигъ одръ свой оставляя,
Утроба гневомъ в немъ раздулась.

Писания графоманов в «Проказниках», как и в «Сочинителе в прихожей», подвергаются чисто физическим несчастьям: в «Сочинителе» тетрадь со стихами попадает под карету, в «Проказниках» элегия Таратора идет на папильотки.

Крылов, надо сказать, был во многом несправедлив к Княжнину. Княжнин действительно часто заимствовал сюжеты. Но, во-первых, подобное заимствование широко бытовало в эпоху классицизма, а во-вторых, пользуясь готовыми сюжетами, Княжнин разрабатывал их достаточно

оригинально. Ведь недаром же он был популярнейшим, после Сумарокова, русским трагиком XVIII века.

Княжнин имел репутацию человека смелого и благородного, был известен как ревнитель просвещения. В 1789 году он написал глубокую и своеобразную по мысли трагедию «Вадим», в которой выражены явные республиканские симпатии. Гневные монологи республиканца Вадима, ненавидящего самовластье, звучали особенно злободневно накануне Французской революции. А после падения Бастилии Княжнин выпустил брошюру «Горе моему отечеству». Тогда он был вызван в Тайную канцелярию, допрошен там и вскоре умер. Ходили упорные слухи, что причиной смерти была пытка. «Княжнин умер под розгами», — писал Пушкин. Декабрист М. Лунин утверждал: «Писатель Княжнин за смелые истины в своей трагедии «Вадим» подвергся пытке в Тайной канцелярии».

Все это произошло несколько позже, но и в 1788 году Княжнину и Крылову, казалось бы, скорее пристало быть союзниками, чем врагами.

Однако, даже не будь случайного личного столкновения, им было бы трудно понять друг друга. Княжнин принадлежал к аристократической оппозиции — он был секретарем Бецкого, зятем и другом Сумарокова. Крылову же с его демократическими взглядами эти люди были глубоко чужды.

Он видел в Княжнине воплощение ненавистных ему лакейских черт тогдашней литературы. Княжнин — фрондер, оппозиционер? Да. Но оппозиционер на службе у правительства. Княжнин известный литератор? Да. Но он служилый литератор, сочинитель в прихожей самодержавия.

Крылов выбрал в качестве объекта для непримиримой вражды не какого-нибудь откровенно верноподданного писателя, а Княжнина — не реакционера, но и не радикала.

Именно эта промежуточность позиции и раздражала больше всего максималиста Крылова.

Неверно рассматривать «Проказников» как простой пасквиль на Княжнина. Автор комедии пытался решить гораздо более широкие общественные и литературные задачи, ответить на главный для него вопрос: каково место литературы в обществе, каков должен быть литератор?

Литератор должен быть честен и независим. Не покровительство власть имущих, не чины, не золотые табакерки, а благо общества — вот истинная цель писателя. Литература — не средство обогащения, литература — высокое служение своей стране, просвещению, добродетели. Настоящий литератор не знает примирения с пороком и несправедливостью. Настоящий литератор — судия и обличитель. Более того, он — верховный судия. С высоты своей неподкупности он «судит земных богов во сонме их». И земные боги — цари — должны чтить писателя и прислушиваться к его слову.

3

Комедия «Проказники» не была еще окончена, когда слухи о ней дошли до Княжнина. Зная о дружбе Крылова с Дмитревским, Княжнин написал актеру письмо, полное упреков. Он был уверен, что Иван Афанасьевич знает о комедии и, как всегда, помогает Крылову советами. Дмитревский меньше всего расположен был вступать в конфликт. Он ограничился тем, что передал Крылову письмо Княжнина.

Прочитав письмо, Крылов не только не предпринял никакой попытки замять историю, избежать скандала, но, напротив, ответил Княжнину письмом, убийственным по саркастичности:

«Милостивый государь Яков Борисович!

К немалому моему огорчению, услышал я от Ивана Афанасьевича г. Дмитриевского, что вы укоряете меня в сочинении на вас комедии, а его в согласии о сем со мною, и будто я сам сказывал, что он сию комедию переправлял, в чем, пишете вы, и уличить меня можно. Я удивляюсь, государь мой, что вы, а не другой кто, вооружаетесь на комедию, которую я пишу на пороки, и почитаете критикою своего дома толпу развращенных людей, описываемых мною, и не нахожу сам никакого сходства между ею и вашим семейством. Я бы в оправдание свое сказал, что я никаких не имею причин на вас негодовать и описывать довольно уже известный ваш дом, но вы, может быть, сыщете на то возражение; итак, чтобы оправдать себя и уничтожить ваши подозрения, я в малых строках желаю вам подать некоторое понятие о моей комедии».

И Крылов с нарочитой подробностью пересказывает содержание «Проказников», общим тоном, подчеркиванием отдельных мест подтверждая подозрения Княжнина.

«Но, — пишет он дальше, — чтобы доказать вам, государь мой, колико я послушлив, вы можете выписать из сих характеров все те гнусные пороки, которым вам или вашей супруге кажутся личностию, и дать знать мне, а я с превеличайшим удовольствием постараюсь их умягчить, если интерес комедии не позволит совсем уничтожить...

Я удивляюсь, государь мой, что с достоинствами, какие в вас, говорят, есть, вы боитесь комедии, и не знаю, что из того заключить. Вам известно, я думаю, что предмет комедии есть осмеивать пороки, а не достоинства, и для того одни порочные должны ее страшиться и ненавидеть, а вы на меня сердитесь! Поверьте, что вас обидел не я, описывая негодный дом, который от трактира только разнится тем, что на нем нет вывески, но обидели те, кои сказали, что это — картина вашего дома...

Я слышал также, государь мой, что вы, еще не читав ни строчки моей комедии, уже меня браните; но я надеюсь, что вы не выйдете из благопристойности, сродной здравому рассудку, и не будете употреблять против меня брань, это гнусное орудие пьяных ямщиков и солдатского сословия. Впрочем, напоминаю вам, что я — благородный человек, хотя и не был столь много жалован чинами, как вы, милостивый государь».

Письмо было отправлено адресату и, кроме того, пущено по рукам в списках.

4

Крылов предложил комедию «Проказники» театру. И одновременно получил разрешение на ее печатание.

Взбешенный Княжнин обратился к Соймонову. Ранее столь активно покровительствовавший Крылову, генерал решительно встал на сторону Княжнина.

Когда Крылов явился с предложением поставить «Проказников», раздраженный Соймонов ответил, что он не допустит на сцену пасквиля, и на том закончил разговор.

Мало того, театральные служители, почуяв настроение начальства, отказались бесплатно пускать Крылова в театр.

Тогда Крылов совершил поступок, совершенно неправдоподобный по своей смелости. Он написал еще одно письмо. Резкое, издевательское письмо самому генерал-майору Соймонову. Тем самым он окончательно и бесповоротно закрыл себе все пути к театру.

Крылов доказал, что он не какой-нибудь Рифмохват. Он не побоялся выступить открыто против сильных мира сего. Во имя независимости литератора он сознательно поступился успехом.

Письмо Крылова к Соймонову это не только бесценный психологический, но и необычайно важный биографический документ. Весь конфликт, с деталями и мотивировками, проходит здесь перед нами.

«Ваше превосходительство, милостивый государь!

И последний подлец, каков только может быть, ваше превосходительство, огорчился бы поступками, которые сношу я от театра. Итак, простите мне, что я, имея благодарную душу, осмеливаюсь покорнейше просить, чтобы удостоили открыть мне причину, которая привлекает на меня ваш гнев, толико бедственный для моих драматических сочинений.

В 1786 году я написал оперу «Бешеная семья», которую, по приказанию вашему, г. Деви, камер-музыкант, положил на музыку; в том же году отдал я на театр комедию «Сочинителя в прихожей», и в том же году ваше превосходительство препоручили мне перевести с французского языка оперу под названием «L'infante de Zamorra», которая имела счастье понравиться вашему превосходительству. Сия опера упала на французском театре, и следовательно, также и на русском, ибо доброй вкус у всех просвещенных народов один, а драма, в которой нет толку, и парадис зевать заставляет.

Ваше превосходительство удостоили своего внимания мое перо: я получил билет для входу в театр и лестное обещание, коим милостиво ободряете вы многих авторов, что не останутся без награждения труды для театра. Почитая непременно слова вашего превосходительства, продолжал я мои труды; но ныне, видя совсем тому противное и заключая, что перемене ваших слов, конечно, причиною какие-нибудь глупые и злые клеветники, ибо я не осмеливаюсь подумать, чтобы ваше превосходительство сами переменили свое слово, и не осмеливаюсь также называть умными клеветников, которые могли очернить меня

В мыслях вашего превосходительства, когда я с своей стороны не подал к тому никакой причины, — заключая сие, говорю я, осмеливаюсь вам объяснить мою невинность перед вами и притеснение, какое наносится мне от театру».

Дальше Крылов подробно рассказывает о своих взаимоотношениях с театральной дирекцией, перемежая рассказ злыми намеками на невежество и дурновкусие Соймонова и откровенными издевательствами над Княжнинным.

Конец письма особенно замечателен тем, что Крылов угрожает противопоставить мнению театральной дирекции, то есть фактически мнению двора, мнение публики.

«Изъясняя преданнейше вашему превосходительству о всех беспокойствах, которые я претерпел, заключаю я сие письмо мое нижайшею просьбою, чтоб ваше превосходительство благоволили с подателем сего письма прислать мою оперу «Бешеную семью», если она уже вам не нравится, также «Американцев», ибо я твердое предприятие намерение одной публике отдать их на суд.

А как я некоторым образом должен ей дать отчет, почему мои творения не приняты на театр, то я думаю, ваше превосходительство, дозволите милостиво припечатать мне сие письмо при моих сочинениях...»

Это письмо, как и письмо Княжнину, разошлось в списках.

Молодой Крылов был по натуре бунтарем. Это чувствуется и в его первых драматургических опытах. Но в то время он еще недостаточно овладел своим талантом, чтобы по-настоящему выразить себя в литературе. Рамки, в которые его заключил Соймонов, были ему нестерпимо тесны. Протест в нем нарастал и должен был наконец вырваться наружу. Окружающий миропорядок был ему гораздо более ненавистен, чем он мог сказать об этом в своих пьесах. Выразить себя в непосредственном действии ему было в тот момент легче, чем в литературном

произведешь. Сама по себе его позиция в конфликте с Княжниным и Соймоновым, а по сути дела — с официальным театром, с требованиями правительства к литературе, гораздо острее и значимее, чем «Проказники».

А когда, ко всему прочему, Княжнин еще обратился за поддержкой к Соймонову, представителю власти, Крылов окончательно утвердился в своей ненависти. Княжнин хочет решать литературный спор при помощи властей? Власти на его стороне? Хорошо же! Он, Крылов, литератор иного толка, будет апеллировать к публике, к общественному мнению. Именно в этом смысл писем. Писем, которые были пущены по рукам, как прокламации.

Это была отчаянная попытка опереться на общество в противовес власти. Одна из первых таких попыток со стороны русского литератора. И в этом принципиальное отличие позиции демократа Крылова от позиций большинства современных ему писателей.

Никаких иллюзий относительно уступчивости властей у Крылова уже не было. Годы жизни в Петербурге воспитали его. То, что он увидел и понял здесь, не оставляло места прекраснодушию. Оставалась — борьба.

**„ПОЧТА
ДУХОВ“**

1

После того, что произошло, Крылов не желал иметь никаких дел с Соймоновым. Он ушел из Горной экспедиции. Теперь он был свободен.

Но за свободу ничего не платят. А деньги были нужны.

В 1788 году умерла Мария Алексеевна. Остался малолетний Левушка, который старшего брата почитал за отца. «Братец-тятенька», — называл он его.

Смерть Марии Алексеевны была тяжелым ударом для Крылова. Он нежно любил мать. «Она была простая

женщина, без всякого образования, но умная от природы и исполненная высоких добродетелей», — говорил он впоследствии.

Сколько несчастий разом обрушилось на Крылова! Кто он теперь? Чиновник без службы. Драматург, изгнанный из театра, одинокий бедняк.

Несчастья ожесточили душу и обострили ум молодого писателя, дарование его сделало огромный шаг вперед. От талантливых, но не первоклассных комедий он пришел к блестящей сатирической прозе «Почты духов», выбрав журнал средством воздействия на умы и сердца людей, средством активного вмешательства в общественную жизнь. Ему было что сказать. Накопился необходимый жизненный опыт, шире стал кругозор, яснее идеалы. Крылов сделался журналистом.

Русской сатирической журналистики в то время вообще не существовало. А ведь расцвет ее был на памяти старших современников Крылова.

Почти за двадцать лет перед тем, в 1769 году, Екатерина II затеяла периодическое издание сатирического толка. Она преследовала две цели: во-первых, продемонстрировать свой либерализм, предлагая всем желающим печатно спорить с ней; во-вторых, используя журнал, направить русскую литературу в сторону, благоприятную правительству. Императрица надеялась подменить подлинную сатиру, в которой так нуждалось русское общество, сатирой улыбатальной, беззубой, самодержавию безвредной. Журнал был назван «Всякая всячина».

Но результат этих литературных затей оказался для Екатерины неожиданным и малоприятным. Издание «Всякой всячины» послужило сигналом к выходу в свет доброго десятка других журналов: «Трутня» Н. Новикова, «Адской почты» Ф. Эмина, «И то и се» М. Чулкова и т. д. Новиков и Эмин воспользовались приглашением и приня-

лись спорить так напористо и остро, что Екатерина оказалась в крайне затруднительном положении.

И литературные данные ее были несравненно более скромными, и, главное, на стороне дерзких спорщиков были неопровержимые факты — вся вопиющая российская действительность. Основываясь на фактах, журналисты требовали укрощения произвола вельмож, обуздания крепостников, укрепления законности. На стороне же императрицы не было ничего, кроме демагогии и грубой силы.

Впрочем, она быстро нашлась и прекратила издание «Всякой всячины». Одновременно были ликвидированы различными способами и противостоящие ей издания. Полемика с императрицей пришла к логическому концу.

Один только Новиков пытался бороться. В 1772 году он выпускал журнал «Живописец», продолжавший сатирическую линию «Трутня», особенно в обличении крепостничества. В «Трутне» Фонвизин напечатал свои «Копии с отписок». Староста сообщает из деревни своему помещику: «Неплательщиков по указу твоему господскому на сходе сек нещадно, только оброку не заплатили, говорят, что негде взять... Неплательщики все прибавляются, и я по указу твоему сбор делал всякое воскресенье, и неплательщиков секу на сходе, только им взять негде...» В «Живописце» был опубликован анонимный «Отрывок путешествия в *** И*** Т***». «Бедность и рабство, — пишет путешественник, — повсюду встречались со мною во образе крестьян... Не пропускал я ни одного селения, чтобы не расспрашивать о причинах бедности крестьянской. И, слушая их ответы, к великому огорчению, всегда находил, что помещики их сами тому были виною».

Разумеется, журнал такого направления, как «Живописец», не мог долго просуществовать. В июле 1773 года выход его прекратился.

Журнальный взлет конца 60-х — начала 70-х годов отражал, с одной стороны, необычайную активность русских литераторов, с позиций просветительства решительно отстаивавших принципы социальной справедливости, а с другой стороны — надежды императорской власти на то, что общественным мнением можно управлять, не прибегая к репрессиям.

Но как только правительство убедилось в неосновательности этих надежд, всякие попытки печатно критиковать существующий порядок были пресечены. И русская сатирическая журналистика замолчала почти на два десятилетия. Лишь изредка появлялись переиздания старых журналов.

Нельзя забывать, что в середине 70-х годов Россия пережила пугачевщину — когда русское самодержавие оказалось лицом к лицу с десятками тысяч вооруженных повстанцев. До конца жизни Екатерина не забывала страха, который она испытала тогда. С тех пор всякое более или менее смелое слово в печати она рассматривала не иначе, как подстрекательство к восстанию. Особенно опасной казалась императрице сатирическая журналистика. Поэтому, когда в 1788 году Фонвизин захотел издавать сатирический журнал «Друг честных людей, или Стародум», ему это было запрещено. Правительственные понятия о честности расходились с фонвизинскими.

Между тем, во Франции назревала революция. Эта предреволюционная атмосфера сильнее всего влияла на состояние умов в России. Передовые люди стремились выразить в печатном слове те радикальные настроения, что уже назрели в русском обществе. А правительство всячески старалось этого не допустить.

Оппозиция режиму екатерининской монархии в эти последние годы своего существования действовала интенсивно и стойко; в оппозиции находились и те, кто мечтал о

совершенствовании существующего общественного устройства, и те, кто стремился к его решительному преобразованию.

Расходилась в списках «Придворная грамматика» Д. И. Фонвизина — злой и дерзкий памфлет на екатерининский двор. «Что есть число?» — спрашивал, например, автор и отвечал: «Число у двора значит счет: за сколько подлостей сколько милостей достать можно...»

Фонвизин принадлежал к аристократической оппозиции, которую возглавлял Никита Панин, воспитатель великого князя Павла Петровича. Единомышленники Панина в 70-х годах XVIII века составляли сильную антиправительственную партию. И Никита Панин, и Фонвизин были сторонниками монархии. Но они считали, что монарх должен свято соблюдать законы страны и радеть о благополучии подданных. Они были за монархию, но против деспотизма. Они полагали, что правительство должно в первую очередь опираться на дворянство. Не на ту полудикую массу поместных варваров, которая предстала на страницах «Недоросля», а на просвещенное, гуманное дворянство. Именно с этих позиций и обличал Фонвизин екатерининский двор, никак не отвечавший его требованиям. И хотя в тот период, о котором идет речь, Никиты Панина уже не было в живых, Фонвизин оставался верен своему другу и пропагандировал их общие идеи.

В то же время отставной офицер Федор Кречетов, создавший в Петербурге «Всенародно вольно к благодетствованию составляемое общество», стоял на позициях совершенно иных. Рассчитывая многого добиться путем распространения просвещения, он, однако, ставил перед собой и непосредственно революционные задачи. Он ориентировался не на просвещенное дворянство, а на неимущие демократические низы. В доносе, поданном на него

в Тайную экспедицию, были приведены слова Кречетова: «...я-де заведу училище такое, что наберу множество людей... а как-де совсем это учрежу, то стану приглашать к себе солдат и уговаривать, чтоб они командиров всех перевязали и холопей и крестьян сделали вольными... и сделаю то, чего никогда в жизни не бывало...»

В 1789 году А. Н. Радищев опубликовал «Беседу о том, что есть сын отечества», в которой доказывал, что истинный патриот должен бороться против «насилия» и «коварства» и стремиться к облегчению участи пребывающих в рабстве сограждан. А «терзающие ближних своих насилием, гонением, притеснением, заточением, лишением звания» не имеют права называться сынами отечества.

В том же году Радищев закончил работу над «Путешествием из Петербурга в Москву» и обдумывал способы напечатания и распространения этой революционной книги.

Своеобразную позицию занимал в то время Новиков. Потерпев поражение в открытом споре с Екатериной, пережив жестокий духовный кризис, он стал членом организации московских масонов — розенкрейцеров. Розенкрейцеры — рыцари золоторозового креста — были мистиками. Спасения для страждущего человечества они ждали не от общественного движения, а от религии. Но вместе с тем они стояли в решительной оппозиции к екатерининскому режиму. Крупнейший советский исследователь XVIII века Г. А. Гуковский писал: «...они никак не могли признать положение дел в России Екатерины II и Потемкина нормальным. Они заявляли, что на земле, и в частности в России, царствует не свет... а грех. В формах мистики они создали утопию о прекрасной стране верующих и счастливых людей, управляемой святыми людьми только по законам масонской религии, без бюрократии,

подьячих, полицейщины, вельмож, произвола, разврата власти... Во имя этой-то утопии лучшие люди масонства не могли примириться с режимом Екатерины...»

Новиков получил в аренду типографию Московского университета, затем организовал «Типографическую компанию» и стал выпускать книги небывалыми тогда тиражами. Диапазон его издательской деятельности был огромен — начиная от масонской литературы и кончая радикальными сочинениями Руссо. Он организовал сеть книжных лавок в Москве и провинции. Открыл библиотеку. Стал бесплатно раздавать книги.

Издательская деятельность Новикова вызывала постоянное неудовольствие властей. Но неудовольствие это особенно обострилось, когда Новиков решился вновь открыто противопоставить себя правительству. Это произошло вскоре после того, как Екатерина в 1787 году совершила известное путешествие в Крым и, созерцая бутафорские деревни и ряженных крестьян, «убедилась», что Россия благоденствует. В том же самом году Россию постиг страшный неурожай. В стране начался голод. Правительство не спешило оказывать помощь голодающим.

За это принялся Новиков. Заручившись поддержкой своих друзей — масонов, добившись богатых пожертвований, он закупал хлеб и раздавал его крестьянам подмосковных деревень. Он спас от голодной смерти многие тысячи людей. Он приобрел этим любовь крестьян и вызвал подозрения и еще большую ненависть правительства. Екатерина считала его главой московских оппозиционеров и была уверена, что он ищет популярности из соображений политических.

На активные действия оппозиции правительство отвечало репрессиями.

Еще в 1786 году Новиков был подвергнут строгому допросу. Была конфискована часть изданных им книг. А два

года спустя Екатерина особым указом запретила продлевать его аренду на университетскую типографию. «Петр Дмитриевич, — писала она главнокомандующему Москвы генералу Еропкину, — подтверждаем и теперь прежнее наше повеление, чтобы университетская типография по истечении срока на содержание поручику Новикову не была отдана».

По воле императрицы был полностью вычеркнут из литературной жизни Фонвизин. Ему запретили публиковать даже переводы.

В 1788 году петербургская полиция начала расследование по делу о сочинениях Ф. Кречетова. В результате ему было наказано, чтобы он «впредь в таковых не заслуживающих одобрения сочинениях не упражнялся». А поскольку сочинений, «заслуживающих одобрения», Кречетов не собирался писать, то путь в литературу ему был закрыт.

В этой напряженной атмосфере начал Крылов свою журнальную деятельность.

2

Для печатания своего журнала Крылов воспользовался вольной типографией И. Г. Рахманинова.

Вольные, или частные, типографии впервые появились в России в начальный, «либеральный» период царствования Екатерины.

1 марта 1771 года указом императрицы иностранцу Иоганну Михелю Гартунгу было дано право завести в Петербурге свою, частную, типографию. Это и была первая вольная типография в России.

Нужно ли объяснять, как важно было появление вольных типографий для развития общественной мысли! Без них бессилён был бы Новиков. Без них не увидело бы

свет «Путешествие из Петербурга в Москву» и многие другие произведения.

Если Гартунг имел право печатать книги только на иностранных языках, то в 1776 году книгопродавцы Вейнбрехт и Шнор получили дозволение печатать в своей типографии и русские книги.

А 15 января 1783 года в Сенате был оглашен следующий высочайший указ: «Всемилоостивейше повелеваем типографии для печатанья книг не различать от прочих фабрик и рукоделий, и вследствие того позволяем, как в обеих столицах наших, так и во всех городах Империи нашей, каждому по своей собственной воле заводить типографии, не требуя ни от кого дозволения, а только давать знать о заведении таком Управе Благочиния того города, где он ту типографию иметь хочет. В сих типографиях печатать книги на Российском и иностранных языках, не исключая и Восточных, с наблюдением, однако ж, чтоб ничего в них, противного законам Божиим и гражданским или же к явным соблазнам клонящегося, издаваемо не было; чего ради от Управы Благочиния отдаваемые в печать книги свидетельствовать и ежели что в них противное нашему предписанию явится, запрещать; а в случае самовольного напечатания таких соблазнительных книг не только книги конфисковать, но и о виновных в подобном самовольном издании недозволенных книг, сообщать куда надлежит, дабы оные за преступление законно наказаны были».

Разумеется, по всей стране стали открываться типографии.

Как и другие либеральные начинания Екатерины, этот радостно принятый указ имел свою оборотную сторону. И темная эта сторона не преминула выступить на свет.

Говоря о сочинениях «противных законам Божиим и гражданским или же к явным соблазнам клонящихся»,

Екатерина никак эти понятия не расшифровала. Что должно считать соблазнительным, что именно противно законам? Это было совершенно не ясно тем, кто призван был осуществлять надзор за печатью. Если учесть, что низовые власти в XVIII веке отличались крайним невежеством и подозрительностью, то нетрудно представить себе, что произошло. Столичные и провинциальные чины стали кроить и править книги по своему усмотрению.

Но несмотря на все это, разрешение вольных типографий было явлением прогрессивным, для правительства опасным. В чем правительство вскоре и убедилось.

После указа 1783 года одним из первых в Петербурге завел вольную типографию И. Г. Рахманинов.

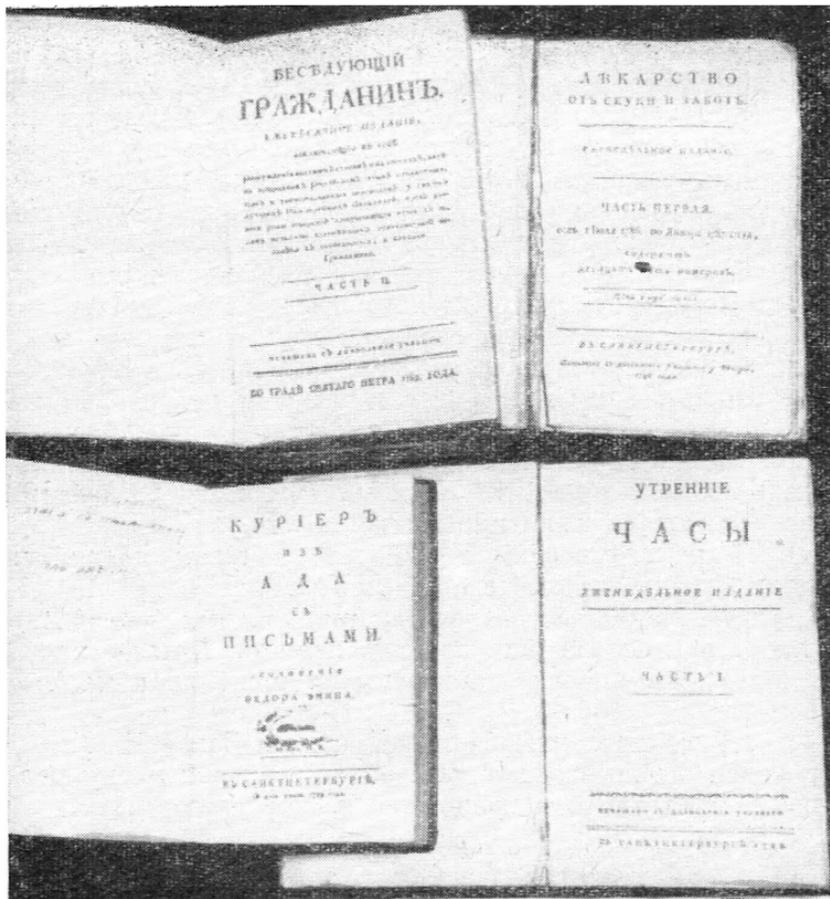
Иван Герасимович Рахманинов являл собою замечательный тип русского вольнодумца XVIII века. Богатый помещик, ротмистр конной гвардии, служба в которой считалась особо почетной, он все свое время и все силы отдавал просветительской деятельности. Его кумиром был Вольтер, а целью жизни — перевод и издание полного собрания сочинений великого мыслителя.

В 1784 году он напечатал «Аллегорические, философические сочинения» Вольтера, а в 1785 году приступил к изданию его трехтомного Собрания сочинений, причем переводы сделал сам.

В 1788 году Рахманинов начал издавать журнал «Утренние часы», в котором опубликовал свои переводы из Мерсье, радикального французского писателя. В журнале сотрудничали многие видные литераторы, в том числе Г. Р. Державин и И. И. Дмитриев.

Познакомился с И. Г. Рахманиновым и Крылов, — скорее всего у Брейткопфа, у которого Рахманинов печатался, пока не завел собственную типографию.

С. П. Жихарев, племянник Рахманинова, в «Дневнике

Журналы, выходившие в Петербурге в 80-х годах XVIII в.

чиновника» за 1807 год рассказывает весьма интересный эпизод.

«В детстве моем, — пишет Жихарев, — я слышал от родных, что дядя мой Иван Герасимович Рахманинов... занимался некогда литературою и был в связи с Крыловым и Клушиным». Встретив однажды на литературном вечере у Державина И. А. Крылова, Жихарев решил проверить это семейное предание и, подсев к нему, спросил, в какой мере оно справедливо. «А так справедливо, как нельзя более, отвечал мне Крылов, — рассказывает далее Жихарев... — Он был очень начитан, сам много переводил и мог назваться по своему времени очень хорошим литератором. Рахманинов был гораздо старше нас, и, однако ж, мы были с ним друзьями...»

Рахманинова молодой Крылов заинтересовал, надо полагать, не только как талантливый литератор, но, прежде всего, как единомышленник-вольнодумец.

В «Утренних часах» в 1788—1789 годах появились первые басни Крылова и его ода «Утро».

Мы не знаем обстоятельств, при которых эти басни были написаны. Но, как и в дальнейшем, Крылов писал их, имея в виду вполне конкретные, хорошо знакомые ему предметы.

Наиболее интересна басня «Павлин и Соловей». В ней говорится о невежде, который вместо соловья купил павлина, считая, что чем краше перья, тем лучше голос.

Подобно, как и сей боярин, заключая,
Различность разумов пристрастно различая,
Не редко жалуем того мы в дураки,
Кто платьем не богат, не пышен волосами;
Кто не обнизан вкруг перстнями и часами,
И злата у кого не полны сундуки.

Герой басни — «боярин». Генерал Соймонов вполне мог принять ее на свой счет.

Дружба с Рахманиновым дала Крылову возможность войти в курс издательского дела. Близко наблюдая процесс издания «Утренних часов», а быть может принимая в нем участие, Крылов понял, какие огромные возможности дает писателю свой журнал.

В судьбе Крылова-журналиста Рахманинов сыграл ту же исключительно важную роль, какую Дмитревский сыграл в судьбе Крылова-драматурга.

То обстоятельство, что у Рахманинова была своя типография, снимало очень тяжелый вопрос, касающийся издания журнала, — вопрос материальный. Рахманинов предоставил свою типографию в распоряжение друга и единомышленника.

Крылов не замедлил этим воспользоваться.

3

15 декабря 1788 года в «Санкт-Петербургских ведомостях» было помещено следующее сообщение:

«В книжной лавке книгопродавца Миллера, состоящей в Луговой-Миллионной под № 77, раздаются безденежно печатные объявления с подробным объяснением о предмете и расположении вновь выходящего ежемесячного издания под заглавием Почта Духов, или ученая, нравственная и критическая переписка арабского философа Маликульмулька с воздушными, водяными и подземными духами, на которое началась ныне в той лавке подписка и будет продолжаться по февраль месяц будущего, 1789 года».

В объявлениях, которые бесплатно раздавались всем желающим в книжной лавке Миллера в Миллионной-Луговой, говорилось:

«Секретарь недавно приехавшего сюда арабского волшебника Маликульмулька, имеющего великое отвращение

к бешеным домам и расположившегося несколько времени прожить здесь инкогнито, сим объявляет, что он по намерению и обещанию своему начал выдавать переписку сего знатного в своем роде го сподина с водяными, воздушными и подземными духами. Издание сие будет очень любопытно для тех, кои не путешествовали под водою, под землею и по воздуху. Он уверяет, что сочинители сих писем — все духи очень знающие и что сам Маликульмульк — человек пресамолюбивый, который всегда говорит хорошо только о себе, отзывается иногда об них не худо и сказывает, будто многие из них очень добрые духи; но только иные не любят крючкотворцев, ростовщиков и лицемеров, а иные не жалуют щегольства, волокитства и мотовства, и оттого-де они никак не могут ужиться в нынешнем просвещенном свете видимыми: почему ходят в нем невидимками и бывают иногда так дерзки, что посещают в самые критические часы комнаты щеголих, присутствуют в кабинетах вельмож, снимают очень безбожно маски с лицемеров и выкрадывают иногда очень нахально и против всех прав общежития из записных книжек любовные письма, тайные записки, стихи и пр. ...Г. Маликульмульк бранит только сей их проступок, однако ж признается, что он сим похищениям и входам без доклада обязан многими весьма любопытными письмами, которые от них получает и делает благосклонность прочитывать без остатка».

Итак — сатирический журнал, касающийся самых разнообразных лиц и явлений.

Журнал, от начала до конца написанный одной рукой, журнал одного автора.

Говоря о форме «Почты духов», нельзя не вспомнить «Адскую почту, или переписку хромоногого беса с кривым» Ф. Эмина, переизданную как раз в 1788 году под названием «Курьер из ада с письмами», «Почта духов»,

И. А. Крылов.

Гравюра с неизвестного оригинала конца XVIII в.

как и «Адская почта», — журнал в письмах, причем корреспондентами в обоих случаях выступают не люди, а духи.

Форма «Почты духов», однако, не была простым заимствованием у Эмина. Его прием у Крылова разработан чрезвычайно тщательно и сложно. В журнале Эмина фигурируют два беса, и оба они выполняют одинаковые функции. В журнале Крылова духов несколько и обязанности их разные.

Ясно, что использование в качестве корреспондентов бесплотных духов, способных проникать куда угодно и принимать любой облик, было очень удобно для сатирика. С их помощью он мог без сюжетных натяжек представить читателю быт и мысли самых разных лиц — от последнего бедняка, встреченного в суде, до могущественного вельможи, живущего в роскошном особняке, и даже обитателей царского дворца.

Несмотря на то что «Почта духов» выходила ежемесячно отдельными книжками, как всякий другой журнал, она была связана единым сюжетом. Это делало ее похожей на роман в письмах.

Сюжетная схема «Почты» такова. Богиня Прозерпина, жена Плутона, владыки царства мертвых, побывав на земле и заразившись мирской суетностью, решила перестроить жизнь ада. Одного из адских духов гнома Зора она отправила на землю отыскать и прислать в ад парикмахера, портного и купца с галантерейными товарами. Адские судьи Радамант, Минос и Эак от Прозерпининых проказ занемогли. В ад срочно понадобились новые неподкупные, справедливые судьи. Отыскать таковых на землю был отправлен гном Буристон. Приключения гномов и составляют основное содержание «Почты». Между информационными письмами гномов публикуются письма духов воздуха — сильфов Дальновиды, Световиды и Выспрепара,

наполненные этическими, философскими и политическими рассуждениями. И только иногда появляются письма нескольких других духов и самого Маликульмулька.

Приключения духов происходят в неких вымышленных городах, но по множеству намеков и признаков читатель всякий раз без труда узнаёт Петербург.

Сам рассказчик — столичный житель. В этой живой фигуре очень много автобиографического, что становится очевидным с первых же страниц журнала.

Вот в холодный дождливый осенний день, столь характерный для Петербурга, идет по городу бедный молодой человек. Он возвращается от его превосходительства г. Пустолоба, к которому много раз ходил по важному делу и неизменно слышал: «Завтра!» Но теперь его терпенье лопнуло и он поклялся, что ноги его больше не будут в передней этого вельможи.

«Ненастье умножалось, я был беден, а потому имел мало знакомых и перепутий», — говорит автор. Мы не знаем, где и на что жил Крылов, уйдя со службы у Соймонова. Но в том, что он был чрезвычайно беден, нет никаких сомнений. А может быть, и бездомен. Скорее всего, он жил у кого-нибудь из своих и в самом деле немногочисленных друзей.

Дождь и холод загнали бедняка в какой-то пустой полуразрушенный дом. Там было посуше и не так ветрено. В этом доме он встретил старика «с седою бородою, большого роста... в платье, усеянном звездами, в поясе, на котором изображены были двенадцать знаков Зодиака». Это был волшебник Маликульмульк, который не долго думая предложил бедняку быть его секретарем. Тот согласился. И волшебник немедленно превратил пустой развалившийся дом в прекрасный дворец. Точнее говоря, он сделал так, что развалины представились его новоявленному секретарю в столь великолепном виде.

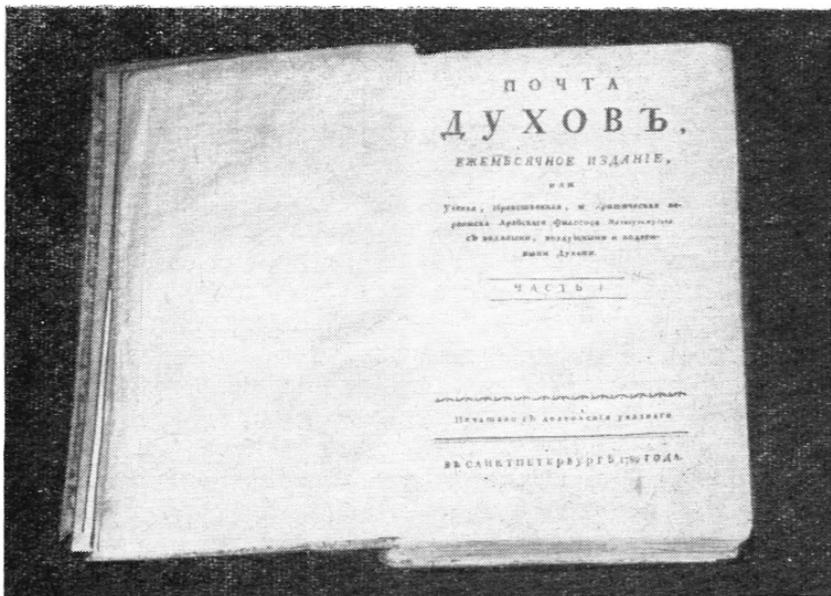
«Что, — думал околдованный бедняк, — если я ел только черствые корки гнилого хлеба тогда, когда казалось мне, что утолял свой голод вкуснейшими пищаами и почитал Маликульмулькова повара искуснее всякого француза? И что, если в самую сию минуту лежу я на голых и на мокрых досках, между тем как воображаю, что лежу на мягких пуховиках, которые бы могли сделать честь кровати и богатейших восточных государей?.. Но надобно и в том признаться, что я совершенно доволен. Пусть люди будут меня почитать бедным, что мне до того за нужда!»

Рассуждения эти очень похожи на образ мыслей молодого Крылова. Не имея от своей литературной деятельности никаких материальных благ, он тем не менее не бросал этого поприща. Ибо духовные блага были для него гораздо ценнее житейского благополучия.

В награду за службу Маликульмульк разрешил своему секретарю публиковать его переписку с духами. Секретарь был благодарен патрону, но денег на издание просить у него не стал, ибо волшебные деньги не имеют ценности в быту, «а я, — говорит автор, — столько люблю всех своих земляков, особливо же типографщиков, что никогда не намерен обмануть их столь бесстыдным образом». Здесь также черта автобиографическая — явный намек на дружбу с И. Г. Рахманиновым, в типографии которого печаталось издание.

4

При первом знакомстве с журналом Крылова не сразу верится, что это — творение двадцатилетнего юноши. Журнал поражает широтой охвата исторического и современного жизненного материала, подробностью и достоверностью его обработки. Кажется, нет предмета, не затрону-

«Почта духов», журнал И. А. Крылова.
1789 г.

того Крыловым. И стоит обратиться непосредственно к эпохе — находит подтверждение любая ситуация «Почты», от самых мелких до самых значительных и острых. В этом высшая конкретность крыловской прозы — конкретность литературной правды.

Русская сатирическая литература и до Крылова живо интересовалась судьбами дворянской молодежи. Это было естественно — ведь речь шла о будущем государства. Постепенно в литературе сложился тип молодого столичного щеголя — петиметра, пустого и невежественного прожигателя жизни. О петиметрах писали и Новиков, и Эмин.

Проблема дворянского воспитания особенно волновала Фонвизина. Конечно, не мог обойти эту проблему и автор «Почты духов».

Гном Зор, прибыв в Петербург, знакомится с неким Припрыжкиным. Это «молодой повеса, препровожающий всю свою жизнь в шалостях, которыми утешает он своих родителей, пленяет женщин, разоряет легковых заимодателей, изнуряет себя...». Припрыжкин становится проводником Зора. Они вместе ходят по столице, посещают балы, маскарады. И перед гномом раскрывается потрясающая по своей бессмысленности жизнь молодых дворян.

Припрыжкин отнюдь не какое-нибудь чудовище. При всей своей пустоте, он человек новой, «просвещенной эпохи». «Здесь в большом свете почитается за невежество, чтоб не знать по названию вновь выходящих творений или чтоб не знать имен современных писателей...» «Хотя, — добавляет автор, — чтоб читать те сочинения, то считается за потерю времени...»

В этих словах Крылова сквозит не столько ненависть, сколько презрительное сожаление. В отличие от большинства своих предшественников, Крылов понял, что петиметры не столько злодеи, сколько жертвы. Жертвы прав Российской империи. Хозяевам империи выгодно это общественное безразличие дворянской молодежи: пускай молодые люди проводят жизнь в праздности и беспутстве, лишь бы не вмешивались в государственные дела.

Читая страницы журнала, посвященные петиметрам, ощущаешь поистине фонвизинскую горечь автора — вот где и вот как растрачивают свои силы люди, призванные прославить Россию.

Но когда он переходит к изображению тех, кого считает главными виновниками несчастий страны, в его душе уже нет жалости и горечь уступает место негодованию.

Резкость, категоричность молодого Крылова были не

только чертами его характера. Это были черты его общественно-литературной позиции. Он добровольно брал на себя неблагодарную, но необходимую, с его точки зрения, роль, выступая не столько учителем, проповедником, сколько обвинителем, прокурором.

В IV письме сильф Дальновид рассуждает о том, какие наставники нужны человечеству. Философам-проповедникам он противопоставляет мизантропа — человека, «привыкнувшего не обвиняясь говорить истину», ожесточившего свое сердце из любви к ближним, безжалостного во имя добра. «...Язвительные шутки... произнесенные с насмешливым видом такого человека, каков мизантроп, делают больше впечатления и более поражают сердца, нежели наилучшие философические речи».

Итак, сильные средства — сарказм, едкая насмешка. «Когда я взираю на сих людей, кои, не беспокоясь нимало о том, что будут об них говорить, не опасаясь злобы и ненависти своих сограждан, с презрением и смело осуждают все то, что видят в них худого, — тогда кажется мне, будто вижу врачей, окруженных множеством больных, кои, видя, что не хотят они пользоваться обыкновенными способами, принуждены бывают для спасения их жизни дать им против воли лекарства, хотя по истине не весьма вкусные, но способные восстановить их здоровье».

«...Дать им против воли лекарства, хотя поистине не весьма вкусные...» А через пятьдесят лет другой великий обличитель М. Ю. Лермонтов в предисловии к «Герою нашего времени» почти буквально повторит эти слова: «...нужны горькие лекарства, едкие истины».

А. И. Герцен писал о сатирическом направлении в русской литературе конца XVIII века: «То было новое отрицание существующего порядка вещей, которое вырвалось, наперекор монаршей воле, из глубины пробудившегося сознания, — крик ужаса каждого молодого

поколения, опасаящегося, что его могут смешать с этими выродками».

Целая сюжетная линия в «Почте духов» посвящена столичному судопроизводству. И не мудрено. Суд воплощал в себе самые темные, жестокие, отвратительные черты екатерининского режима.

В этом случае Крылов опирался на богатейшую в русской литературе и русском фольклоре традицию обличения несправедного суда.

Гном Буристон, отправленный на поиски неподкупных судей, с самого начала чувствует безнадежность своего предприятия.

Он обращается за советом к душам Диогена и Демокрита. Но философы, узнав, в чем дело, только издеваются над ним.

« — Я советовал бы тебе лететь на север (т. е. в Россию. — *Авт.*), — насмешливо говорит Диоген, — там, может быть, найдешь ты надобное тебе число таких судей...

— Я верю, — сказал Демокрит, — что ныне правосудие не с молотка продается, — и захохотал во все горло.

— Ах! — отвечал я печально, — и я верю тебе, Диоген, по скажи мне, отчего бо́льшая часть судей приходит к нам в богатых кафтанах, а тени челобитчиков являются сюда нагие, а часто и те самые из них, которые выиграли свой иск, приходят в одних рубашках!

— Любезный друг, — отвечал Диоген, — ты уже знаешь от Прозерпины, что значит слово *мода*: итак, может быть, ныне на земле такая *мода*, чтобы челобитчики ходили полунагие, а судьи в богатых платьях: вить надобно же чем-нибудь различать состояния...»

Пессимизм Буристона оказался вполне оправданным. В каком бы суде он ни побывал, везде находил продажность и беззаконие.

После долгих поисков гном явился в «одну из слав-

нейших лавок Фемиды», над дверью которой была прикреплена восковая доска с надписью:

Хранящий истины уставы,
Законы ты мой внемли:
Не продавай своей расправы,
Не будь здесь пьян и не дремли.

Но слова эти на воске почти стерлись.

В суде разбиралось дело бедняка художника, который, будучи не в состоянии заработать на хлеб живописью, украл носовой платок у богатого купца. Судьи приговаривают художника к повешенью. Но тут приходит «богато убранный господин» и при помощи небольшой взятки спасает бедняка. Оказывается, этому богачу нужен живописец, чтобы расписать паркет в прихожей.

Буристон, естественно, заинтересовался богачом.

« — Кто это такой, — спросил я у одного из стоящих близ меня, — который столь щедро выкупил живописца и перед которым судьи так благоволеют?»

— Это один преступник, — отвечал он мне на ухо, — который судится в некотором похищении и грабительстве, и вот уж лет двадцать, как это дело тянется.

— Как, — спросил я, — и его до сих пор не повесили! Разве он похитил меньше, нежели золотник меди?

— Нет! — отвечал он, — на него донесено, что он покрал из государственной казны несколько миллионов в золоте и серебре и разграбил целую врученную ему область.

— Пропавший же он человек, — сказал я, — его, конечно, уже замучают жесточайшими казнями.

— Напротив того, — отвечал он, — он уже оправдался перед правосудием, и это ему стоит одного миллиона, а чтоб оправдаться в глазах народа, то он делает такие выкупы, каким освобожден живописец...»

Итак, крупный преступник остается безнаказанным, а мелкая сошка наказуется по всей строгости закона.

При чтении этого письма Буристона невольно вспоминается событие, происшедшее в Петербурге через некоторое время после выхода «Почты духов».

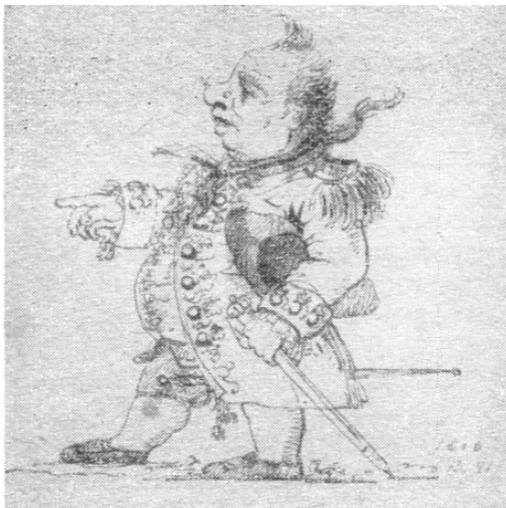
В доме директора Ассигнационного банка Мятлева, на Невском проспекте возле Аничкова дворца, на заседание собралась следственная комиссия. Участвовал в ней президент Коммерц-коллегии Гаврила Романович Державин, петербургский генерал-губернатор Архаров и хозяин дома. Речь шла о растрате в Заемном банке. Кассир Кельберг похитил 600 000 рублей казенных денег и пытался бежать, но был схвачен. В ходе следствия выяснилось, что похищение произведено с ведома директора банка графа Завадовского, в прошлом фаворита императрицы. Очевидно, у членов комиссии был большой соблазн замять это дело. Но Державин со свойственными ему прямоотой и честностью не дал этого сделать. Он представил Екатерине подробный доклад. Завадовский испугался, заболел и подал просьбу об увольнении. Но он мог не пугаться. Императрица разгневалась не на своего экс-любовника, а на Державина. Она назвала его «следователем жестокосердным» и велела передать дело в Сенат. В результате Завадовский был полностью оправдан, а кассира Кельберга с женой отправили на каторгу.

В рассказе Буристона есть один, казалось бы, мелкий штрих: большие мошенники задабривают народ, тратя на это толику у него же уворованных денег. Но это не мелочь и не выдумка, а явление в высшей степени типичское для того времени.

Незадолго до приезда Крылова в Петербург откупщик Логинов, за четыре года накопивший огромное состояние, устроил праздник в Летнем саду. Наверно, его грабительство было слишком явным, и он решил как-то «задобрить»

Вельможа.

Рисунок И. Бугаевского. Начало XIX в.

жителей столицы. По всему городу были расклеены афиши: «В честь высочайшего дня тезоименитства ее императорского величества представляется от усердия благодарности, от здешнего гражданина, народный пир и увеселение в разных забавах с музыкою на Царицыном лугу и в Летнем саду сего ноября 25-го дня во втором часу, где представлены будут столы с яствами, угощение вином, пивом, медом и проч., которое будет происходить для порядка по данным сигналам ракетами: 1-е к чарке вина, 2-е к столам, 3-е к ренским винам, пиву, полпиву и прочему. Потом угощены будут пуншем, разными народными фруктами и закусками...» Праздник действительно был великолепен. Но окончился он печально. Множество людей, напившись, замерзли на улицах, многие, жившие на окраинах, стали жертвами грабителей. Всего в эту ночь погибло около четырехсот человек. История была скандальная. И Крылов, конечно, знал о ней.

Ничуть не привлекательнее судей изображены Крыловым вельможи, слышущие благодетелями.

Гном Буристон попадает в приемную такого вельможи и видит «многочисленное общество здоровых и изуродованных бедняков», которые наполняли переднюю комнату. «...Бледные их лица и изодранные платья показывали, сколь нужна была им помощь...» Среди прочих видит он старого военного и начинает его расспрашивать. Тот рассказывает Буристону свою историю: «Имея отважный дух, всячески старался я оказывать себя во всех сражениях, покуда пушечное ядро не наказало моего безумного бешенства: оно унесло мою ногу, а с нею вместе и покровительство моего начальника, которому нужны были любимцы с обеими ногами. Мне, однако ж, сказано, что я могу иметь пропитание от отечества, которому жертвовал собою. Наконец, я уволен от службы, нажив в оной 30 ран и деревянную ногу. С таким-то прекрасным доказательством моей храбрости явился я к сему вельможе; он очень учтиво меня принял и обещал мне выходить порядочное пропитание; с такою радостною надеждою таскаюсь я к нему уже четыре года...»

Знакомая история. Не то ли же самое произошло с гоголевским капитаном Копейкиным, а раньше — с Андреем Прохоровичем Крыловым? Верный служака — что он получил за свою службу?

Линия обличения вельмож разработана в «Почте духов» едва ли не подробнее всех остальных. Все, чем славилась столичная знать, что определяло ее общественное поведение и образ жизни, появилось на страницах журнала Крылова...

Вот летит по улицам города, в который попал Буристон, запряженная шестеркой карета. В ней вельможа, который «почтет себе величайшим оскорблением, если отпрячь хотя одну лошадь от его ящика...» — ему напле-

вать на «пешеходца», и он может смять его или, в лучшем случае, «забрызгать грязью с ног до головы». И бедные «пешеходцы» «теснятся и мнут друг друга, чтобы не быть задавленными...».

А вот что рассказывал в своем описании Петербурга французский посланник граф Сегюр: «...Лица, чином выше полковника, должны были ездить в карете в четыре или шесть лошадей, смотря по чину, с длиннородым кучером и двумя форейторами. Когда я в первый раз выехал таким образом с визитом к одной даме, жившей в соседнем доме, то мой фореитор уже был под ее воротами, а моя карета еще на моем дворе!»

Не знающие преград в своих странствиях корреспонденты волшебника Маликульмулька проникают не только в набитые просителями приемные, роскошные покои сановных особ, но и туда, куда ни один простой смертный проникнуть не смел, — в чертоги государей и их министров. «Доброта» государей и «мудрость» министров описаны на страницах «Почты духов» столь же красноречиво и смело, как «честность» судей и «человеколюбие» сановников.

Вероятно, немалое удивление и даже робость охватывали читателей журнала, когда они находили в нем такие слова сильфа Дальновида: «Львы и тигры менее причиняли вреда людям, нежели некоторые государи и их министры... Ежегодно почти видим мы людей, которые для удовлетворения своего тщеславия, гордости или корыстолюбия жертвуют подобными себе людьми без малейшего угрызения совести».

«Некоторые государи и их министры...» Читатель понимал, о ком идет речь. Да и как было не понять! Как раз в это время находился в зените могущества Потемкин. Его тщеславие и гордыня не знали границ. Он мечтал о разгроме Турции и о создании Греческой империи

под эгидой России. Для себя он желал польской короны. Императрица шла еще дальше в своих честолюбивых замыслах. «Я не умру без того, — говаривала она, — пока не выгоню турок из Европы, не усмирю гордость Китая и с Индией не осную торговли». Появлялись на свет все новые завоевательные проекты, один головокружительнее другого. А расплачиваться за эти проекты приходилось народу: войны Екатерины были длительны и кровопролитны.

Порочные нравы екатерининского двора были предметом всеобщего осуждения, но никто не репался говорить об этом прямо. Крылов же сказал все, что он думал, достаточно резко и недвусмысленно: «Таковые государи, предающиеся страстям своим, сами чувствуют, сколько поступки их противны истинной чести, целомудрию и человеколюбию».

«Противные чести и целомудрию поступки» Екатерины привели к явлению страшному в масштабе государства — к фаворитизму. Фаворит, даже кратковременный и незначительный, прежде всего опустошал государственную казну. Он получал в подарок земли, тысячи крепостных, огромные суммы денег. В бумагах английского дипломата Гарриса, жившего тогда в Петербурге, сохранились чрезвычайно выразительные записи: «Семья Орлова получила с 1762 г. до сегодняшнего числа 1783 г. 45 000 крестьян и 17 миллионов драгоценностями, утварью, дворцами и деньгами. Васильчиков, простой лейтенант гвардии, получил за 22 месяца, в течение которых находился в фаворе, 100 000 рублей деньгами, 50 000 драгоценностями, меблированный дворец в 100 000 рублей, на 50 000 утвари, 7000 крестьян в России, содержание в 20 000 рублей, ленту св. Александра Невского и камергерский ключ. Потемкин в два года своего фавора получил 37 000 крестьян в России; в драгоценностях, дворцах,

содержании, утвари около 9 миллионов; все возможные существующие ленты и был сделан до третьего поколения князем священной Римской империи. Украинец Завадовский получил за 18 месяцев фавора 6000 крестьян в Украине, 2000 в Польше и 1800 в России, 80 000 рублей драгоценностями, 15 000 деньгами, на 30 000 утвари и секретное содержание из кабинета в 10 000 рублей, голубую ленту Польши и камергера России.

Эти записи Гarrisа — убедительный комментарий к весьма прозрачным намекам «Почты духов».

На смертельно опасном пути обличения фаворитов Крылов не изменяет обычной своей конкретности. Вот он рассказывает о человеке, который, служа Людовику XIII, открыто пренебрегал всемогущим Ришелье. «Я его не боюсь и не почитаю, — сказал он некогда, разговаривая о сем министре. — Я служу королю; ревность и усердие мое оказываю только одному ему; а впрочем, мало беспокоюсь, любит ли меня кто или ненавидит». А когда Ришелье предложил ему свое покровительство, то он ответил, что не имеет нужды ни в чем покровительстве, кроме государева.

Произошла ли такая история во Франции — неизвестно. Но вот отношение Суворова к Потемкину было всем прекрасно известно. Петербуржцам не приходилось сомневаться, на что намекает дерзкий журналист. Тем более, что ответ независимого человека всемогущему кардиналу почти буквально совпадал с широко известным ответом Суворова Потемкину: когда тот предложил Суворову награждать его, полководец ответил, что награждать его могут только бог и государыня. А произошло это в 1789 году, перед выходом очередной книжки «Почты духов».

Крылов говорит о «государях, которые слушают ласкательства для своего удовольствия, а наставления

мудрецов — для того, чтобы по вечерам засышать от их нравоучений».

Кому было не ясно, что речь идет о флирте Екатерины с французской просветительской философией.

Опора монархии — дворянство, чиновничество и вельможная знать, всесильные министры и сама императрица — вот «герои» «Почты духов».

Однако автор не забывает и тех, за счет кого веселятся в роскошных особняках и дворцах все эти «герои», — о великом множестве бесправного трудового люда. Это «здоровые и изуродованные бедняки», пришедшие просить помощи в переднюю вельможы, хлебопашцы, разоряемые жестокосердными помещиками, голодающие юноши-разночинцы.

Таких людей, как мы знаем, Крылов встречал ежедневно — в Измайловской слободе и на набережной Фонтанки, в Казенной палате и Горной экспедиции. Он помнил их еще по Твери. Он сам был из их числа.

Свое отношение к этим людям он выразил без всяких обиняков. «Смерть воина, сраженного во время битвы скоропостижным ударом, — пишет сирф Дальновид Маликульмульку, — не столь мучительна, как смерть бедного земледельца, который истаевает под бременем тяжелой работы, который в поте лица своего снискивает себе пропитание и который, истощив все свои силы для удобрения земель, видит поля, обещающие вознаградить его обильною жатвою, расхищаемые корыстолюбивым государем...»

И тот же Дальновид, рассуждая о родовитых дворянах и «низких» гражданах, решительно заявляет: «...мещанин добродетельный и честный крестьянин, преисполненные добросердечием, для меня во сто раз драгоценнее дворянина, счисляющего в своем роде до тридцати дворянских колен, но не имеющего никаких достоинств, кроме того счастья, что родился от благородных родителей, кото-

Гуляющие и нищий.

Рисунок И. Бугаевского. Начало XIX в.

рые так же, может быть, не более его принесли пользы своему отечеству, как только умножали число бесплодных ветвей своего родословного дерева.

Обнажая с большой смелостью противоречия окружающей жизни, Крылов отчетливо определяет свою общественно-литературную позицию. Автор «Почты духов» предстает перед нами как просветитель и демократ, враг угнетения и поборник социальной справедливости, а журнал его, по словам современника, как «периодическое

издание, наиболее философическое и наиболее колкое из всех, какие когда-либо осмеливались публиковать в России».

5

В «Почте духов», естественно, нашли отражение и те сферы столичной жизни, которые были особенно близки Крылову, — литература и театр.

Разговор о литературной жизни начинается с письма беса Астарота. Астарот явился на землю по требованию некоего стихотворца, который умирает с голоду, не находя сбыта своим творениям. За сытный обед и кошелек червонцев он готов продать душу черту.

В рассказе стихотворца о своих злоключениях есть любопытный эпизод. «Один только недавно разбогатевший господин, которого отец был конюхом, подарил мне шесть луидоров за то, что вывел я его родословную от великого Могола», — говорит стихотворец.

В подобных услугах во второй половине XVIII века нуждались многие. Так, например, граф Сиверс, гофмаршал Елизаветы, утверждал, что его предками были шведские дворяне. Но по Петербургу ходили упорные слухи, что основоположником этого «знатного» рода был конюх немец. Над притязаниями Сиверса потешался еще Эмин в «Адской почте». Граф Разумовский, первый елизаветинский вельможа, владелец Аничкова дворца, был сыном простого казака из села Лемеша Черниговской губернии.

Что касается самой ситуации — художник продает душу нечистой силе, — то, достаточно разработанная в европейской литературе, в литературе русской она едва ли не впервые была изображена Крыловым. И не случайно. Как мы знаем, именно в то время — время жестокого давления на литературу — вопрос о компромиссе писателя со своей совестью стоял особенно остро.

В письме сороковом — «от Эмпедокла к волшебнику Маликульмульку» — содержатся рассуждения об Аристотеле: «Удостоверяют, что он (Аристотель) был изгнан из своего отечества за то, что приносил жертвы своей наложнице и в честь ее сочинил *гимн*. Можно ли далее сего простереть безумие? И самый глупейший вертопрах нынешнего века делал ли что-нибудь сему подобное? Я не нашел ни в одной книге из твоей библиотеки, чтоб и в Париже делали такое боготворение бывшим там славнейшим *кокеткам*...»

Выделены два слова — гимн и кокеткам. В Париже, может быть, ничего такого и не было, а вот в Петербурге очень даже сочинялись гимны в честь одной «славнейшей кокетки», а именно — императрицы Екатерины II. Иначе что такое все написанные в ее честь оды? «Можно ли далее сего простереть безумие?»

Современный Крылову читатель безошибочно разгадывал такие нехитрые ребусы.

Не забыл Крылов и Княжнина. Он выведен в двенадцатом письме «Почты» под именем «рассерженного человека», который требует кары для своего литературного врага и размахивает нелепой челобитной. Кончается челобитная издевательством над апелляцией Княжнина к Соймонову:

Прошу ж покорно, накажите
За пасквиль моего врага
И впредь указом запретите
Писать сатиры на рога.

Жестоко высмеивается и трагедия Княжнина «Рослав», шедшая на сцене Петербургского Большого театра.

Посвятив подробной характеристике столичного театра и его нравов письмо девятнадцатое, автор «Почты» затем неоднократно возвращается к этой теме. В письме сорок

четвертом он зло высмеивает оперный спектакль, на который попал гном Зор, и заключает свое описание словами: «Театр... есть училище нравов, зеркало страстей, суд заблуждений и игра разума, но здесь ничего этого не видно».

В тридцатом письме автор начинает новую полемическую линию, которая протянется за пределы «Почты духов» в другие крыловские журналы. В этом письме упоминается журнал «Бредящий мещанин» — издевательская переделка названия «Беседующего гражданина» (журнала «Общества друзей словесных наук» — либерально-масонской организации). Журнал поставлен в очень любопытном ряду — «Бабушкины выдумки, Бредящий мещанин и изданные в четверку без правил краденые сочинения Рифмокрада...». «Бабушкины выдумки» — это «Сказки бабушки» С. Друковцова, вышедшие в 1778 году, — откровенно развлекательная книжка, украшенная к тому же подобострастным посвящением: «Его высокородию статскому советнику Прокофию Акинфиевичу господину Демидову». «Краденые сочинения Рифмокрада» — произведения Княжнина. Следовательно, с одной стороны, Крылов ставит «Беседующего гражданина» в один ряд с легковесным чтивом, а с другой — приравнивает к сочинениям своего злейшего врага. Для столь резкого выпада нужны были серьезные причины. Они были.

В январской книжке «Беседующего гражданина» 1789 года было напечатано анонимное произведение под названием «Бредни праздного Педанта». Начинаются эти «Бредни» так: «Что ежели бы нашему брату за то деньги давали, чтоб, сидя на одном месте и ничего не делая, марать бумагу какими-нибудь головолomными затеями! Я бы, конечно, получал доходу не меньше иного откупщика. Тотчас бы ударился в Сатиры; потому что они для нашего брата ученого всего кажутся легче, да и прилич-

нее. Похвалить-та мудрено; тут страждет собственное наше самолюбие, а разругать, что ступишь, то случай. Летит, например, кто-нибудь в карете; ты и думаешь, что он без ума, не стоит етой чести, и говоришь, что скота везут скоты, а я-де как ни учен, как ни полезен типографиям, однако ж со всей философскою важностию иду пешком, уткнув нос в землю и рассуждая о суете мирской, а что всего досаднее, забрызган грязью от дурака».

Каждая фраза здесь бьет по Крылову.

«Беседующий гражданин» отрицает сам принцип сатирического обличения — главный принцип «Почты духов». Отрицает право литератора на профессионализацию — «ничего не делая, марать бумагу...». «Друзья словесных наук» считали, что литературой надо заниматься во время, свободное от службы. На независимое положение Крылова и его единомышленников, занимающихся только литературным трудом, намекает и заголовок — «Бредни праздного Педанта».

Кроме того, в приведенном отрывке есть почти буквальные совпадения с «Почтой духов».

«Летит, например, кто-нибудь в карете; ты и думаешь, что он без ума, не стоит етой чести, и говоришь, что скота везут скоты...» А Крылов писал: «...осямнадцать скотов притащили трех бесполезных человек».

«...Я-де... как ни полезен типографиям», — заявляет Педант. «...Я столько люблю всех своих земляков, особливо же типографчиков...» — пишет Крылов во вступлении к «Почте».

Дальше в «Бреднях праздного Педанта» мы читаем: «...я начал бы с Сатир и, как постельная собачка, начал бы брехать на всех без разбору...» Затем: «Что твое перо, как бы остро оно ни было, перед шпагою, а особливо в руках рослого Драгуна». А в девятом письме «Почты» гном Зор говорит об ученых: «...давно они в побранке

с Фортуною, которая смотрит на их сатиры и брани точно так, как рослый драгун на лаяние маленькой постельной собачки». Как видим, и «рослый драгун» и «постельная собачка» попали в «Бредни» из «Почты духов».

Вскоре после «Бредней праздного Педанта» «Беседующий гражданин» помещает «Рассуждение о том, сколько здоровое суждение (Критика) споспешествует природным дарованиям, и сколько осмеивание (Сатира) вредит оным». Здесь обращают на себя внимание строки, относящиеся непосредственно к конфликту Крылова с Княжниным. «Друзья словесных наук» решительно взяли под свою защиту обиженного драматурга. Намеки на эту ссору были еще в «Бреднях»: «...о Пасквилях я уж и не говорю, — писал Педант. — Мне кажется, что нет, да вряд ли и будет кто-нибудь, которого бы я не в состоянии был разругать для своего честолюбия или в удовольствие того, на чей щёт иногда пообедаете». Но если в «Бреднях» содержатся только намеки, хотя и весьма прозрачные, то в «Рассуждении» дана резкая оценка всего конфликта и позиции Крылова: «Если бы осмеивание по крайней мере довольствовалось распространением мрака на дарования! Ежели бы оно, понося Сочинителя, почтило Человека, хотя столько, чтобы щадило в нем самое драгоценнейшее, его честь! Но что видим!.. Уже нравы ваши бесчестятся ругательными сочинениями...»

И все это писалось меньше чем через год после ссоры с Княжниным! Можно себе представить, как раздражен был Крылов. «...Сочинители «Бредящего мещанина» почитают прекраснейшими творениями глупые свои бредни», — писал он, возвращая слово «бредни» своим противникам.

Вот каким образом «Бредящий мещанин» оказался рядом с «творениями Рифмограда».

Были и другие причины, определившие характер

отношений между автором «Почты духов» и «Друзьями словесных наук».

«Беседующий гражданин» был изданием либеральным, умеренным. Правда, на его страницах появились и явно оппозиционные произведения, но не они определяли лицо журнала. Наиболее острые произведения — «Беседа о том, что есть сын отчества или истинный патриот» А. Н. Радищева и «Рондо» С. Тучкова — были напечатаны в последнем номере журнала, когда «Почта духов» фактически прекратила свое существование. Большинство же из того, что печатал журнал до этих пор, было вполне благонамеренно, часто с сильной религиозной окраской. Журнал недаром был назван «Беседующий гражданин». Не обличающий, не призывающий, даже не поучающий, а именно — беседующий. «Друзья словесных наук» считали, что их дело — распространять просвещение. Распространять тихо, спокойно, беседуя. Без сильных слов и резких движений.

Крылову же подобные методы были противны. Его просветительство было иного толка. Он жаждал пламенных обличений и немедленных перемен.

Итак, все стороны столичной жизни нашли свое отражение в журнале Крылова. «Почта духов» — петербургский журнал. В одном лишь Петербурге в те годы могло появиться такое издание. И автор был настоящим петербуржцем. Этот город формировал его сознание, определял его жизненный опыт. На всем, что он писал, лежала печать Петербурга. И в первую очередь на письмах «Почты духов». Как бы Крылов ни вуалировал события, как бы ни маскировал место действия, на каждой странице журнала проступал Петербург, его улицы, люди, обычаи. Подлинный художник, автор «Почты духов» сумел увидеть и запечатлеть типические черты этого города.

Крылов первый в русской литературе создал социально и психологически достоверный образ Петербурга, во многом предвосхитив и поэмы Пушкина, и повести Лермонтова, Гоголя, Достоевского, и стихи Некрасова.

6

До отказа насыщая свой журнал политическими намеками и полемическими выпадами, автор «Почты духов» шел по опасному пути.

До поры до времени это сходило ему с рук. Но вот в июле 1789 года до Петербурга дошли первые вести о падении Бастилии.

7 августа об этом событии официально сообщили «Санкт-Петербургские ведомости».

Екатерина была поражена. Она считала, что революция вызвана подстрекательством философов и литераторов. Недаром те же «Санкт-Петербургские ведомости» еще через несколько дней писали о дерзости французских писателей, которые распространяют «всякое утро великое множество печатных возмутительных сочинений».

Эти «печатные возмутительные сочинения» появлялись и в Петербурге.

В книжной лавке Ридигера на Миллионной любой петербуржец мог купить французский журнал «Парижские революции». Эпиграф журнала — «Вельможи нам кажутся великими только потому, что мы на коленях. Так встанем же!» — удивительно совпадал с принципами, которыми руководствовался Крылов в конфликте с Соймоновым, в обличениях «Почты духов».

Французские революционные журналы и брошюры продавались и в книжной лавке Эверса у Синего моста, и у Клостермана на Невском проспекте.

свободы среди торговцев, купцов, мещан и некоторых молодых людей более высокого социального уровня».

Духовник великого князя Александра Павловича писал еще более выразительно: «Вольноглаголание о власти самодержавной почти всеобщее, ...чувство, воспалившееся примером Франции, предвещает нашему любезнейшему отечеству наужаснейшее кровопролитие».

Действительно, значительная часть русского общества жила в те дни ожиданием каких-то небывалых перемен. Никто не знал толком, что это будут за перемены, откуда они придут. Но их ждали.

«Никогда человеческая грудь не была полнее надеждами, как в великую *весну* девяностых годов, — все ждали с бьющимся сердцем чего-то необычайного; святое нетерпение тревожило умы и заставляло самых строгих мыслителей быть мечтателями», — писал Герцен.

Именно этим ожиданием перемен объясняется безумная смелость Радищева, отчаянная откровенность Кречетова.

Однако ожидания не оправдались.

Насторожившаяся императрица стала принимать меры, дабы уберечь Россию от «французской заразы». И одним из первых охранительных мероприятий было гонение на «Почту духов».

Очевидно, Крылов, воодушевленный парижскими событиями, поместил в августовской книжке «Почты» еще более острый, чем прежде, материал. И правительство не замедлило отреагировать. Издание журнала было сразу приостановлено. Августовская книжка, вышедшая с опозданием на семь месяцев (в марте 1790 года) оказалась последней. Журнал был закрыт.

В то же время появилась и последняя книжка «Беседующего гражданина». «Императрица велела подать себе все списки членов, как тайных, так и вольных ученых со-

браний, — рассказывает в своих «Записках» С. Тучков, член «Общества друзей словесных наук», — в том числе представлен был список и нашего собрания. По разным видам и обстоятельствам, большая часть членов лишены были своих должностей, и велено было выехать им из Петербурга». Не помогли верноподданные декларации, которыми открывался в свое время «Беседующий гражданин». Правительству в тот момент казались равно опасными и либералы, и радикалы.

Читающая публика вряд ли сожалела о закрытии крыловского журнала. «Почта духов» успеха у читателей не имела. Лучший сатирический журнал XVIII века вышисывало всего-навсего несколько десятков человек.

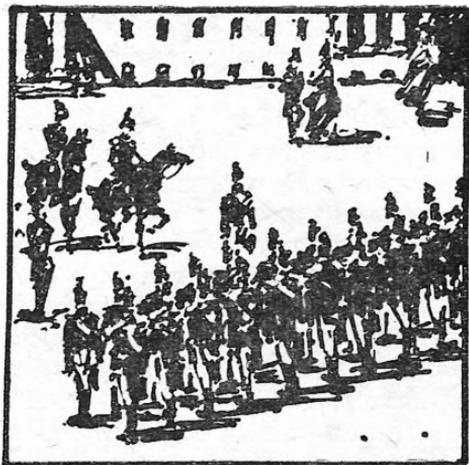
Приступая к изданию «Почты», Крылов мечтал способствовать искоренению пороков, улучшению нравов и в то же время формированию общественного мнения. Молодой журналист рассчитывал сплотить вокруг журнала просвещенную часть русской публики, опереться на нее, противопоставить ее мракобесию и деспотизму.

Но сделать это ему не удалось.

Для многих просвещенных дворян «Почта духов» была чересчур радикальным и антиправительственным изданием. Для большинства читающих разночинцев глубокая философическая проза журнала оказалась слишком сложной.

Журнал не нашел своего читателя.

ПОРАЖЕНИЕ

1

После прекращения выпуска журнала Крылов стал убеждать Рахманинова приняться за новое издание. Но Иван Герасимович наотрез отказывался. Не потому, конечно, что был недоволен Крыловым или разошелся с ним в политических убеждениях. Его останавливало другое. Летом 1790 года произошло событие, заставившее насторожиться всех петербургских вольтерьянцев.

26 июня полиция арестовала книгопродавца Зотова, в лавке которого на Суконной линии Гостиного двора на-

шли сочинение под названием «Путешествие из Петербурга в Москву». Сочинение было напечатано анонимно. Но имя автора установили очень скоро. Им оказался Александр Николаевич Радищев.

«Путешествие из Петербурга в Москву» — одно из самых замечательных произведений русской литературы. На его страницах нашли отражение бескомпромиссная ненависть к деспотизму, боль за обездоленный народ, четкое понимание того, что силе угнетателя можно противопоставить только силу, — ни малой толики своей власти тиран не уступит добровольно.

Без всяких иносказаний изобразил Радищев чудовищную повседневность крепостнической России.

Это была книга, не оставляющая места иллюзиям, но полная веры в силы народа, в его будущее.

Радищев стал первым в той блестящей плеяде русских борцов за свободу, которая поражает своим бескорытием, величием духа. Пугачевцы и разинцы сами были угнетенными. Они боролись за право называться людьми, за землю, за кусок хлеба. А Радищев? Он был дворянин, он был богат, ему предстояла незаурядная карьера... Печатаю свою книгу, он для себя лично мог рассчитывать только на жестокие гонения. И все-таки он напечатал ее.

Он все объяснил одной фразой: «Я взглянул окрест меня — душа моя страданиями человечества уязвлена стала».

Он не мог быть счастливым, когда несчастны другие.

30 июня 1790 года Радищев был арестован в своем доме на Грязной улице и отправлен в Петропавловскую крепость.

Следствие было поручено Шешковскому.

Тайный советник и ордена святого равноапостольного князя Владимира второй степени кавалер Степан Иванович Шешковский был в Петербурге человеком достаточно

известным. Как начальник Тайной экспедиции он вел все крупные политические дела, и вел их так, что имя его без трепета не произносилось.

Лишь такие люди, как князь Потемкин, рисковали без должной почтительности разговаривать с тайным советником. Причем, разговоры были такого рода: «Каково кнутабойничаешь, Степан Иванович?» — спрашивал при встрече Потемкин. «Помаленьку, помаленьку, ваша светлость», — отвечал Шешковский, потирая руки.

Арестованных Шешковский допрашивал лично — или в Тайной экспедиции, находившейся в Петропавловской крепости, или в своем доме на Большой Мещанской.

Начиная допрос, он бил допрашиваемого палкой под подбородок, да так, что трещали, а иногда и выскакивали зубы.

Рвение Шешковского всемерно поощрялось государыней. При каждом удобном и неудобном случае он получал подарки деньгами и крестьянами. В 1793 году, например, при заключении мира с Турцией ему пожаловали пожизненную пенсию в 2000 рублей ежегодно, хотя ни к войне с Турцией, ни к миру с ней он не имел ни малейшего отношения.

В руки этого человека и попал в июне 1790 года Радищев. Следствие длилось две недели и проходило под бдительным надзором Екатерины, назвавшей автора «Путешествия» «бунтовщиком хуже Пугачева».

6 сентября императрица издала указ: «Коллежский советник и ордена св. Владимира кавалер, Александр Радищев, оказался в преступлении противу присяги его должности подданного изданием книги под названием «Путешествие из Петербурга в Москву», наполненной самыми вредными умствованиями, разрушающими покой общественный, умаляющими должное к властям уважение, стремящимися к тому, чтобы произвести в народе не-

годование противу начальников и начальства и, наконец, оскорбительными и неистовыми выражениями противу силы и власти царской...»

Радищев был приговорен к смертной казни, которую Екатерина заменила десятилетней ссылкой в Илимский острог.

Немногие современники поняли и оценили подвиг Радищева.

Крылов принадлежал к числу тех, кто понял и оценил.

Сразу после осуждения Радищева граф С. Р. Воронцов писал своему брату, другу осужденного, А. Р. Воронцову: «Десять лет Сибири хуже смерти для человека, имеющего детей, с которыми он должен разлучиться или которых он лишит воспитания и службы, если возьмет их с собой. Это заставляет содрогаться».

Последняя фраза прекрасно выражает настроение русского общества в тот момент. За десятилетия, прошедшие после смещения Бирона, от таких расправ над дворянами за политические суждения в России несколько поотвыкли. Теперь же ясно поняли, что императрица способна на все.

Особые причины для беспокойства были и у друга Крылова — Рахманинова.

Во дворце поговаривали о том, что Радищев будто бы печатался в «Почте». Это передает в своих «Секретных мемуарах» француз Массон, секретарь великого князя Александра — будущего императора. Более того. Есть свидетельство, что Рахманинова подозревали, не печатал ли он «Путешествие» в своей типографии. Один из полицейских чиновников впоследствии рассказывал И. А. Крылову, что приходил в типографию Рахманинова «с поручением разведать, не у него ли печатается эта книга, и прикрыл это поручение желанием узнать, как вообще печатаются книги».

Зная об этих подозрениях, И. Г. Рахманинов решил уехать из Петербурга в свое имение Казинку Тамбовской губернии и увезти с собой типографию, чтобы вдали от всевидящего ока властей осуществить давно задуманное — издать в собственных переводах собрание сочинений Вольтера.

Так Крылов остался без типографии. Перед ним встала весьма нелегкая задача — найти другого такого типографа, который согласился бы, по дружбе, бесплатно печатать его сочинения.

2

«Почта духов» сделала Крылова известным писателем. Его талант получил признание в литературном мире.

Именно в 1789—1790 годах молодой сатирик становится частым гостем в доме Г. Р. Державина.

Этот обширный дом с садом у Измайловского моста на Фонтанке, бесспорно, был средоточием литературной жизни Петербурга 90-х годов. Державин стоял во главе кружка, в который входили драматург и поэт, автор знаменитой комедии «Ябеда» В. В. Капнист, поэты Н. А. Львов и И. И. Дмитриев. У Державина бывали Д. И. Фонвизин и Н. М. Карамзин.

Вот рассказ об одном из вечеров у Державина, переданный И. И. Дмитриевым. В тот вечер поэта посетил большой Фонвизин.

«В шесть часов пополудни приехал Фонвизин... Он вступил в кабинет Державина, поддерживаемый двумя молодыми офицерами из Шкловского кадетского корпуса... Фонвизин сказал хозяину, что он привез показать ему новую свою комедию «Гофмейстер». Хозяин и хозяйка изъявили желание выслушать эту новость. Он подал знак одному из своих вожатых, и тот прочитал ко-

медью одним духом. В продолжение чтения автор глазами, киваньем головы, движением здоровой руки подкреплял силу тех выражений, которые самому ему нравились. Игривость ума не оставляла его и при болезненном состоянии тела...»

Крылову встречи с маститыми писателями, с самим Державиным принесли немалую пользу. Это была хорошая литературная школа.

Но и творчество Державина испытало на себе влияние юного сатирика. Так, описание приемной в оде «Вельможка», одной из лучших од Державина, исследователи определенным образом связывают с очень схожим описанием в «Почте духов».

Близко знавшая Крылова В. А. Оленина, со слов самого Ивана Андреевича, рассказывала, что Крылов очень любил первую жену Державина, «которую он считал гениальной и которая как ему, так и мужу своему сделала много добра».

Крылов был тепло принят в богатом и гостеприимном доме Державиных. Но здесь он не мог рассчитывать на помощь в деле, которое стало теперь главным для него — в организации нового сатирического журнала. Недаром Державин с укоризной говорил о Рахманинове: «Человек был умный и трудолюбивый, но большой вольтеррианец». Вольтеррианства, то есть вольнодумства, Державин не одобрял.

Поддержку своему намерению Крылов встретил среди театральных друзей. Поссорившись с Соймоновым, он не прекратил дружбы с Дмитревским, близко сошелся с другими известными актерами — Плавильщиковым, Сандуновым.

Особенно важным оказалось для Крылова сближение с молодым драматургом Александром Ивановичем Клушиным.

П. А. Плавильщиков.
Гравюра А. Флорова.
Конец XVIII в.

По отзыву современника, Клушин был «умен, хороший писатель, но... сердце имел скверное: величайший безбожник, атеист и ругатель христианского закона; нельзя быть с ним: даже сквернословит и ругает, а особливо всех духовных и святых».

Как раз такой товарищ и нужен был Крылову. «Ругатель» разделял те мысли, которые высказал Крылов несколько лет спустя в послании «К другу моему А. И. К.»:

Не день, как ты меня узнал;
Не год, как мы друзья с тобою;
Как ты, мой друг, передо мною
Малейшей мысли не скрывал,

И сам в душе моей читал, —
Скажи ж: таков ли я бывал?
Сует, бывало, ненавидя,
В тулупе летом дома сидя,
Чинов я пышных не искал;
И счастья в том не полагал,
Чтоб в низком важничать народе, —
В прихожих ползать не ходил.
Мне чин один лишь лестен был,
Который я ношу в природе, —
Чин человека; в нем лишь быть
Я ставил должностью, забавой;
Его достойно сохранить
Считал одной неложной славой.

Когда однажды Державин спросил Крылова о Клушине — был ли тот умен и были ли они в дружеских отношениях, Крылов ответил: «Он точно был умен... и мы с ним были искренними друзьями...»

Клушин горячо принял мысль о журнале. Вдвоем они приступили к Дмитревскому и Плавильщикову, — Иван Афанасьевич знаменит как переводчик, Плавильщиков тоже человек ученый, окончил Московский университет, пишет...

3

«...Во время юности Крылова, — говорил В. Г. Белинский, — бросить службу и жить литературными трудами, весьма скудно вознаграждавшимися, завести типографию и быть вместе и автором и почти наборщиком своих сочинений — это означало не прихоть, а признак высшего призвания».

Да, деятельность профессионального литератора, сатирика, публициста, журнального бойца была подлинным призванием Крылова.

Когда стало очевидным, что найти типографа невозможно, а денег на оплату типографских расходов взять неоткуда, Крылов решил организовать собственную типографию на паях. В качестве пайщиков он пригласил И. А. Дмитриевского, П. А. Плавильщикова и А. И. Клушина.

И вот уже получено разрешение Санкт-Петербургской управы благочиния, снято помещение.

Новая типография обосновалась в нижнем этаже дома И. И. Бецкого, выходявшего на Неву, Летний сад и Царицын луг. Она получила название «Типография г. Крылова с товарищи».

Чтобы придать делу официальный вид, «товарищи» составили следующий документ:

«Законы, на которых основано заведение типографии и книжной лавки.

1. Для заведения типографии положить по равной части тысячу рублей.

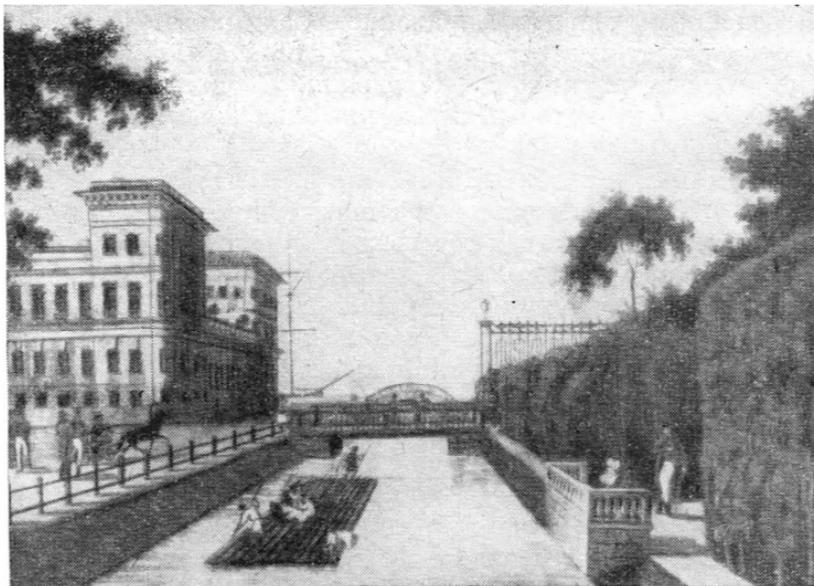
2. Два года в типографии членам не делать никакого раздела, а каждый должен стараться, по возможности, исполнять все то, что может относиться к должностям фактора, корректора и тому подобных, и все таковые труды разделить между собою, и если бы случилось кому что сделать и за другого, в том никакого расчета не делать, ибо сие общество основывается на законах истинного дружества.

3. При сей типографии иметь лавку, на основании городского права.

4. Все то, что будет печатано на счет общества, продавать в ней...» и т. д.

Крылов поселился при типографии.

Места были знакомые еще со времен Брейткопфа. С умилением и горечью вспоминал он пору юношеских упований. Смешной и трогательной казалась «Кофей-

Дом И. И. Бецкого на Дворцовой набережной, у Летнего сада.
Акварель неизвестного художника. Начало XIX в.

лица» ему, автору «Почты духов». А сколько надежд на нее возлагалось!

Конечно, теперь Крылов иными глазами смотрел на открывающийся перед ним городской пейзаж. Петропавловская крепость, темневшая на другом берегу Невы, невольно притягивала взгляд опального писателя. А прежде он и не думал о ней...

Но тем не менее вряд ли во всем Петербурге сыскалось бы место более красивое и приятное для жилья, чем то, где расположилась типография. Нева, гранит набережной, великолепный Мраморный дворец, только что

возведенные дворцы Апраксина, Салтыкова. Огромный Царицын луг, простиравшийся до самой Мойки; по нему, что ни день, маршировала гвардия. Лебяжья канавка и Летний сад, на который выходили окна крыловской квартиры.

Летний сад, разбитый в начале XVIII века по приказу Петра I, был необычайно красив и обширен. Царь, посадивший многие деревья собственными руками, очень заботился о своем детище. Из Италии он выписал множество мраморных скульптур, которыми были украшены аллеи.

К 90-м годам сад разросся и изумлял петербуржцев могучими дубами и грабами, привезенными некогда с Украины, сибирскими кедрами, редкими цветами, доставленными из Голландии.

В 1784 году была установлена знаменитая кружевная решетка, отделившая сад от набережной.

Крылов в саду бывал редко, но почти каждое утро, до самой зимы, купался в достаточно широкой и полноводной в ту пору Лебяжьей канавке.

Любимым его развлечением была игра на скрипке. Обладая отменным слухом, он играл как профессиональный музыкант. По утрам, только встав с постели и не обременяя себя одеждой, погруженный в свои мысли, расхаживал он по комнатам со скрипкой на плече. Но вот однажды, как рассказывает В. А. Оленина, «является полиция и просит от имени дам спускать у него шторы в то время, как он играет, а то по саду (в этой части) гулять нельзя».

Однако чаще всего времени для развлечений не хватало. Дел по типографии было множество. Крылов, как и Клушин, не смог сразу внести свои 250 рублей и пока что возмещал недостаток денег усиленными трудами. Кроме того, он пользовался бесплатной квартирой, и это также возлагало на него дополнительные обязанности.

С целью заработка типографщики занимались печатанием театральных афиш, билетов. В «Книге приходной на 1792 год» на первом листе Крылов записал: «...с 21-го по 30-е число, за афиши Февей получено 7 рублей, за афиши для Безбожного 7 рублей, за афиши Французского Лжеца 7 рублей...» Не ахти какой доход, но все же... К концу года приход по типографии и лавке составил около трех тысяч рублей.

Печатали, конечно, и книги, например: «Забава в уединении», «Миртиль и Клое», «Пигмалион», «Сельская лира», «Приключения Фобласа» и т. п.

Но главным делом типографии, для которого она, собственно, и создавалась, был журнал.

4

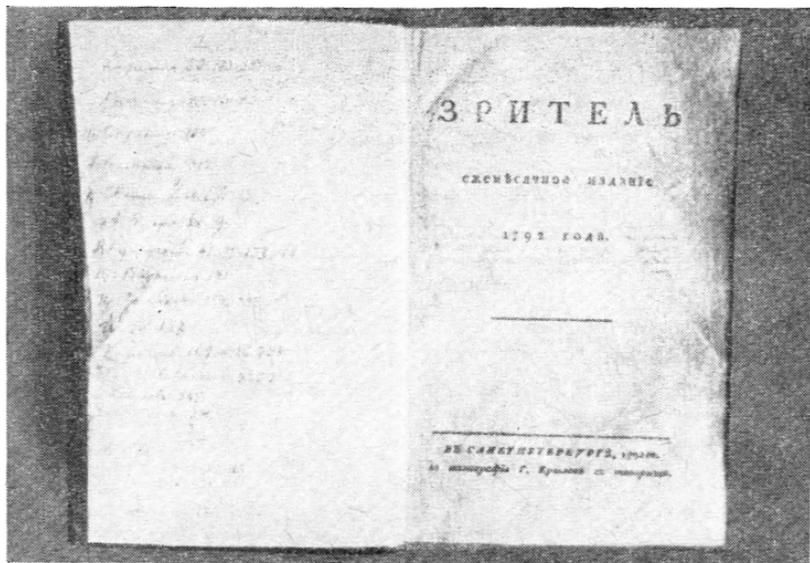
Журнал решено было назвать «Зритель». Первый номер вышел в феврале 1792 года.

Еще в «Почте духов» Крылов писал: «Дабы получить успех в изучении мудрости, надлежит лучше быть зрителем, а не действующим лицом в тех комедиях, которые играют на земле».

Но зритель зрителю рознь. И крыловский «Зритель» был далеко не безучастен к происходящему вокруг.

Издавали журнал, собственно, трое — Крылов, Клушин и Плавильщиков. Дмитриевский ограничился материальной поддержкой. Зато трое названных трудились всю. Почти все материалы журнала они создали сами. Плавильщиков писал статьи, Клушин и Крылов — сатиру.

Наученный опытом «Почты духов», Крылов стал хитрее. Издатели во всеуслышание декларировали отказ от «сатиры на лица». Но декларации декларациями же и остались. В «Зрителе» были опубликованы самые блестя-

«Зритель», журнал И. А. Крылова, А. И. Клушина и П. А. Плавильщикова.
1792 г.

щие и едкие политические сатиры Крылова — «Похвальная речь в память моему дедушке» и «Каиб».

«Похвальная речь» начинается так: «В сей день проходит точно год, как собаки всего света лишились лучшего своего друга, а здешний округ разумнейшего помещика: год тому назад, в сей точно день с неустрашимости гонясь за зайцем, свернулся он в ров и разделил смертную чашу с гнедою своею лошадию прямо по-братски... О ком из них более должно нам сожалеть? Кого более восхвалить? Оба они не уступали друг другу в достоинствах; оба были равно полезны обществу; оба вели

равную жизнь и, наконец, умерли одинаково славную смертью».

Из последующих славословий вырисовывается перед читателем дикий, невежественный, тупой крепостник — опора государства.

«Не думайте, любезные слушатели, чтоб я выставял его примером в одной охоте; нет, это было одно из последних его дарований; кроме сего, имел он тысячу других приличных и необходимых нашему брату дворянину; он показал нам, как должно проживать в неделю благородному человеку то, что две тысячи подвластных ему простолюдимов выработают в год; он знаменитые подавал примеры, как эти две тысячи человек можно пересечь в год раза два-три с пользою; он имел дарование обедать в своих деревнях пышно и роскошно, когда казалось, что в них наблюдался величайший пост, и таким искусством делал гостям своим приятные нечаянности. Так, государи мои! Часто бывало, когда приедем мы к нему в деревню обедать, то, видя всех крестьян его бледных, умирающих с голоду, страшимся сами умереть за его столом голодною смертью; глядя на всякого из них, заключали мы, что на сто верст вокруг его деревень нет ни корки хлеба, ни чахотной курицы. Но какое приятное удивление! Садясь за стол, находили мы богатство, которое, казалось, там было неизвестно, и изобилие, которого тени не было в его владениях; искуснейшие из нас не постигали, что еще мог он собрать с своих крестьян, и мы принуждены были думать, что он из ничего созидал великолепные свои пиры».

В майской книжке «Зрителя» была напечатана «Речь, говоренная повесою в собрании дураков». Здесь выведен другой тип дворянина — дворянина новой формации, столичного, «просвещенного». Что он представляет собою, явствует уже из названия речи. Он обрушивается на

сатиру совершенно в духе «Беседующего гражданина». Стараются «доказать грубость сатиры» и возбудить в сердцах слушателей готовность «переломать сатирикам руки и ноги».

В «Почте духов» Крылов ставил рядом издателей «Беседующего гражданина» и Княжнина. В «Речи» вслед за нападками на сатиру оратор восхваляет того же Княжнина, выведенного под именем Тарантула, и пересказывает все перипетии ссоры. Зловещая кличка Тарантул педаром заменила имя Рифмокрад. Крылов высмеивает уже не произведения своего врага, а его методы литературной борьбы при помощи власть имущих.

В «Речи», а раньше в повести «Ночи», опубликованной в февральской книжке «Зрителя», появляются еще два объекта крыловской сатиры — «Мнимый Детуш» и «Антирихардсон». «Мнимый Детуш» — это скорее всего драматург В. И. Лукин, сановный литератор и видный масон. А «Антирихардсон» — подражатель английскому романисту Ричардсону Павел Львов, один из основателей «Общества друзей словесных наук». О нем Крылов говорит: «...нужно ли долго задумываться, чтобы в неутомимом этом дразнильщике угадать неустрашимого Антирихардсона? Члена, который делает собою украшение нашему обществу...» Очевидно, под «собранием дураков» Крылов и подразумевал «друзей словесных наук».

Но что же заставило Крылова нападать в 1792 году на Княжнина, умершего в 1790 году, и на «друзей словесных наук», разогнанных в том же 1790 году? Скорее всего, и «Речь», и «Ночи» были написаны сразу после «Почты духов» и два года пролежали в столе у Крылова, пока он начал издавать новый журнал.

Конечно, Крылов мог отредактировать свои сатиры, изъять выпады против Княжнина и «друзей словесных наук». Но, очевидно, выпады эти не потеряли для него

Рисунок И. А. Крылова на черновой рукописи басни «Стрекоза и Муравей».

принципиального смысла и в 1792 году. Он выступал не против мертвого драматурга и разогнанного общества, а против тех принципов, которые они олицетворяли когда-то и которые были равно неприемлемы как для издателя «Почты духов», так и для издателя «Зрителя».

В октябрьской книге «Зрителя» Крылов начал печатать «Восточную повесть „Каиб“».

Опубликование «Каиба» — это самая большая дерзость после издания Радищевым «Путешествия из Петербурга

в Москву», какую позволил себе писатель XVIII века по отношению к самодержавию.

Традиционный восточный камуфляж ничего не скрывал в повести. Читателю было абсолютно ясно, о чем и о ком идет речь. «Кайб» — это политический памфлет с вполне определенным адресом. Большинство содержащихся в нем намеков расшифровывается совершенно точно.

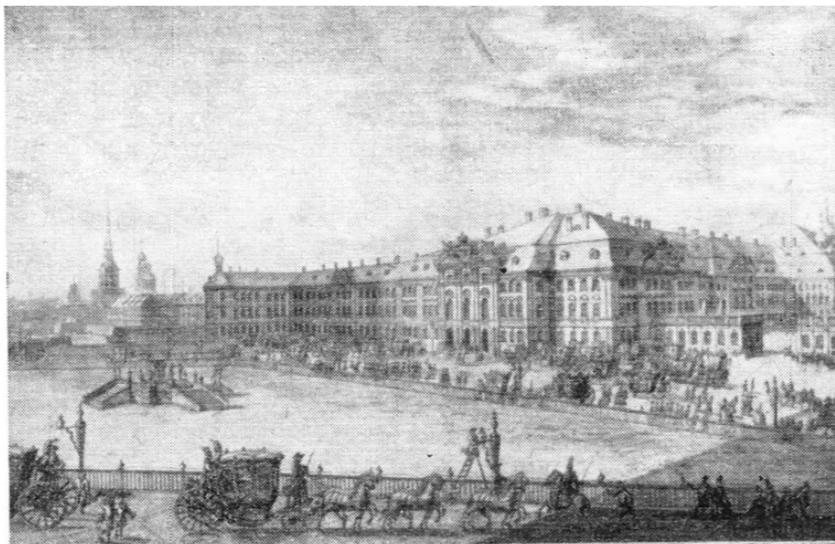
Кайб живет в роскошном дворце. «...Великолепие дворца поражало всякого, кто туда ни входил: простолюдимов ослепляло золото, жемчуг и камень, коих было более, нежели орфографических ошибок в наших новых писателях. Знатоков привлекало искусство, блистающее во всех украшениях дворца: там разведали завесы из непроницаемого штофу, который был толще всех четырех частей *Беседующего Гражданина...*» и т. д.

Разумеется, современный Крылову читатель соотносил это описание с фантастической роскошью столичных дворцов. Постоянно употребляемые в сравнениях характерные приметы России того времени («Беседующий гражданин», например), не оставляли ни малейшего сомнения в том, о каком «востоке» идет речь.

Трон Кайба, могущественного монарха, окружают придворные одописцы. «„Слава твоя, — говорил ему некто из его стихотворцев, — слава твоя была бы подобна солнцу, если бы оно не заходило“. Кайбу нравились хорошие сравнения; и за это, пожаловав его в евнухи, сделал смотрителем над своею сералью».

Как тут не вспомнить Василия Петрова, «карманного ее величества стихотворца» — как он сам себя называл, — поэта талантливого, но продажного. За восхваления императрицы он был назначен придворным библиотекарем.

Но Крылов метил, разумеется, не в одного Петрова. Описывая дворец Кайба, сатирик говорит: «В иных ме-

Императорский дворец в Петербурге. Вид от Миллионной-Луговой
улицы.

Гравюра по рисунку М. Махаева. Вторая половина XVIII в.

стах резвились на золотых цепочках забавные обезьяны, которые кривлялись с такою приятностию, что искуснейшие придворные ставили за честь у них перенимать, а нередко, по слабости человеческой, выдумки обезьян выдавали за свои...»

Способы, которыми развлекалась Екатерина и ее приближенные, были широко известны. Один из историков, изучавших быт того времени, писал: «Вельможи со способностями выделять различные гримасы и изменять свою физиономию особенно ценились на этих вечерах и получали в шутку разные военные чины. Так, барон Ванжура вместе с кожей спускал до бровей свои волосы и,

как париж, передвигал их направо и налево; за это качество он получил там звание капитана. Сама государыня тоже умела спускать правое ухо к шее и опять поднимать его вверх; за эту способность она числилась только поручиком. Безбородко превосходно представлял картавого».

Придворные Каиба — это главным образом дураки и невежды, ибо Каиб считал, что умные и образованные люди — это свечи, «которых умеренное число производит приятный свет, а слишком большое может причинить пожар...».

«Нет ни одного министра в этой империи, — писал о России английский посланник, — который знал бы латынь, и нет ничего удивительного, если он не имеет самых элементарных понятий о литературе».

Визири Каиба — интриганы, из которых каждый стремится отправить другого на эшафот.

«Имея недавно 27 человек вокруг нее, — рассказывает французский посланник, — императрица воспользовалась случаем, чтобы им сказать: если бы я верила вам, тем или другим, нет никого, кто бы не заслуживает, чтобы ему отрезали голову...»

Не ограничиваясь бытом двора, Крылов представил в «Каибе» государственную деятельность императорских учреждений.

«На другой день Каиб созвал свой диван, чтобы подумать обстоятельнее о своем важном предприятии. Надобно заметить, что Каиб ничего не начинал без согласия своего дивана; но как он был миролюбив, то, для избежания споров, начинал так свои речи: «Господа! я хочу того-то; кто имеет на сие возражение, тот может свободно его объявить: в сию ж минуту получит он пятьсот ударов воловьею жидлою по пятам, а после мы рассмотрим его голос».

Для современников Крылова это было злое, но точное воспроизведение отношений Екатерины и императорского совета.

«Господа! я хочу...» — говорил Каиб своему дивану.

«Мое желание есть...» — писала Екатерина своему совету. Соответствие полное.

Но мало этого. В «Каибе» Крылов продолжает развивать принцип сатиры на лица.

При дворе Каиба был обер-шут, который весьма смахивает на обер-шталмейстера Екатерины Льва Нарышкина, императорского шута — «шпыня», как его называли. Он «был шутоватее всех италийских опер вместе», — пишет Крылов о каибовом обер-шуте. «Он был врожденный арлекин», — говорила Екатерина о своем обер-шталмейстере.

Читая о том, как «к досаде своих завистников, всякий день получал он <обер-шут> пинков по двадцати в зад», каждый осведомленный петербуржец не мог не вспомнить одну скандальную историю — Нарышкин, который до Екатерины развлекал Петра III, был как-то публично высечен своим веселым императором.

Но что там Нарышкин! Крылов рискнул посмеяться над сильнейшими в России того времени людьми.

В 80-х годах XVIII века Россией с соизволения императрицы управляли фактически три человека — Потемкин, Вяземский и Безбородко. Как писал Державин: «Потемкин, Безбородко и Вяземский, у коих были в руках бразды царственного правления, чтоб не мешать друг другу, составили тогда между собой триумvirат...» У Каиба было три главных визиря — Дурсан, Ослапид и Граблей.

Красавец и силач Потемкин, любовник императрицы, дворянин очень скромного происхождения, был обязан карьерой прежде всего незаурядной своей внешности.

Правда, в отличие от многих фаворитов Екатерины, Потемкин был целеустремленным политическим деятелем, одним из создателей бюрократической государственности в России.

О Дурсане говорится, что он был «человек больших достоинств: главное из них было то, что борода его доставала до колен и важностию походила на бунчук... Впрочем, делал он много важных услуг отечеству: когда бывал при дворе праздник, тогда наряжался он пышнее всех женщин; и когда у калифа случалась бессонница, тогда сказывал он ему сказки».

Потемкин тоже отличался редким пристрастием к пышным нарядам. На празднике по случаю взятия Измаила, в апреле 1791 года, то есть за полтора года до появления в печати «Каиба», он щеголял в алом кафтане и епанче из черных кружев, осыпанных брильянтами. А на шляпе его было столько драгоценных камней, что ему тяжело было ее носить и пришлось отдать адъютанту. Что же до сказок во время бессонницы, то это едва ли не намек на интимные отношения Потемкина и Екатерины.

Генерал-прокурор князь Александр Вяземский происходил из очень знатного и древнего княжеского рода, основанного в XIII веке. Карьера его была стремительна — генерал-прокурором он стал в тридцать лет с небольшим.

Об Ослашиде сказано: «Ослашид еще за триста лет до своего рождения предназначен был играть не последнее лицо в диване, ибо он был из потомков Магомета, и белая чалма, которую надели на него при рождении, давала ему право на большие степени и почести... Ослашид верил всему с удивительною способностью, и это было первое его достоинство у двора, которое заставляло в нем терпеть множество других недостатков». Как известно, Вяземский был человеком очень ограниченным.

Императрица сама говорила о нем: «Он мой ученик, и сколько я за него выдержала, все называли его дураком». Но Екатерина ценила Вяземского за то, что он всю жизнь буквально следовал инструкциям, которые она дала ему при вступлении в должность. Современники называли Вяземского «истинным визирем».

Канцлер Безбородко был родом из города Глухова в Малороссии. Предки его знатностью не отличались. Он начал службу в канцелярии малороссийского генерал-губернатора, а затем был назначен членом малороссийского генерального суда.

«Грабилей, — говорит сатирик, — не имел ни долгой бороды (Безбородко. — *Авт.*), ни счастья родиться в белой чалме; он был сын чеботаря, который в свое время обувал со вкусом целый город. Грабилей, прискуча видеть с младенчества трудную работу отца, задумал блистать в свете совсем иною славою... Для сего-то вступил он в приказную службу». Он «недолго засиделся в нижних званиях и тотчас сделан кадием», то есть судьей.

Современники не без основания считали Безбородко большим хитрецом и пронырой. «И вьется локоном хохол», — писал, намекая на это, Державин. Безбородко умел сохранять добрые отношения и с Потемкиным, и с его противниками. Так, он первый предупредил графа Воронцова об опасности, грозившей Радищеву после выхода в свет «Путешествия», но он же первый сообщил о книге и Потемкину.

А Крылов говорит, что Грабилей «тотчас понял трудную науку обнимать ласково того, кого хотел удавить; плакать о тех несчастиях, коим сам был причиною; умел кстати злословить тех, коих никогда не видал; приписывать тому добродетели, в ком видел одни пороки». И дальше: «Грабилей стал одним из числа знаменитейших людей, снабженных способами утеснять бедных...»

Известно, что Безбородко был пожалован пенсионом в десять тысяч рублей «за увеличение государственных доходов». Какими способами увеличивались эти доходы — можно догадаться. Так что имя Грабилей было вполне оправдано.

Может возникнуть вопрос: откуда Крылов, этот полунищий дворянин, мог знать все, происходящее во дворце, характеры придворных, настроения императрицы? Вопрос резонный. Но не следует недооценивать крыловских знакомств. Как мы знаем, Крылов был желанным гостем в доме Г. Р. Державина. А Державин — с 1791 года секретарь императрицы — был в курсе всех придворных и государственных дел. И дела эти, конечно, подробно обсуждались в его доме. Отсюда, вероятно всего, и крыловская осведомленность.

«Каиб» — полный дерзких и откровенных намеков памфлет — был опубликован, несмотря на постоянные заявления издателей «Зрителя» о недопустимости «сатиры на лица».

5

В начале 1792 года княгиня Дашкова, президент Российской академии, напечатала в одном из томов «Российского Феатра» трагедию Княжнина «Вадим» в пользу вдовы писателя, — трагедию, ранее подвергшуюся гонению со стороны правительства. Екатерина усмотрела в этом потрясение устоев. И появился сенатский указ: «Оную книгу, яко наполненную дерзкими и зловредными против законной самодержавной власти выражениями, а потому в обществе Российской империи нетерпимую — сжечь в здешнем столичном городе публично...»

С Дашковой Екатерина, как ни была рассержена, вскоре помирилась. А вот для русской оппозиции конца XVIII века наступили еще более тяжелые времена.

Суровым карам подверглись московские масоны. Тому было несколько причин. Екатерина давно уже подозревала Н. И. Новикова и его окружение в политических связях с наследником престола Павлом. Она знала об отрицательном отношении Павла к ее деятельности и опасалась союза двух оппозиционных групп — гатчинской и московской, опасалась заговора. Ее пугали и заграничные связи масонов. Кроме того, цели масонов были непонятны правительству — следовательно, опасны.

Неутешительно развивались события и во Франции. Революция вступила в новую фазу — в начале 1792 года в Якобинском клубе произошел раскол. Большинство пошло за Робеспьером. Французская монархия доживала последние месяцы. В письмах Екатерины появляются панические ноты: «Якобинцы разглашают, что они меня убьют. Три или четыре человека отправлены ими для этой цели».

8 апреля 1792 года она дала указание о розысках француза Басевиля, якобы посланного убить ее, а 13 апреля подписала указ об аресте Новикова.

Новиков был болен, и первоначально его оставили под домашним арестом. Однако уже 24 апреля главнокомандующий Москвы генерал Прозоровский послал в подмосковное имение Новикова Авдотьино отряд гусар. Хотя Новиков был в очень тяжелом состоянии, его посадили в кибитку и увезли.

«Преступление» Новикова открыто не было. Но Екатерина, уверенная в том, что Новиков просто утаил свои преступные замыслы, приказала посадить его на пятнадцать лет в Шлиссельбургскую крепость. Масонские ложи были закрыты. Книги, изданные Новиковым, сожжены.

Процесс Новикова не был случайным эпизодом политики Екатерины. И первому в этом пришлось убедиться

Крылову. Новиков был арестован в конце апреля, а в мае в «Типографию Крылова с товарищи» у Летнего сада явилась полиция.

Очевидно, на издателей был сделан донос, так как искали вполне определенные произведения: неопубликованное еще сочинение Крылова «Мои горячки» и поэму Клушина «Горлицы».

Петербургский генерал-губернатор П. Коновницын доносил фавориту Екатерины П. Зубову: «...типография заведена сего года в генваре месяце с дозволения Управы Благочиния, с Крыловым и Клушиным — товарищи актеры Дмитревский и Плавильщиков. В ней осмотр учинен частным приставом со всею прилежностью, но вредных сочинений не нашлось. И означенные Дмитревский и Плавильщиков по чистой совести и долгу присяги свидетельствуют, что ничего без установленной цензуры печатано не было. Отставной провинциальный секретарь Крылов оригинальное свое сочинение под названием: «Мои горячки»... сам мне представил, объясняя, что писал оное назад года с два без всякого умысла, по одной склонности к сочинениям, еще не кончил, никогда нигде не печатал и, прямого к тому намерения не имея, прочитывал некоторым из своих знакомых, именно: Дмитревскому, Плавильщикову, Сандунову, а после давал г-ну Скобельцыну и, наконец, показал мне те главы, где описано изображенное в приложенном о сем письме, почему, переписав оные набело, при сем и самое то сочинение в особом конверте вашему превосходительству представляю, равно и взятую с... подпоручика Клушина подписку. При осмотре же в типографии и комнате его поэмы «Горлицы» и других вредных сочинений не оказалось, а лично мне объявил, что о горлицах писано им было в аллегорических его снах, но без всякого намерения, и что их читал Плавильщиков, но не одобрил, почему он и изодрал,

что и Плавильщиков подтвердил при господине обер-полицеймейстере...»

Рукопись Крылова так и пропала.

Одна любопытная деталь: капитан-поручик Скобельцын, которому давал читать свои произведения Крылов, был членом вольнолюбивого общества Кречетова. Литературно-политические связи Крылова были достаточно широки.

Можно себе представить, какое тяжелое впечатление произвел обыск на владельцев типографии. Для Крылова, уже взятого под наблюдение, это было предупреждением. Радищев в Сибири, Новиков под следствием...

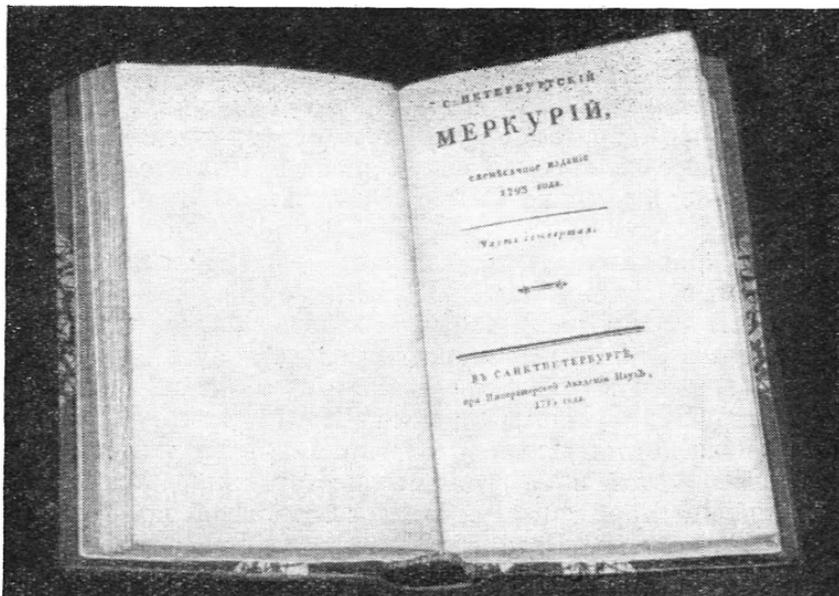
Но, очевидно, обыском дело не кончилось. 3 января 1793 года Н. М. Карамзин писал И. И. Дмитриеву: «Мне сказывали, что издателей «Зрителя» брали под караул: правда ли это? и за что?» Существует предположение, что письмо Карамзина — отголосок майской истории. Но это сомнительно. Ведь от Москвы до Петербурга было трое суток езды. Почему же Карамзин, который следил за деятельностью Крылова и Клушина (без особого, правда, одобрения), узнал о майском обыске только через семь месяцев? Ведь это было не такое уж рядовое событие. Остается предположить, что в конце 1792 года издатели журнала подверглись новым гонениям.

Итак — неприятности с «Почтой духов», обыск в мае 1792 года, неизвестные нам полицейские притеснения в конце того же года. Симптомы серьезные.

6

Однако сломить Крылова было не так-то легко.

В 1793 году он вместе с Клушиным начинает издание нового журнала — «Санкт-Петербургский Меркурий». Плавильщиков и Дмитриевский предпочли устраниться.

«Санкт-Петербургский Меркурий», журнал И. А. Крылова
и А. И. Клушина.
1793 г.

Крылов напечатал в журнале две острые и точные сатиры — «Похвальную речь науке убивать время» и «Похвальную речь Ермалафиду». В первой снова досталось почтенному российскому дворянству, во второй — многим российским литераторам.

«Скоро, я думаю, надобно будет прежде читать, нежели писать: надобно будет думать, — слезы навертываются у вас на глазах, милостивые государи! Привыкшим писать не думавши такое порабощение словесности, конечно, для нас будет ужасно. И в чем же неумолимые сии

критики полагают свободу словесных наук, если думают они, что писатель должен последовать правилам или читать авторов, дабы подражать их красотам? Нет, любезные слушатели, великий ум никогда ничему не следует. Не нужны ему ни правила древних, ни их творения; и он, не справляясь ни с какими книгами, садится за письменный столик, как скоро почувствует только позыв на письмо. Фразу свою кончит тогда, когда надобно перо обмакнуть в чернильницу; период тогда, когда нужно его перечинить; как же скоро пленяется он новым содержанием, тогда, на первом своем сочинении подписав торжественно: конец! принимается тотчас же за другое, которое обрабатывает с такою же благородною вольностью. Таковто есть почтенный Ермалафид, герой и сотрудник наш, коему дерзаю я соплеги венец, достойный похвалы, в досаду злой критике, взирающей с завистью даже и на то, что в сочинения его завертываются груши».

Но Крылов уже понял, что работать в литературе так, как он считал нужным, ему не дадут. Поэтому «Санкт-Петербургский Меркурий» — журнал значительно более осторожный, чем «Зритель». Кроме того, главную роль в нем играл теперь не Крылов, а Клушин. Стараясь быть умеренным, Клушин тем самым оставлял для себя путь к отступлению, — в крайнем случае он мог пойти на компромисс с властями и продолжать литературную деятельность.

Для Крылова такого пути не существовало.

Правительство внимательно следило за журналом, ожидая подходящего повода, чтобы разделаться с издателями. И дождалось.

В третьей книжке «Меркурия» была помещена обстоятельная рецензия на «Вадима» Княжнина. Очевидно, появление рецензии на произведение, сожженное по указу императрицы, и явилось таким поводом.

Мы не знаем, что именно произошло, но четвертая книжка журнала вышла уже в типографии Академии наук и под другой редакцией — И. Мартынова. Фактически издание изъяли из рук Клушина и Крылова.

Ходили слухи, что строптивые издатели были призваны к императрице и получили соответствующее внушение. Клушин быстро сдался. Получил от Екатерины деньги на поездку за границу и написал ей благодарственную оду.

Крылов остался один, без друзей, без союзников. Вокруг оказалась пустота. Пустота, нищета, а возможно, и — крепость.

Надо было уезжать из Петербурга, побороть отчаяние, искать новые пути.

Он уехал.

**ЦЕНА
СЛАВЫ**

Пушкинский кабинет ИРЛИ

**СНОВА
ТЕАТР**

1

Шесть лет минуло с тех пор, как Крылов перестал быть петербуржцем, перестал быть «господином издателем» и «господином сочинителем». Он исколесил из конца в конец всю Россию. Увлечшись карточной игрою, кочевал по трактирам и ярмаркам. Подолгу жил в глухих имениях богатых хлебосольных бар — не то секретарем, не то домашним учителем. Так прошли шесть лет — в постоянных скитаниях по чужим людям, в пустых,

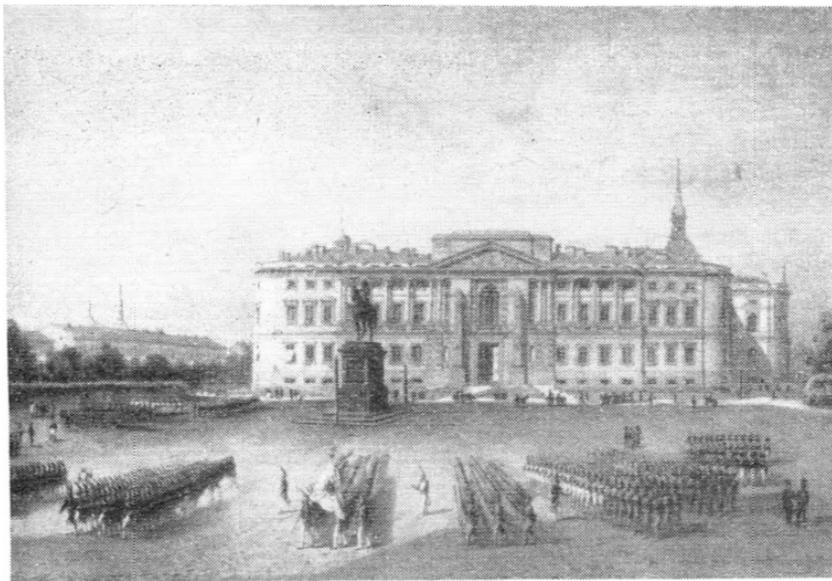
часто тягостных занятиях, в долгих и неутешительных размышлениях...

Наступил 1800 год. В России царствовал император Павел I. Сорокашестилетний сын Екатерины, засидевшись в наследниках, теперь наверстывал упущенное и царствовал куда усерднее, чем дозволял здравый смысл. Павел в своей деятельности исходил из той чисто полицеймейстерской идеи, что надо только «предписать всем, начиная от фельдмаршала, кончая рядовым, все то, что должно им делать; тогда можно на них взыскивать, если что-нибудь будет упущено».

Всему населению страны «предписать» было трудно, зато жителям Петербурга совершенно определенно было указано, как им следует причесываться, одеваться, ходить и ездить по улицам, как следует кланяться и даже — как говорить.

Воспрещено было носить фраки и разрешено немецкое платье, с точным определением цвета его и размеров воротника; запрещены были жилеты, а вместо них употреблялись камзолы; дозволены были башмаки с пряжками, но не с лентами, и запрещены короткие сапоги с отворотами или со шнурками; не позволялось «увертывать шею безмерно платками», а предписывалось «повязывать ее без излишней толстоты».

Новый император запретил употреблять в официальной речи целый ряд слов, заменив их другими: слову «стража» было предпочтено слово «караул», вместо «врач» следовало говорить «лекарь», вместо «отечество» — «государство», вместо «граждане» — «жители» или «обыватели». «Вина» многих изгнанных слов заключалась в том, что они пришли из революционной Франции. Не нравилось Павлу слово «представители». Рассказывали, что однажды во время путешествия Павла в Казань статс-секретарь поэт Нелединский, сидевший с императо-

Обучение солдат у Михайловского замка — дворца императора Павла I.

Акварель неизвестного художника. 1800 г.

ром в экипаже, сказал ему, указывая на какие-то обширные леса: «Вот первые представители лесов, которые далеко простираются за Урал». — «Очень поэтически сказано, — возразил с гневом император, — но совершенно неуместно: извольте сейчас выйти вон из коляски».

Разумеется, за строжайшим исполнением воли государя наблюдал не только он сам. Для этой цели существовала полиция. Кроме того, владельцам домов, домоправителям и приказчикам в Петербурге «строжайше подтверждалось, чтобы всем приезжающим для жительства или

на время в дома их объявляли они не только об исполнении сих предписаний, но всех прежде бывших, и если окажется, что таковых объявлений кому-либо учинено не было, то с виновным поступлено будет по всей строгости законов».

Те, кто мог, бежали из Петербурга.

Естественно, Крылов не спешил возвращаться сюда «для жительства». Он изредка посещал столицу. Тем не менее с павловскими порядками он ознакомился вполне.

Результатом этого тяжкого знакомства явилось произведение, написанное в 1800 году, после шестилетнего молчания. Это пьеса в стихах «Трумф, или Подщипа», которую сам автор именовал шуто-трагедией.

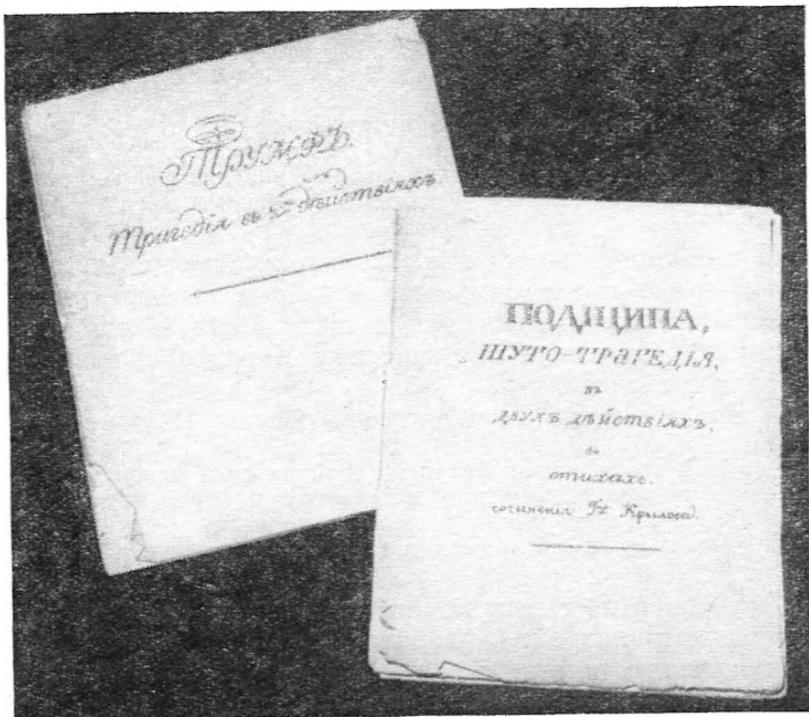
По форме «Трумф» — пародия на трагедии классицизма, на их традиционные сюжеты с неизменной борьбой чувства и долга, на традиционных героев и не менее традиционные нормы языка и стиха.

Что же касается содержания, то здесь Крылов прежде всего сводит счеты с павловским Петербургом — городом полицейской власти, тупой муштры, Зимнего дворца и Петропавловской крепости; городом, где нет места человеку с умом и способностями.

Немецкий принц Трумф захватывает столицу «светлого царя» Вакулы. Вот рассказ Чернавки, прислужницы княжны Подщипы, о том, как это происходило:

Трумф под город пробрался,
Как вихрь в полях взвился и в город он ворвался.
Ах! сколько видела тогда я с нами бед!
У нас из-под носу сожрал он наш обед,
Повыбил окна все; из наших генералов
Наделал он себе конюших да капралов,
По бешеным домам министров рассадил,
Всем графам да князьям затылки подобрил...

Речь идет о воцарении Павла, который тотчас по смерти Екатерины явился в столицу из Гатчины со своим

«Трумф, или Подщица», шуто-трагедия И. А. Крылова.
Списки начала XIX в.

собственным, наряженным в немецкую форму, полком и первым делом разжаловал и разослал екатерининских фаворитов — и министров, и генералов.

То, что картина взята с натуры, подтверждает в своих «Записках» Г. Р. Державин, рассказывая о восшествии на престол Павла: «Тотчас во дворце приняло все другой вид, загремели шпоры, ботфорты, тесаки и, будто по

завоевании города, ворвались в покои везде военные люди с великим шумом».

Черты «нового порядка» сам Трумф изображает так:

Мой путет бал тафаль
И станет шиль тафо, кто не буль тансофаль,
Мой люпит фесел шить: скакать, плясать, ресфиться,
И палькой на дворца сконяит феселиться.

И немецкий акцент Трумфа тут не просто фарсовый прием: точно так говорила тогда добрая половина «августейшей фамилии», включая и жену Павла — немецкую принцессу, и русскую императрицу Марию Федоровну, и царских вельмож.

А вот обещание Трумфа своей невесте Подщипе:

Мой стелай, штоп ниhto на твой не смел клядить,
И в спальна сарска к нам ниhto не смей кадить:
Ни графа, ни министр, ни сама генерала,
Отна фельдфебель мой иnd два иль три капрала.

Это был выпад против самых близких к Павлу особ: «гатчинского капрала» Аракчеева (такова была общеизвестная кличка царского телохранителя) и бывшего императорского камердинера и парикмахера, а затем обершталмейстера и графа Кутайсова.

Шуто-трагедия, бесспорно, была одной из самых блестящих крыловских сатир и едва ли не самой остроумной пьесой в тогдашней русской литературе.

Политическая смелость ее поразительна: «...ни один революционер, — писал позже декабрист Д. И. Завалишин, — не придумывал злее и язвительнее сатиры на правительство. Всё и все были беспощадно осмеяны, начиная с главы государства до государственных учреждений и негласных советников».

Понятно, шуто-трагедия не предназначалась для печат-

ти: сатира была слишком явственна, чтобы можно было рассчитывать на издание или постановку. Пьесу сыграли летом 1800 года на домашнем театре опального князя С. Ф. Голицына в его имении Казацком на Украине, где в то время жил Крылов. Автор исполнял главную роль. В печати пьеса появилась лишь семьдесят лет спустя. Современники же знали ее только по спискам.

Было время, когда Крылов главный смысл своей деятельности видел в просветительстве, — радикальном, боевом, но просветительстве. Оттого так привлекал его театр, оттого он занялся журналистикой. Оттого даже в самых острых своих сатирических памфлетах, таких, как «Кайб», стремился «обнажить язвы», указывал на причины зла, требовал его искоренения.

В «Трумфе» этого нет. Здесь сатира еще злее, но никаких поучений автора мы не слышим.

Крылов, как и прежде, свою главную жизненную и творческую цель видит в искоренении зла, обрекающего на рабство и нищету многомиллионный народ, но теперь он понимает, что никакими поучениями достичь этой цели нельзя, что нельзя чему-нибудь научить или как-нибудь исправить трумфов.

Перед Крыловым с годами все настойчивее вставал мучительный вопрос: к чему же в конце концов привели все высоконравственные рассуждения, которые велись печатно и устно на протяжении 60-х, 70-х и 80-х годов? Каков результат благого стремления образумить и «просветить» творящих зло? Да тот, что к концу 90-х годов всем рассуждавшим и просвещавшим попросту заткнули рты. Место лицемерной, «заигрывающей» Екатерины занял откровенный самодур Павел. А «просвещенное общество», к которому обращался автор «Почты духов» и «Зрителя»? Оно являло собой жалкое зрелище запуганных и пресмыкавшихся людей.

В конце 1790-х годов в один из приездов в столицу Крылов застал своего недавнего друга и соиздателя по «Зрителю» и «Санкт-Петербургскому Меркурию» А. И. Клушина за сочинением оды на пожалование Андреевской ленты графу Кутайсову. «...Я сделал ему некоторые замечания насчет цели, с какою эта ода была сочинена, — рассказывал впоследствии Крылов, — и советовал ее не печатать из уважения к самому себе».

Клушин писал оды «на пожалование ленты», другие готовы были написать еще и не то.

Конечно, и в павловском Петербурге были люди честные и свободомыслящие. Но что они могли сделать? Полицейские агенты наводняли гостиные, под видом наемной прислуги проникали в дома. Одно неосторожное слово — и на стол императора ложился новый донос. А императору не много надо было, чтобы переселить подданного из столицы в Сибирь.

Впрочем, не только Сибирь страшила этих людей. Еще более тоскливая и безнадежная пустыня расстилалась в городе Петербурге — в умах и сердцах «просвещенного класса».

11 марта 1801 года петербургский Трумф — Павел I — был удушен в собственном дворце собственными приближенными. На престол вступил его сын Александр I.

Новый император отличался либерализмом. Появилась возможность о многом говорить вслух. Однако, по сути дела, говорить было бесцельно, ибо в самом «просвещенном классе» ничего не изменилось.

Немногие дворяне хотели заняться осуществлением высоких идеалов. Большинство спокойно сочетало гуманные рассуждения о достоинстве человека с куплей-продажей крепостных крестьян, разговоры о свободе и равенстве — с прислуживанием начальству и принципом «чин чина почитает».

И. А. Крылов.
Рисунок А. Орловского. 1812 г.

По распоряжению Александра I в Петербурге начала работать Комиссия составления законов. В ней пригласили участвовать возвращенного из ссылки Радищева. Автор «Путешествия» повторил в Комиссии многие из тех требований, которые прежде излагал в своей книге. Но теперь его не удостоили даже гнева. Радищев просто никого всерьез не интересовал. Никого из представителей русского дворянства, полномочных и неполномочных. И писатель, перенесший крепость и Сибирь, этого равнодушия не перенес. Он покончил с собой.

А Крылов в 1801 году определился на службу: секретарем к рижскому генерал-губернатору. Он не торопился в столицу. Разумеется, бездеятельность тяжела, но легче ли деятельность, в которой не видишь проку?

Прошло еще немало времени, прежде чем Крылов вернулся к литературе, а вместе с тем и в Петербург.

2

В начале 1806 года в Петербург из Парижа доходили вполне достоверные вести о том, что там окончательно вышли из употребления фижмы и блонды, и платья носят исключительно «вырезные», с короткими рукавами, в обтяжку. Еще сообщали, что по-прежнему модно убирать волосы мелкими буклями, вплетая в прическу цветы, ленты и нитки жемчуга.

Стало известно также, что Пруссия и Россия после недавнего разгрома под Аустерлицем не собираются, по примеру Австрии, идти на мировую с «узурпатором и антихристом» Буонапарте, а готовятся продолжать войну...

Насколько велика была в среде российских дворян ненависть к «разбойникам якобинцам» — а к их числу легко относили и императора Наполеона, и вообще всех французов, не сбежавших из Франции в Россию или еще куда-

нибудь, — настолько же прочно было самое раболепное и восторженное преклонение перед «французским образом жизни», перед всеми причудами и глупостями парижских кокеток обоего пола.

В то время, когда по всей Европе армии запасались порохом, а носки дамских туфель все более и более вытягивались «стерлядкою», когда трехцветное французское знамя внушало панический страх, а французские платья цвета «сдерживаемых вздохов» или «совершенной невинности» вызывали невероятнейший восторг, в это-то самое время явилась в Петербурге курская помещица, обладательница странной фамилии — госпожа Сумбурова.

И не успела явиться, как тотчас же очутилась не где-нибудь, а в модной лавке, и не в какой-нибудь, а именно во французской — в лавке мадам Каре...

Уж эти французские лавки! Как заманчиво в их зеркальных витринах развешаны шарфы, платочки, ситцы! Какой блеск от хрустальных баночек, скляночек, поддельного серебра и вызолоченной меди! А в магазине! Какая чистота! Какие красивые шкафы, наполненные самыми изящными нарядами! А эти ящички на прилавке, где в строгом порядке разложены кружева, чулки, манишки, страусовые перья! Как тут не прийти в восторг?

— Жизнь моя! ангел мой! — запричитала госпожа Сумбурова перед «модной торговкой» Машей, которая встретила ее в лавке, — я надеюсь, что вы не откажете сделать мне крайнее одолжение и одеть меня на тот же манер, как ваших графинь, княгинь и фрейлин, я уж об деньгах ни слова!

И Сумбурова тут же чуть-чуть не закупает всю лавку — все что ни есть в ней французского, кроме разве хозяйки... Да не тут-то было! Следом за госпожой Сумбуровой является господин Сумбуров — ее муж, а он совсем иных правил.

— Ни одной ленточки, ни одной булабочки, — настаивает он жену, — да не советую и впредь по таким местам таскаться!

И уводит ее из лавки.

Что делать, Сумбуров решительно ненавидит все французское, да только своей жене никак не может привить эту ненависть. И роковая страсть Сумбуровой к модным лавкам становится причиной множества самых курьезных и невероятных происшествий.

Каким образом?

Все дело в том, что и семейство Сумбуровых, и мадам Каре, и «модная торговка» Маша — все они оказались в столице необычным путем: лежа в глубоком, помещительном кармане дорожного сюртука Ивана Андреевича Крылова. Все они были действующими лицами его новой пьесы — комедии «Модная лавка».

Крылов вернулся в Петербург.

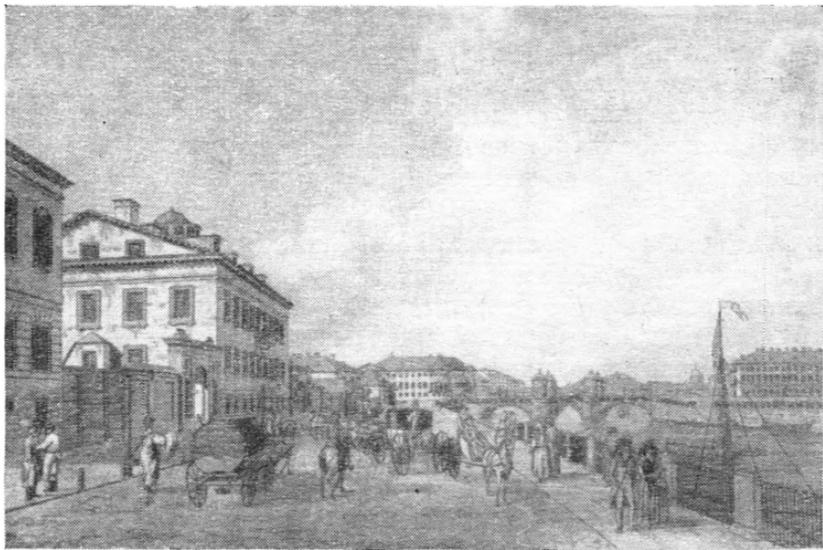
С тех пор как впервые, через ту же Московскую заставу, попал он в этот холодный город, прошло двадцать четыре года. Тогда он был мальчиком, пылким и восторженным. Теперь чувствовал себя стариком: тяжело лежал на душе опыт разочарований и невзгод.

Он изменился.

Изменился и Петербург.

Город стоял в сетке строительных лесов. Улицы наполняли тысячи работных людей. Они трудились целыми артелями. По их говору нетрудно было определить, кто откуда: штукатуры из Ярославля, плотники из Костромы, каменщики из Олонецкой губернии, землекопы из Белоруссии.

Центр столицы, прежде наспех отстроенный, теперь как бы переделывали набело. Строили новое Адмиралтейство, новое здание Биржи на Стрелке Васильевского острова, Казанский собор на Невском, множество велико-

Набережная реки Фонтанки.
Гравюра Т. Мальдона. Конец XVIII в.

лепных особняков на Неве и каналах. Дома были большие, массивные, с богатыми колонными портиками и скульптурными украшениями.

Было в городе много и других перемен: появились новые гранитные набережные, мосты, новые памятники, улицы и площади.

Прежнее ощущение неоконченности, случайности городского пейзажа теперь сменяло ощущение целостности, единства.

Одно нововведение должно было особенно понравиться Крылову. С недавнего времени в столице была учреждена городская пожарная команда: во многих местах

выросли высоченные каланчи, на которых то и дело появлялись сигнальные шары, указывающие, где горит. Теперь можно было не пропустить ни одного пожара...

Другими стали и петербуржцы.

Павловское царствование нагнало на них страху. По ночам еще снились надоевшие парады, смотры и экзекуции, сопровождаемые барабанной дробью, в глазах еще стояли указы и распоряжения, подобные этому: «Его величество с крайним негодованием усмотреть изволил во время последнего в Гатчине театрального представления, что некоторые из бывших зрителей, вопреки прежде уже отданным приказаниям по сему предмету, принимали вольность плескать руками, когда его величеству одобрения своего изъявлять было не угодно, и, напротив того, воздерживались от плескания, когда его величество своим примером показывал желание одобрить игру актеров...»

И в конце: «...если за каким предлогом кто-либо осмелится вопреки вышеписанному учинить, тот предан будет, яко ослушник, суду...»

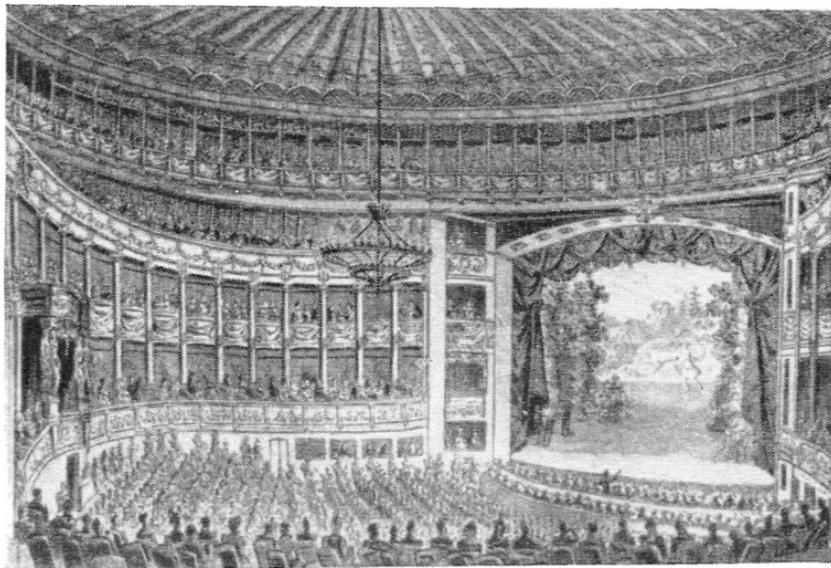
Зато теперь, проснувшись, петербуржцы радовались, что

Умолк рев Норда сиповатый,
Закрылся грозный, страшный взгляд.

В городе царило небывалое оживление: праздники, балы, маскарады следовали один за другим.

Самые пышные балы давали князя Белосельские и Юсуповы, самые веселые маскарады — графы Воронцовы и Кочубеи. Простонародью — ремесленникам, работным людям, дворне — тоже доставались крохи удовольствий: балаганы, качели, катальные горы.

Было и такое развлечение, которое объединяло князей и простолюдинов, — театр.

Зрительный зал Большого театра.
Гравюра С. Галактионова. 20-е годы XIX в.

Одновременно в столице давали представления три театральные труппы: русская и французская — в Большом (или Каменном) и Малом театрах ежедневно и немецкая — в театральном здании на Дворцовой площади пять раз в неделю (кроме вторника и пятницы, «поелику купечеством немец в эти дни по вечерам занимается приготовлением писем на почту»).

Та самая публика, которая пять лет назад была как палками бита всевозможными «распоряжениями о театральной дисциплине», теперь пришла в восторг оттого, что ей позволяли беспрепятственно изъявлять свои чувства и желала чувствовать.

Необычайную популярность приобрели сентиментальные мелодрамы, наполненные трогательными историями: благородный юноша любит простую поселянку, или, наоборот, знатная особа влюблена в простого юношу. Ситуация трагическая, но в последнем действии вдруг оказывается, что «низкорожденный» герой, сам того не подозревая, на самом-то деле происходит от вполне достойных родителей, что и устраняет все преграды к счастью. И так далее, и тому подобное.

Другой и более заслуженно любимейшей новинкой были балеты маэстро Шарля Дидло. Лучший хореограф тогдашней Европы, реформировавший самый язык балета, Дидло на сцене Петербургского Большого театра являл увлекательные и оригинальные пластические повествования, сопровождавшиеся яркой музыкой, великолепными декорациями и чудесами хитрых театральных машин. Тут и Венера летела в колеснице, окруженной живыми лебедями, и тигант Полифем, схватив за ногу бедного Ациса, бросал его через всю сцену по воздуху (танцор, изображавший Ациса, в нужный момент подменялся легкой куклой). Рушились огромные скалы, расступалась земля, возникали феерические картины. И ко всему этому — чудесное мастерство танцоров:

...русской Терпсихоры
Душой исполненный полет.

Наряду с балетами шли и оперы, и трагедии, и комедии, и фарсы. Шли интермедии, дивертисменты, «мифологические представления» и «исторические драмы с танцами».

В этот-то театр предстояло явиться Крылову со своей «Модной лавкой».

Князь Александр Александрович Шаховской был большого роста, не в меру тучен и удивительно некрасив — ему даже пришлось сочинить «Послание к своему безобразию», — чтобы не сочинил кто-нибудь другой.

Кроме стихов Шаховской писал еще водевили, трагедии, оперы, но главным образом — комедии.

Там вывел колкий Шаховской
Своих комедий шумный рой.

Комедии, действительно, были шумные — веселые, бойкие, часто задевали «личности» и написаны были хорошим стихом, — недаром в «Горе от ума» есть выражения, обороты, взятые у Шаховского. Рой же они напоминали благодаря необычайной плодовитости автора и тому, что, будучи начальником репертуарной части императорских театров, Шаховской никогда не медлил отправлять свои творения на сцену.

Никакая пьеса, предназначенная для казенной сцены, не могла миновать придирчивого досмотра, производившегося Шаховским.

Не избежала его и «Модная лавка».

Иван Афанасьевич Дмитревский — патриарх русского театра и едва ли не единственный из старых друзей Крылова, оставшихся в живых и не покинувших Петербурга, — снова не отказался «рекомендовать» его. Правда, в этом вряд ли была особая необходимость, — Шаховской, конечно, знал ранние крыловские пьесы и журналы, вероятно, знал и «Трумфа», который разошелся по Петербургу во множестве списков.

Шаховской встретил Крылова с радушием, а прослушав «Модную лавку», тут же заявил, что эту пьесу должно ставить в один ряд с «Недорослем» Фонвизина.

Крылов прочел пьесу актерам. Распределили роли. Начались репетиции. И тут князь Шаховской, неутомный и неутомимый Шаховской, предстал перед Крыловым уже в новом качестве — главного и единственного режиссера всех драматических спектаклей русской труппы.

Этим он занимался не по должности, а только из любви к делу, и потому необычайно ревностно. Свои репетиции Шаховской превращал в особого рода спектакли, где главным действующим лицом был он сам — высокий, толстый, с писклявым голосом и картавой речью.

Обыкновенно недовольный игрой актеров, Шаховской начинал репетицию с язвительных замечаний:

— Василий Петлович, ты, кажется, устал; велно, позавтракал и хочешь уснуть. Ведь ты не слышал, что тебе сказал Федол Антоныч. Ведь он тебя обидел, а ты не селдишься...

Если актеры все-таки продолжали ошибаться или Шаховскому казалось, что они ошибаются, он начинал все более и более раздражаться, бормотал ругательства, бил себя ладонью по лбу, бегал по сцене и, наконец, мог в комическом отчаянье повалиться в ноги кому-нибудь из актеров и начать причитания самым жалобным, тоненьким голосом:

— Господи, за что ты меня наказуешь! Помилуй меня, глешного!

Затем, вскочив «с бешенством разъяренного тигра», начинал вопить:

— Сначала! До завтра, сначала!

На сцене во время репетиций бывало так холодно, что актеры играли в шубах и шапках и только Шаховской бегал среди них в одном фраке, слезы и пот катились по его щекам, и от лысины поднимался пар.

В работе над «Модной лавкой» Шаховской нашел себе добросовестного помощника — Крылова. Тот так мастер-

А. А. Шаховской на репетиции.
Рисунок П. Каратыгина. 30-е годы XIX в.

ски, так умно и живо читал свои вещи, что сразу пленил Шаховского. Он попросил Ивана Андреевича разучить с молоденькой актрисой Белье, только что перешедшей в драматическую труппу из балетной, роль веселой, плутоватой «субретки» Маши. Вероятно, Крылов неплохо справился с задачей. В отзыве о постановке пьесы, напечатанном в сентябрьской книжке журнала «Лицей» за

1806 год, об игре актеров сказано: «Актеры отменно хорошо играют эту пьесу. Я разумею г-д Рыкалова, Пономарева, Каратыгина, Жибелеву и г-жу актрису Белье...»

Первое представление «Модной лавки» было дано на даче у директора театров А. Л. Нарышкина. Дача эта, на одиннадцатой версте по Петергофской дороге, часто бывала местом пышных театрализованных праздников, которые радушный хозяин устраивал для своих вельможных гостей.

Вероятно, комедию Крылова сочли достаточно веселой, если ее могли сравнить с изысканными светскими развлечениями.

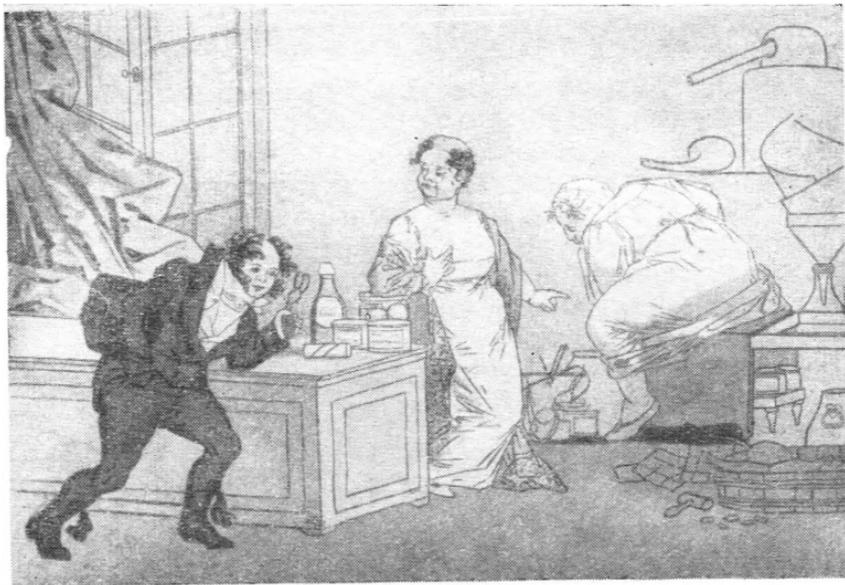
27 июля «Модная лавка» была впервые представлена на сцене Большого театра. Публика на протяжении всего спектакля хохотала, а в последней сцене, по свидетельству Шаховского, разразилась нескончаемыми рукоплесканиями.

Это та сцена, где Сумбулова, во второй раз едва не застигнутая мужем в лавке мадам Каре, с помощью торговки Маши прячется в пустой шкаф из-под товаров. И в то самое время в лавку является полиция — ищут контрабанду. Сумбулов, ничего не подозревая, тоже принимает участие в обыске — ему очень хочется, чтоб ненавистная лавка была посрамлена. Наконец, все перерыто. Остается открыть шкаф, тот самый, где заперта незадачливая покупательница.

«Сумбулов. ...Сам отопру драгоценный шкапик; да, да, посмотрим ваших редких товаров!.. Ха! ха! ха! Что-то на них за узоры? Куда жаль, коли печати не найдем! (Идет к шкапу.)

Маша (останавливая его). Постойте, сударь.

Сумбулов. Пустое, — чего стоять! Полюбujemy, что тут за диковинки!.. Из-за каких-то морей приплыли! Ха! Ха! Ха!

Французская лавка.

Рисунок А. Венецианова. Начало XIX в.

Маша. Постойте, я вам сказываю; знаете ли, что вы хотите делать?..

Сумбуров. Ну!..

Маша. Вы себя острамите.

Сумбуров. Как, как? С ума ты сошла, дерзкая!

Маша. Тут сидит...

Сумбуров. Тут лежит...

Маша. Я вам говорю, что тут сидит...

Сумбуров. Я тебе говорю, что тут лежит запрещенный товар.

Маша. Так я вам рассказываю, что тут сидит — ваша жена...»

Успех «Модной лавки» был огромный. Полная веселых ситуаций, остроумных диалогов, комедия нравилась всем.

А может быть, главной причиной успеха была ее злободневность. Война с французами продолжалась, и такое осмеяние галломании было ко времени и к месту.

Успех комедии радовал Крылова. Со времени памятных писем Княжнину и Соймонову, когда он столь резко порвал с театром, непризнанного драматурга никогда не оставляла тоска по волнующему миру кулис. Данью этой затаенной страсти и было его новое драматическое творение:

4

Вместе с «Модной лавкой» стал «моден» и Крылов. Его зовут на литературные вечера, он желанный гость во многих петербургских салонах.

Один из них — салон графа А. С. Строганова.

Строгановский дворец на углу Невского проспекта и набережной Мойки был построен архитектором Растрелли в стиле пышного барокко. Внутренняя отделка принадлежит Воронихину — бывшему крепостному Строганова, — который перестраивал дворец в конце XVIII века, после пожара.

Много диковинного было собрано в этих роскошных залах.

Граф любил показывать посетителям свой «Минеральный кабинет». Здесь на хорах, окруженных балюстрадой, находилась коллекция минералов, внизу в шкафах размещалась часть богатейшей по тем временам библиотеки графа.

Дворец Строгановых на Певском проспекте, угол наберской
Мойки.

Литография К. Бегрова. 20-е годы XIX в.

Другой достопримечательностью была картинная галерея с полотнами многих замечательных мастеров.

Были еще коллекции эстампов, коллекция медалей...

Граф жил на широкую ногу, истинно по-барски. У него в доме постоянно толпилось множество посторонних, часто едва знакомых или вовсе неизвестных ему людей. Случалось, что, не видя за обеденным столом кого-либо из «завсегдатаев», граф вынужден был спрашивать: «А где тот, который всегда сидит против меня?..»

Однако были и избранные гости. И среди них — писатели, художники, ученые. Граф состоял президентом

Академии художеств, попечителем Петербургского учебного округа и славился как щедрый меценат.

Крылов, очевидно, стал известен ему с давних пор, когда был издателем «Зрителя» и «Санкт-Петербургского Меркурия».

Строганов, сам известный остроумец и рассказчик, не мог не оценить дарования молодого сатирика.

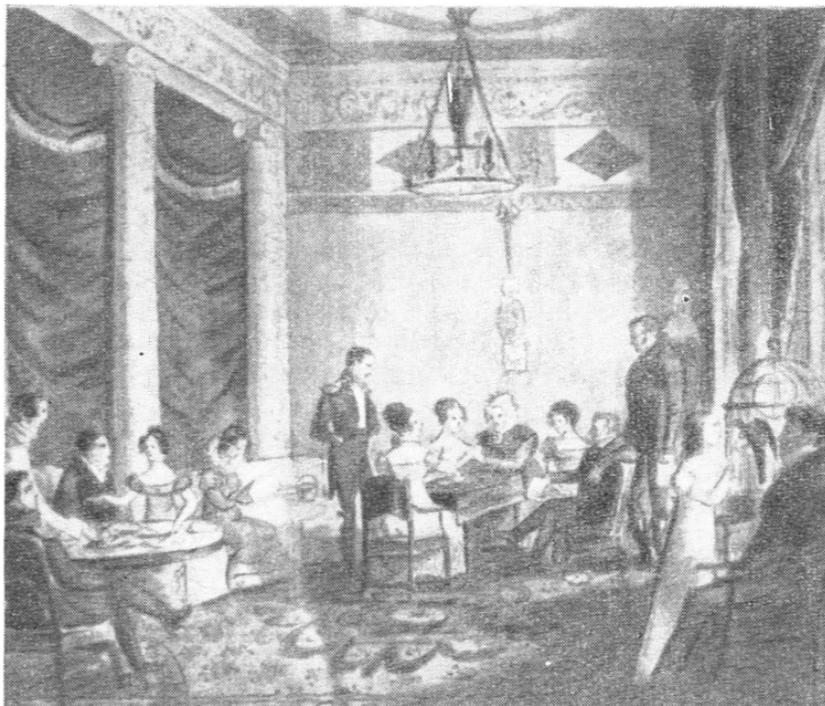
Крылова же в свою очередь многое привлекало в доме Строгановых. Помимо радушного приема, книг, картин еще и то, что здесь был один из политических центров столицы. Граф Александр Сергеевич был крупным вельможей, а его сын, Павел Александрович, — одним из четырех «молодых друзей» императора Александра.

Крылов, естественно, не упускал случая получить из первых рук свежие политические новости. В этом отношении он не изменился: политика по-прежнему увлекала его. Это очень скоро обнаружилось и в его произведениях.

Крылов часто появлялся во дворце на Невском.

Другой дом, который по возвращении в столицу стал часто посещать Крылов, был куда менее роскошным, но не менее гостеприимным и привлекательным. Это построенный еще в конце XVIII века в классическом стиле трехэтажный особняк на набережной Фонтанки у Семеновского моста. Принадлежал он директору Монетного департамента, почетному члену Академии художеств Алексею Николаевичу Оленину.

В отличие от своего друга А. С. Строганова, Оленин был не только покровителем «ученых артистов», но и сам не чуждался искусств и наук. Он хорошо рисовал и гравировал, владел многими языками, писал труды по истории и археологии. И кроме прочих талантов обладал еще незаурядным талантом царедворца, — император Александр восхищенно называл его «тысячеискусником».

Гостиная в доме Олениных.
Акварель неизвестного художника. 20-е годы XIX в.

К Олениным собирался весь цвет тогдашней литературы: «певец Фелицы» Державин, автор «Ябеды» Капнист, вездесущий Шаховской и входивший в славу драматург Озеров. Бывали москвичи: Карамзин, Дмитриев.

У Олениных часто видел Крылов двадцатитрехлетнего поэта Николая Гнедича. Этого юношу, некрасивого, с изъеденным оспой лицом, но талантливого и доброго, здесь

сердечно любили. Гнедич писал стихи, издал роман под заглавием «Дон Коррадо де Геррера, или Дух мщения и варварства испанцев». Кроме того, усердно изучал Древнюю Грецию и принялся за перевод «Илиады» Гомера.

Вместе с Гнедичем приходил его друг и тоже поэт юный Константин Батюшков. В свои девятнадцать лет он писал удивительно гармоничные и звучные, как тогда говорили — «пластические», стихи. И, как это часто бывает, сам он немного походил на них — красивый, несколько медлительный, задумчивый и чуть печальный.

Хозяин салона А. Н. Оленин был отменно корректен и любезен. Радушно встречала гостей и его супруга — добрейшая Елизавета Марковна.

Предметом оживленных бесед были литературные новости: только что прочитанные книги, сегодня бывший спектакль, сейчас услышанные стихи. Разговоры, споры бывали интересными. В Петербурге рассказывали, что знаменитый немецкий ученый, естествоиспытатель Александр Гумбольдт, после вечера, проведенного в гостях у Олениных, заметил: «Я объехал оба земные полушария и везде должен был только говорить, а здесь с удовольствием слушал...»

Кроме писателей частыми гостями Оленина бывали первые актеры Петербурга: Яковлев, Шушерин, Екатерина Семенова.

Случалось, что здесь драматурги читали актерам свои пьесы, тут же раздавали роли и тут же Шаховской проводил первые репетиции.

К Олениным собирались и художники, и музыканты, и ученые.

В этом доме особенно полно жили теми интересами, которые волновали большинство образованных людей эпохи.

В сентябрьском номере журнала «Лицей» за 1806 год, где помещен был отзыв о «Модной лавке», в разделе «Политика», напечатаны были сообщения:

«Из Парижа от 17 сентября. Уверяют, что дано повеление фельдмаршалу Бертье остановить ход войск, возвращающихся во Францию...»

«Из Гаги от 16 сентября. Все предвещает войну с прибытия курьеров из Парижа, в субботу третьего дня».

В следующем, октябрьском номере журнала название раздела «Политика» еще стоит в оглавлении, но самого раздела уже нет. Слишком неприятными оказались новости, чтобы можно было их печатать: 14 октября в сражении под Иеной Наполеон жестоко разбил пруссаков, и русские войска остались один на один с наполеоновской армией:

Война принимала столь неудачный для России оборот, что 30 ноября Александр I издал манифест, в коем объявлял намерение собрать ополчение в шестьсот тысяч ратников на тот случай, если возникнет опасность для русских границ.

Столица была возбуждена. Пробудившиеся патриотические чувства день ото дня крепили под воздействием событий. Действовали по-разному: А. С. Строганов пожертвовал на нужды ополчения сорок тысяч рублей, А. Н. Оленин две тысячи рублей и две пушки «со всеми снарядами»; поэт Батюшков записался добровольцем в армию и уехал в Германию воевать; драматург Озеров отдал на театр свою новую патриотическую трагедию «Дмитрий Донской».

С. П. Жихарев, присутствовавший на премьере «Дмитрия Донского», рассказал, как принимали зрители этот спектакль: «Я сидел в креслах и не могу отдать отчета

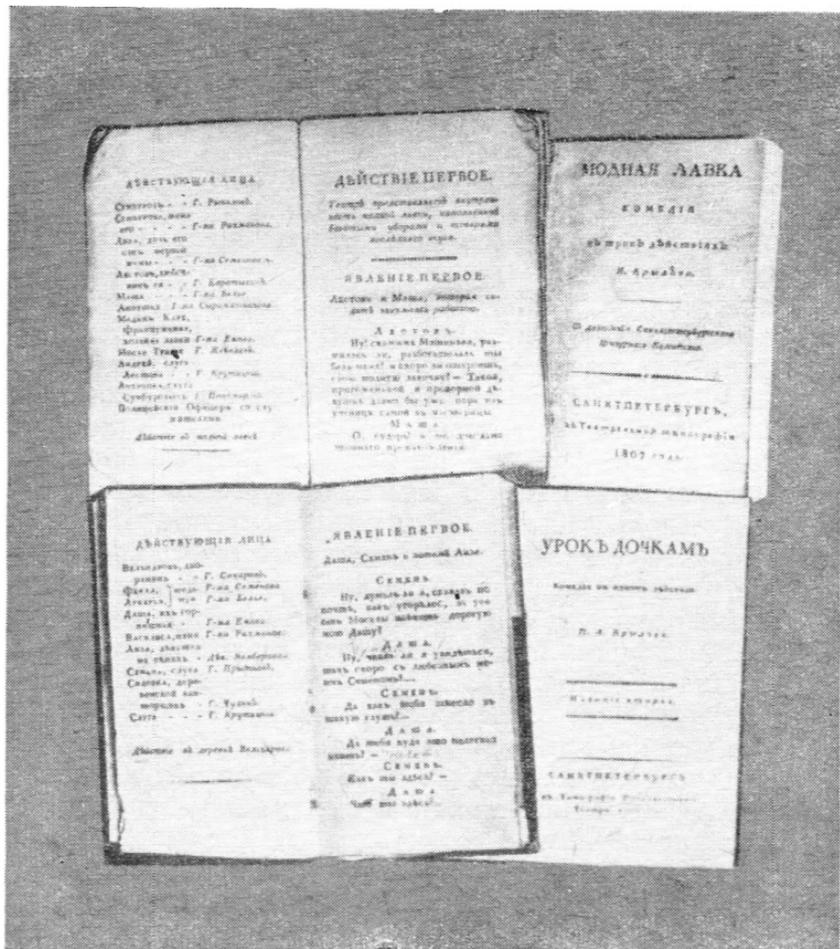
в том, что со мною происходило. Я чувствовал стеснение в груди, меня душили спазмы, била лихорадка, бросало то в озноб, то в жар, то я плакал навзрыд, то аплодировал из всей мочи, то барабанил ногами по полу — словом, безумствовал, как безумствовала, впрочем, и вся публика, до такой степени многочисленная, что буквально некуда было уронить яблока... Стихи в трагедии мастерски припоровлены к настоящим политическим обстоятельствам...»

Крылов получил заказ от директора петербургских театров А. Л. Нарышкина написать либретто для оперы с национальным сюжетом.

Чем была в то время опера? Прежде всего роскошно поставленным, изобретательно оформленным, ярким представлением. Наибольшим успехом пользовались оперы волшебные. Одна такая опера «Леста, или Днепровская Русалка» шла в Петербурге в течение нескольких лет — сначала в двух частях, затем в трех и, наконец, в четырех: из вечера в вечер. Одновременно с ней шла волшебная опера «Князь Невидимка», в которой один из героев двенадцать раз подряд превращался «в разные виды».

Опера, написанная Крыловым, не претендовала на оригинальность. Была она волшебно-комической, называлась «Илья Богатырь».

Сюжет разработан по мотивам русских сказок и былин. Автор не постеснялся дать волю фантазии. На сцену Большого театра явились Илья Муромец и черниговский князь Владимир, Соловей Разбойник и болгарская царевна Всемила, злая колдунья Зломека и добрая волшебница Добрада, страшила змей и дурак шуг, черти, добрые гении, бояре, печенег и т. д., и т. п. Непременные полеты по воздуху, волшебные превращения, картины подземного царства и прочие сценические чудеса сопровождались музыкой сочинения капельмейстера Кавоса, пением, живыми веселыми диалогами.

«Модная лавка» и «Урок дочкам» — комедии И. А. Крылова.
Первые издания.
1806—1807 гг.

Опера имела успех. Она отвечала духу времени. Под печенегами зрители свободно подразумевали французов — так же, как их подразумевали под татарами в «Дмитрии Донском».

Следом за волшебной оперой «Илья Богатырь» появилась комедия «Урок дочкам». Это была третья за один год пьеса Крылова, поставленная на сцене Большого театра.

Так же как и в «Модной лавке», в новой комедии высмеивалось глупое подражание французам. Крылов здесь издевался над провинциальными барышнями Лукерьей и Феклой, которые с готовностью принимают за парижского маркиза ловкого и совершенно русского плута-слугу, вздумавшего их дурачить. Но при том Крылов, быть может, хотел посмеяться и над петербургской публикой, которая о глупости галломании может слушать не иначе, как на французский манер. Дело в том, что «Урок дочкам» не что иное, как переделка комедии Мольера «Смешные жеманницы», не раз игранной французскими актерами и в Петербурге. Конечно, по мольеровской канве Крылов вышил свой узор, во французском зеркале сумел отразить кусочек русской жизни.

О тогдашнем зрителе один из самых наблюдательных и умных театралов эпохи Ф. Ф. Вигель писал: «Русский наш театр был оставлен толпе приезжих помещиков, купцов и разночинцев...»

Что до купцов и разночинцев, то не они задавали тон. А вот приезжие помещики... Известно, что октябрь, когда помещики сидели по деревням и ждали снега, чтобы по первопутку отправиться в столицу, был мертвым сезоном для петербургских театров.

Но ведь о провинциалах и шла речь в «Уроке дочкам». Помимо условных комических мотивов в пьесе было много комизма вполне жизненного. Вот, например, сцена,

где барышни Лукерья и Фекла беседуют между собой после знакомства с мнимым маркизом:

«Фекла. Ну как же не мучительно, когда видишь, что есть такие достойные люди, и сравнить с ними здешних необразованных животных!

Лукерья. А особливо таких, как наши любезные женишки, Хопров и Танин!

Фекла. Куда это умно; ты, сестрица, будешь майоршею, а я ассессоршею!

Лукерья. Майорша, ассессорша! Фи! Гадость! Нет, нет, как изволит батюшка, я лучше в девках останусь!

Фекла. Я, миленькая сестрица, хоть в девках и не останусь, только уж, воля его, ни майоршею, ни ассессоршею быть, право, не намерена.

Лукерья. Ах! для чего мы не рождены во Франции! Я бы, может быть, была маркизша!

Фекла. А я виконтесса! Куда, чай, это весело, миленькая сестрица! Побывать бы хоть неделю маркизшею или виконтессою, пускай бы после хоть век в девках сидеть!..»

А разве не полны природы мечты Лукерьи о столичной жизни!

«Лукерья. Боже мой! когда вообразишь теперь молодую девушку в городе, — какая райская жизнь! поутру, едва успеет сделать первый туалет, явятся учителя: танцевальный, рисовальный, гитарный, клавикордный; от них тотчас узнаешь тысячу прелестных вещей: тут любовное похождение, там от мужа жена ушла; те разводятся, другие мирятся; там свадьба наворачивается, другую свадьбу расстроили; тот волочится за той, другая за тем, — ну, словом, ничто не ускользнет — даже до того, что знаешь, кто себе фальшивый зуб вставит, и не увидишь, как время пройдет. Потом пустишься по модным давкам; там встретишься со всем, что только есть лучшего

и любезного в целом городе; подметишь тысячу свиданий; на неделю будет что рассказывать; потом едешь обедать и за столом с подругами ценишь бабушек и тетушек; после домой — и снова займешься туалетом, чтоб ехать куда-нибудь на бал или в собрание, где одного мучишь жестокостью, другому жизнь даешь улыбкою, третьего с ума сводишь равнодушием; для забавы давишь старушкам ноги и толкаешь под бока; а они-то морщатся, они-то ворчат... ну, умереть надо со смеху! (*Хочочет.*) Танцуешь, как полоумная; и когда случишься в первой паре, то забавляешься досадою девушек, которым иначе не удастся танцевать, как в хвосте, — словом, не успеешь опомниться, как уже рассветает, и ты полумертвая едешь домой...»

Да, простодушные глупости барышень весьма натуральны. Так натуральны, что родственники лукерий и фекл, отнюдь не страдавшие излишней стыдливостью, тут забеспокоились: зачем издеваются над их дочками! В журнале «Северный Меркурий» появилась статья за подписью: «Симбирский помещик С-ль М. П.». Автор негодовал: «Фекла и Лукерья, дочери почтенного дворянина, представленные нам в сей пьесе, есть такие девицы, которых, мне кажется, не только нельзя найти в нынешнем модном воспитании, но даже и... в развратных обществах... Побывши маркизшею, я не знаю, какая бы благородная девица желала бы и как бы могла сделаться опять девкою!.. Разве... вдовою».

Такой отзыв не случаен. В начале XIX столетия театр в основном еще жил законами века минувшего — века рационалистического и условного искусства. Когда же зрителям случалось вдруг увидеть на сцене самих себя и услышать живую речь, это у многих вызывало искреннее негодование.

А между тем изображение живых лиц, реальностей быта, человеческих отношений, изображение средствами

У зеркала.

Рисунок И. Бугаевского. Начало XIX в.

народного, разговорного языка — это был тот единственный путь, на который должна была вступить русская литература, чтобы стать великой литературой.

Полтора ста лет назад эта очевидная ныне мысль была открытием. И одним из первых в России это открытие сделал Крылов.

В театре применить новый творческий метод оказалось еще невозможным — театр был твердыней, оплотом старых традиций. Ведь даже и три десятилетия спустя была непонята и враждебно встречена такая пьеса, как «Ревизор» Н. В. Гоголя. И не только большей частью публики, но и большинством актеров. Утверждение на

русской сцене национального и жизненно достоверного искусства было еще делом далекого будущего.

И Крылов во второй раз, теперь добровольно, покидает драматургическое поприще. Он выбрал иной жанр.

Не как драматург, но как баснописец достиг он высот искусства. Хотя сделанное им в драматургии, как и в сатирической журналистике, не пропало даром — и для его дальнейшего творчества, и для всей русской литературы.

6

В своем дневнике 1807 года С. П. Жихарев записал под датой 6 мая, понедельник: «По милости Дмитревского я познакомился с князем Шаховским. Он без церемонии приглашал меня к себе, сказав, что всякий вечер бывает дома и что я ежедневно найду у него кого-нибудь из литераторов и, между прочим, Крылова, который живет с ним в одном доме и даже стена об стену...»

А вот запись от 9 мая: «Вчера вечером я был у князя Шаховского. Он живет у Синего моста, в доме Гуанаропуло, на углу Большой Морской... Князь обласкал меня и просил быть у него без церемоний.

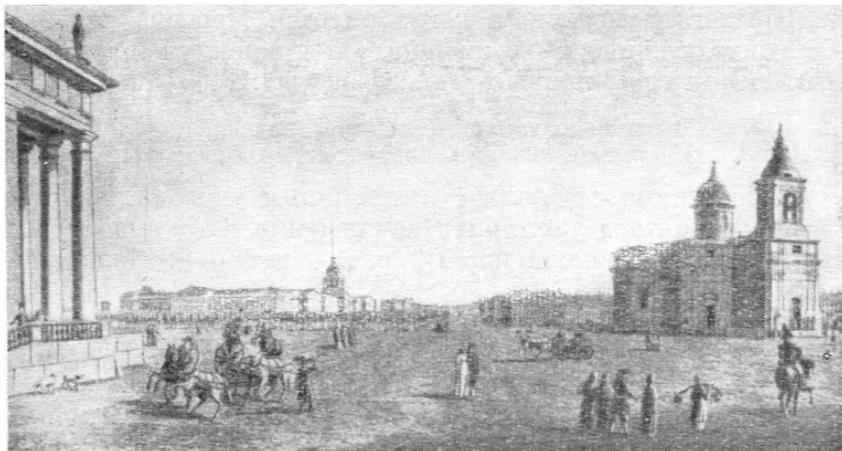
«Только мне и отрады, — примолвил он, — что по вечерам дома с людьми грамотными».

Вскоре приехал Крюковский и за ним князь Иван Алексеевич Гагарин, покровитель Семеновой.

«Теперь все налицо, Катенька, — сказал князь, — как бы чаю?»

«Ивана Андреевича еще нет», — отвечала она и тотчас послала сказать Крылову, что чай готов.

Мы уселись вокруг большого круглого стола, а Шаховской с Гагариным развалились на диване и закурили трубки. Крылов не замедлил явиться и сел на креслах в углу, у печки.

Исаакиевская площадь.

Гравюра В. Патерсена. Начало XIX в.

«Спасибо, умница, что место мое не занято, — сказал он Катерине Ивановне, — тут потеплее».

Арсеньев завел речь о «Пожарском» и начал хвалить автора на чем свет стоит: чего-чего он ни наговорил ему!.. Крюковский краснел и молчал, Крылов улыбался, князь Гагарин очень серьезно и с удивлением посматривал на своего приятеля...

«А ты не слышал, — сказал князь Шаховской графу Мусину-Пушкину, — что Крылов написал новую басню, да и притаился, злодей!»

С этим словом он вдруг вскочил с дивана и поклонился в пояс Крылову.

«Батюшка Иван Андреич, будьте милостивы до нас бедных, расскажите нам одну из тех сказочек, которые вы умеете так хорошо рассказывать»...

Крылов засмеялся, а когда смеется Крылов, так это не даром: должно быть смешно. Он придвинулся к столу и прочитал свою новую басню «Оракул»:

В каком-то капище был деревянный бог,
И стал он издавать пророчески ответы *и проч.*

Собеседники слушали с величайшим удовольствием и заставили автора повторить заключение. Странное дело: мы слышали басню в первый раз, а почти все знали ее уже наизусть».

Так, поначалу в узком кругу театралов и литераторов, вместо Крылова-драматурга начал являться Крылов-баснописец.

Через непродолжительное время он предстал и перед публикой: в начале 1808 года в журнале «Драматический вестник», который издавал Шаховской, одна за другой появились басни «Ворона и Лисица», «Лягушка и Вол», «Ларчик».

Шаховской, когда увидел, что, приобретая автора для своего журнала, теряет автора для «своего» театра, забеспокоился.

Едва ли не по его наущению со страниц того же «Драматического вестника» к Крылову обратился с посланием небезызвестный граф Д. И. Хвостов:

Для дочек написав уроки,
Крылов, ты после замолчал
И света модного пороки
Пером своим не обличал...

И далее Хвостов заботливо предлагал Крылову на выбор различные объекты осмеяния. Между прочим, советовал вывести подхалима, показав — у графа было необузданное воображение, —

Как жабою искусно вьется,
Когда вельможу где узрит...

«Вьющаяся жаба» должна была вдохновить «лентяя» Крылова на новые труды.

Именно так. С этого времени стало широко распространяться мнение о лениности Крылова: десять лет он ничего не писал, наконец написал три пьесы — и снова замолчал, сочиняет какие-то басенки... А его образ жизни: приходит в гости и сразу выбирает местечко, где потеплее, чуть на улице темнеет, он уже отправляется на боковую. Это при его здоровье, в 39 лет!..

Незадолго до послания к Крылову тот же граф Хвостов, рассердившись на Ивана Андреевича за какую-то шутку, сочинил эпиграмму:

Небритый и нечесаный,
Взвалившись на диван,
Как будто неотесанный
Какой-нибудь чурбан,
Лежит, совсем разбросанный,
Зоил Крылов Иван:
Объелся он иль пьян?

Как же ответил Крылов на эту эпиграмму? Явился к графу на обед, как будто желая услышать его новые стихи, ел за троих, а после обеда, когда Хвостов, пригласив гостя в кабинет, начал читать свои произведения, повалился на диван и проспал до позднего вечера.

На хвостовское послание в «Драматическом вестнике» Крылов ответил подобным же образом.

По-видимому, еще до «Модной лавки», в 1804 или 1805 году, начал он писать комедию в стихах. Работа подвигалась медленно. Закончив три действия, Крылов стал читать их знакомым.

Название пьесы было «Лентяй». Ее главный герой — о нем к моменту начала действия известно лишь, что он

...ездит уж неделю

С постели на диван, с дивана на постелю, —

в продолжение всех трех действий только и знает, что спит, ни разу не являясь на сцену.

После одного чтения, в доме графа Чернышева, Крылов оставил рукопись в прихожей и, как говорит М. Е. Лобанов, «подражая герою своей комедии, или, лучше сказать, будучи сам образцом ему, долго не требовал ее; а когда потребовал, то узнал, что служители того дома, видя валяющиеся в прихожей измаранные бумаги, издержали их, до последнего листа на обертку свечей...».

Лобанов принял шутку всерьез. Он не понял, что лень Крылова нечто совсем иное, чем безделие героя комедии.

Крылов не потому не писал пьесы, что ленился, — нет, он ленился, потому что разочаровался в возможности плодотворно работать для театра. Лень являлась тогда, когда возникало убеждение в бесполезности действия.

Но в том-то и была беда: у Крылова — человека колоссальной энергии — такое убеждение являлось все чаще. Разочарование, скептицизм, порожденные «разбитыми иллюзиями» молодости, превратили для него в бессмысленное очень многое из того, что обычно составляет человеческое существование. Они трагически исказили всю его дальнейшую жизнь.

**БАСЕННЫЕ
ЗВЕРИ**

1

Как в Греции богам пришли минуты грозны
И стал их колебаться трон,
Иль так сказать, простее взявши тон,
Как боги выходить из моды стали вон,
То начали богам прижимки делать розны:
Ни храмов не чинить, ни жертв не отпускать;
Что боги ни скажи, всему смеяться;
И даже, где они из дерева случатся,
Самих их на дрова таскать... —

так начинается басня Крылова «Парнас»,

12 А. М. Гордин

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Начинается издалека. Но скоро приводит в современный Крылову Петербург, к конкретным домам и лицам.

Первый дом — на Васильевском острове, в 1-й линии: красивое трехэтажное здание в строгом классическом стиле, со статуями на фронтоне. Это Российская академия.

Учрежденная еще при Екатерине II для «очищения и обогащения русского языка, утверждения общего употребления слов, свойственных русскому языку, витийства и стихотворства посредством сочинения российской грамматики, российского словаря, риторики и правил стихосложения», академия, по мысли ее основателей, должна была объединить всех лучших русских писателей.

Но вышло иначе. В начале XIX века Российская академия сделалась пристанищем бездарных сочинителей и покровительствовавших им влиятельных и чиновных особ.

Когда в 1804 году на месте архиерейского подворья воздвигли здание Российской академии, член ее граф Хвостов разразился стихами:

Уже Парнасские вершины
Моим открылися очам,
Велением Екатерины
У Невских вод основан храм...

У Крылова же по-другому:

Угодья божески миряна расхватали.
Когда делить их стали,
Без дальних выписок и слов
Кому-то и Парнас тогда отмежевали.
Хозяин новый...

Фактически хозяином Российской академии, точнее ее вождем, стал в те годы чрезвычайно боевой литератор и довольно мирный адмирал А. С. Шишков.

Вокруг Шишкова группировались все ревнители дедовских установлений — и политических, и литературных.

Главным предметом нападок шишковистов были Н. М. Карамзин и его «московская школа», стремившаяся приблизить русский литературный язык к живой речи, вводившая в оборот новые, часто иностранного происхождения слова, и среди них такие ненавистные Шишкову, как «революция», «промышленность» и т. п.

Хозяин новый стал пасти на нем Ослов.
Ослы, не знаю как-то, знали,
Что прежде Музы тут живали,
И говорят: «Недаром нас
Пригнали на Парнас:
Знать, Музы свету надоели,
И хочет он, чтоб мы здесь пели».

В это время уже разгорелась непримиримая война «шишковистов» и «карамзинистов», которой суждено было целое десятилетие греметь в русской литературе.

По инициативе А. С. Шишкова члены Российской академии решили с начала 1807 года устраивать регулярные литературные чтения, приглашая на них «сочувствующих» литераторов и публику. Так думали противостоять влиянию карамзинистов.

«Смотрите же, — кричит один, — не унывай!
Я затыну, а вы не отставай!
Друзья, робеть не надо!
Прославим наше стадо
И громче девяти сестер
Подыдем музыку и свой составим хор!»

Крылова, который не был членом академии, приглашали на «чтения» в качестве «приманки». Иногда он читал здесь свои новые басни. Но чаще ему приходилось сидеть и слушать.

Слушать, как любимец адмирала Шишкова князь Ширинский-Шихматов, тоже моряк, громогласно звал своих слушателей:

Пойдем, друзья! Карать войною
Злодеев общей тишины!
Пойдем, отечества сыны!
Поставим грудь свою стеною
Ему и вере и царю,
И Бог рассудит нашу прю!..

Слушать, как директор канцелярии Министерства коммерции Ф. П. Львов читал малоподходящие к такой серьезной должности стихи «Пеночке»:

Пеночка моя драгая,
Что сюда тебя влекло?
Легкое твое крыло,
Чистый воздух рассекая... и проч.

Слушать и то, как почтенные литераторы спорили по поводу этих стихов: можно ли «в легком стихотворении» сказать «драгая» вместо «дорогая», и может ли птица рассекать воздух одним крылом, когда она «на одном в воздухе даже и держаться не может»?

«Этот спор, — рассказывает С. П. Жихарев, — видимо, неприятен был Федору Петровичу (Львову), и он часто посматривал на Крылова, который как-то насмешливо улыбался».

Но что оставалось делать Крылову в то время, когда его собственные басни в стенах Российской академии ценились куда ниже подобных виршей? В 1809 году, например, когда И. А. Дмитриевский, состоявший в Российской академии в числе двух-трех действительно достойных людей, предложил избрать в нее известного уже баснописца, только Г. Р. Державин поддержал это предложение. Все остальные члены академии высказались против.

Избран был князь Шири́нский-Шихматов. Конечно же, в литературной «пре» он был куда надежнее как защитник «шишковщины».

«А чтобы нашего не сбили с толку братства,
То заведем такой порядок мы у нас:
Коль нет в чьем голосе ослиного приятства,
Не принимать тех на Парнас».

Не принимали тех, кто не желал вслед за президентом заменять иностранные слова «кий» и «аудитория» на шишковские «шаротык» и «слушалище». Мало кто кроме членов Российской академии мог вполне оценить, например, красоту излюбленных Шишковым сложных прилагательных, вроде: «древо благосеннолиственное».

Не на это ли намекала басня?

Одобрили Ослы ослово
Красно-хитро-сплетенно слово:
И новый хор певцов такую дичь занес,
Как будто тронулся обоз,
В котором тысяча намазанных колес.

И предостерегающий конец:

Но чем окончилось разно-красиво пенье?
Хозяин, потеряв терпенье,
Их всех загнал с Парнаса в хлев.

Мне хочется, невеждам не во гнев,
Весьма старинное напомнить мне: —
Что если голова пуста,
То голове ума не придадут места.

Так в басне, как когда-то в первых пьесах и журнальных статьях, декларировал Крылов свою собственную, самостоятельную позицию в литературной полемике.

И не только в ней. Басня, в конце концов, определила и место Крылова в литературе, и место в жизни...

Еще в 1805 году Крылов перевел три басни Лафонтена: «Дуб и трость», «Разборчивая Невеста», «Старик и трое молодых». Свои переводы он принес И. И. Дмитриеву, и тот, как свидетельствуют современники, сказал Крылову: «Это ваш настоящий род» — и заставил «преодолеть отвращение» от этого рода поэзии.

Последняя фраза звучит, конечно, странно по отношению к великому баснописцу. Но надо вспомнить об «ораторских» устремлениях раннего Крылова — на сцену, к журналу. Надо вспомнить о его попытке вернуться к театру уже в новом веке. Ведь только спустя много времени после напутствия Дмитриева, после опубликования первых басен, Крылов по-настоящему взялся за разработку этого жанра.

Крылов по темпераменту своему, бесспорно, был бойцом, в литературе — публицистом. К публике, к обществу, к общественному мнению обращал он свой голос.

Но в начале XIX века, так же как в конце XVIII, в России не было еще широкого общественного движения, такого, на которое могла бы опереться боевая гражданственная литература.

Так же как и русскому обществу, литературе предстояло еще пройти трудный и долгий путь самосознания.

Крылов был одним из первых на этом пути. За ним шли писатели-декабристы, Грибоедов, Пушкин...

Материал для своих произведений Крылов черпал непосредственно из окружающей жизни и осмыслял вполне самостоятельно. Это относится даже к переводным басням — потому что, заимствуя сюжет, Крылов давал ему новую плоть, сотканную из русского быта и живого, народного русского языка.

В. Г. Белинский, характеризуя виднейших русских поэтов XVIII — начала XIX века, утверждал: «...каждый из них действовал сам по себе и от себя, независимо от

прошедшего, не спрашиваясь у настоящего. Это герои, — великие или замечательные личности; но в их лице незаметно исторических судеб народа: герои сами по себе, народ сам по себе. Только один из них требует исключения: это Крылов...»

Крылов из публицистов «пошел в художники». Его басни — это «маленькие повести, драмы, с лицами и характерами, поэтически очеркнутыми», как говорил о них Белинский.

И вместе с тем из всех «художественных» жанров Крылов выбрал наиболее публицистический. Он взял басню не оттого, что басня помогала прятать мысли. Наоборот, басня позволяла ему высказываться так ясно, как это невозможно было бы во всяком другом жанре — не только по условиям цензурным, но и ввиду специфики самой художественной литературы, не терпящей резонерства и дидактики.

2

В один из апрельских дней 1808 года парижская публика, собравшаяся на представление трагедии Дельрис «Артаксеркс», как обычно с нетерпением ждала выхода на сцену своей любимицы, трагической примадонны актрисы m-ле Жорж. Однако выхода не последовало. Недоумевающим зрителям было объявлено, что знаменитой актрисы... нет в Париже.

А произошло вот что.

За несколько месяцев перед тем окончилась франко-русская война 1805—1807 годов. В немецком городке Тильзите император Александр вынужден был заключить союз со своим «братом» императором Наполеоном. Вскоре вся русская гвардия была переодета на французский манер. Офицеры получили эполеты, наподобие французских,

и зло острили, что теперь Наполеон уже сидит у них на плечах. Александр решил заполучить в Петербург и лучших парижских актеров. И вот послу во Франции графу Толстому вместе с инструкциями по вопросу о восстановлении Польши и о судьбе Дунайских княжеств, было дано секретное предписание уговорить актрису m-lle Жорж, заключить с ней соответствующий контракт и устроить ее тайный отъезд в Россию.

И вот m-lle Жорж в Петербурге. Она живет на набережной Мойки в доме Грушкина. Это совсем недалеко от Синего моста, возле которого живет Крылов. И еще одно соседство. Во второй части журнала «Драматический вестник» напечатана статья о дебюте актрисы Жорж на сцене Петербургского Большого театра. А в третьей части — басня Крылова «Обезьяны»: о глупых зверьках, которые, взявшись подражать хитрому охотнику, сами залезли в расставленную сеть и запутались в ней.

Когда перенимать с умом, тогда не чудо
И пользу от того сыскать;
А без ума перенимать,
И, боже сохрани, как худо!

Все поняли, о ком говорит этот «пример... из дальних стран». Но не могла же цензура запретить невинный рассказ о глупых обезьянах...

Или кого можно было винить в том, что французского императора, отнюдь не склонного допускать своего теперешнего русского союзника к дележу завоеванной Европы, напоминал герой басни «Лев на ловле»?

«Теперь давай делить! Смотрите же, друзья:
Вот эта часть моя
По договору;
Вот эта мне, как Льву, принадлежит без спору;
Вот эта мне за то, что всех сильнее я;
А к этой чуть из вас лишь лапу кто протянет,
Тот с места жив не встанет».

А «Воспитание Льва», где будущий звериный монарх, выросший среди птиц, намерен обучать зверей «вить гнезда»? Эту львиную историю современники прямо отождествляли с историей воспитания Александра I швейцарцем Лагарпом, ставившим в образец русскому наследнику свою «карманную республику».

И в других баснях Крылова тех лет содержалось множество вполне прозрачных и крайне смелых намеков.

Звериные маски героев защищали автора от политических обвинений и позволяли ему, «вполоткрыта» критиковать существующие порядки.

В Государственном совете — высшем законодательном органе Российской империи, образованном Александром I, — было четыре департамента: законов, гражданских и духовных дел, военных дел, государственной экономики. После преобразования совета, в 1810 году, председателями департаментов были назначены граф Н. С. Мордвинов, граф П. В. Завадовский, князь П. В. Лопухин, граф А. А. Аракчеев. Их назначение сопровождалось продолжительными прениями: всё не могли решить — кого куда посадить; затем их неоднократно меняли местами.

В том же 1810 году Крылов написал басню «Квартет».

«А вы, друзья, как ни садитесь,
Всё в музыканты не годитесь».

Едва ли не самой острой и злободневной из ранних басен Крылова была басня «Лягушки, просящие Царя».

Исследователи утверждают: басня самим автором была отнесена к числу «переводов или подражаний». Она представляет собою переработку басни Лафонтена под тем же заглавием, в свою очередь восходящей к басне Эзопа. До Крылова в русской литературе ту же тему разрабатывал В. И. Майков.

Басня
И. А. Крылова
«Квартет».

Гравюра по рисунку И. Иванова из первого иллюстрированного издания басен.
1815 г.

И тем интереснее обратить внимание, в какой момент басня появилась в печати.

Шел февраль 1809 года. Время было беспокойное. Никогда еще со времен Павла в столице не царил столь мрачное настроение. Объяснялось оно прежде всего результатами профранцузской политики императора. Результаты были плачевные: разрыв с Англией губительно сказывался на русской внешней торговле. Некому было продавать зерно, сало, лен, пеньку, железо. И помещики, в особенности крупные, горнозаводчики, купцы пришли в отчаянье. Недовольство проявляли открыто.

Наполеоновский посол Савари по прибытии в Петер-

бург отдал тридцать визитов знатнейшим особам столицы и был принят... в двух домах.

Интересно, что одним из первых, отказавшихся впустить к себе французского посла, был граф А. С. Строганов. Сын старого графа, Павел Александрович, как и прочие «молодые друзья» императора, был решительным противником франко-русского сближения. Именно поэтому Александр I удалил его от двора и от власти.

Посещая Строгановых, Крылов знал настроения «оппозиции». Он знал, как часто теперь вспоминали в аристократических домах Петербурга 11 марта 1801 года — день убийства Павла. Ведь прямым поводом к заговору тогда послужил заключенный Павлом в 1800 году союз с Бонапартом.

Еще в конце 1807 года Савари доносил Наполеону о «заговоре английской партии», называя среди нескольких ее вождей молодого Строганова. А в начале 1809 года преемник Савари генерал Коленкур сообщал в Париж, что в русской столице теперь «безо всякой злобы говорят в ином доме о том, что нужно убить императора, — как говорили бы о дожде или о хорошей погоде».

Очень интересно и то, как Коленкур утешал обеспокоенного Наполеона: «Все жалуются, но никто не доволен настолько, чтобы нужно было бояться катастрофы. Воспоминание об императоре Павле и страх перед великим князем охраняют жизнь императора лучше, нежели правила и честь русских вельмож и офицеров». Другими словами, боялись, что наследник престола Константин Павлович окажется копияй отца...

В самый разгар страстей и появились крыловские лягушки.

Лягушкам стало не угодно

Правление народно...

Чтоб горю пособить,

То стали у богов Царя они просить...

Боги слышали лягушачьи просьбы:

И подлинно, что Царь на диво был им дан:
Не суетлив, не вертопрашен,
Степенен, молчалив и важен,
Дородством, ростом великан.
Ну, посмотреть, так это чудо!
Одно в Царе лишь было худо:
Царь этот был осиновый чурбан.

Царь лягушкам не понравился, и они потребовали другого:

Молитвам теплым их внемя,
Послал Юпитер к ним на царство Журавля.
Царь этот не чурбан, совсем иного нрава:
Не любит баловать народа своего;
Он виноватых ест: а на суде его
Нет правых никого.
Зато уж у него,
Что завтрак, что обед, что ужин, то расправа.

Басня оканчивалась предостережением:

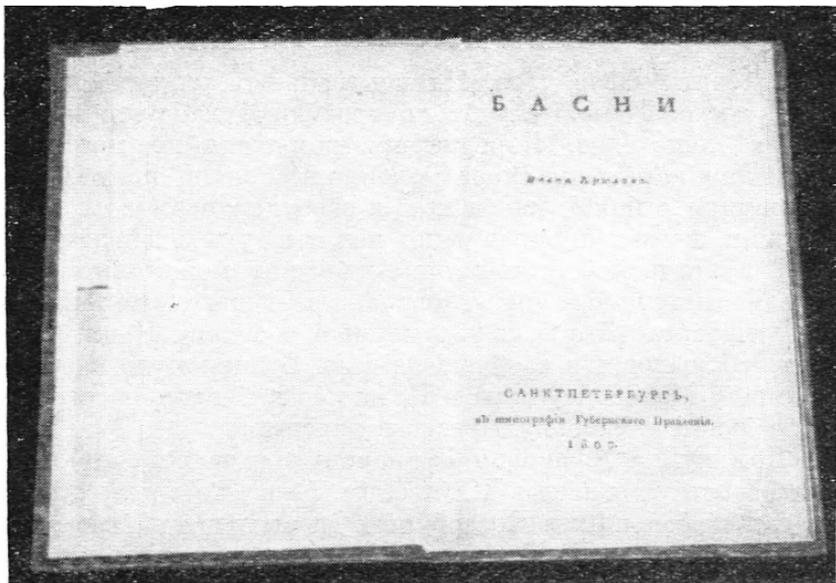
«Живите ж с ним, чтоб не было вам хуже!»

Таков был неутешительный вывод Крылова. То, что есть, — плохо, это он признавал ясно, но решительные перемены к лучшему — возможны ли они? Он полагал, что нет...

Двадцать три басни составили первую книгу «Басен Ивана Крылова», отпечатанную весною 1809 года в типографии Петербургского губернского правления.

Большинство из них, даже те, что числились переводными, имели прямое отношение к современной Крылову жизни — жизни российской, жизни петербургской.

Художественная обобщенность, общечеловеческая

Первое издание басен И. А. Крылова.
1809 г.

мудрость не мешали им в большинстве случаев быть исторически-конкретными, политически злободневными.

Н. В. Гоголь имел полное основание утверждать: «Всякая басня его имеет... историческое происхождение. Несмотря на свою неторопливость и, по-видимому, равнодушные к событиям современным, поэт, однако же, следил всякое событие внутри государства: на все подавал свой голос... Строго взвешенным и крепким словом так разом он и определит дело, так и означит, в чем его истинное существо... Вообще его занимали вопросы важные. В книге его всем есть уроки, всем степеням в государстве, начиная от главы...»

...Девять часов утра. На центральных улицах Петербурга тихо. Только стучат по тротуарам каблуки торопливых пешеходов. Изредка прогромыхает по мостовой одинокая карета, и снова торопливые звуки шагов. Это чиновники с пакетами спешат в свои департаменты, канцелярии, комиссии, правления, палаты, суды, экспедиции...

В суетливой бегущей толпе по утрам можно было видеть массивную фигуру человека, шагающего неторопливо и размеренно. Это был титулярный советник Иван Андреевич Крылов. Он выходил из дома Гуанаропуло на углу Большой Морской улицы и Исаакиевской площади и шел по Морской в сторону Невского проспекта.

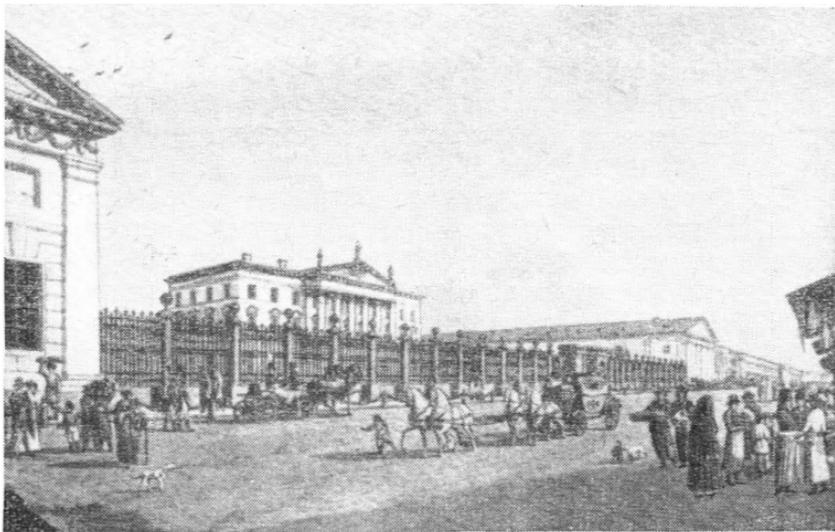
Дом купца Афанасия Гуанаропуло, где жил Крылов, по соседству с князем Шаховским, был в то время одним из самых больших в Петербурге. Он выходил на три улицы и вмещал в своих четырех этажах не только многие сотни жильцов, но и различные учреждения, как, например, физикат — управление медицинской части столицы, а также женский пансион, княжьи лавки и пр.

Через несколько минут Крылов входил в подъезд, украшенный строгой, торжественной колоннадой, поднимался по широкой лестнице, где из глубоких ниш на него смотрели мраморные статуи.

Здесь, в великолепном здании Ассигнационного банка, построенном еще в XVIII веке архитектором Кваренги, помещался Монетный департамент, чиновником которого и состоял Иван Андреевич Крылов.

В Монетном департаменте, где директором был А. Н. Оленин, Крылов прослужил два года — с 1808-го по 1810-й.

Его не слишком увлекали заботы о денежных знаках и золотом запасе Российской империи, дела пробирных

Садовая улица у Ассигнационного банка.
Гравюра В. Патерсена. 10-е годы XIX в.

палаток, розыски рекрутов, бежавших от каторжного труда на Петербургском Монетном дворе и подобные предметы. Канцелярская скука была та же, что и в Казенной палате или Горной экспедиции.

При первой возможности Крылов оставил Монетный департамент.

С января 1812 года он снова определился на службу под начало к А. Н. Оленину — помощником библиотекаря в Императорскую Публичную библиотеку, которая только что перед тем разместилась в здании на углу Невского проспекта и Садовой улицы. Это обширное красивое здание построили в конце XVIII века по проекту архитектора Е. Т. Соколова.

И вот опять Крылова можно было видеть по утрам на парадных улицах Петербурга.

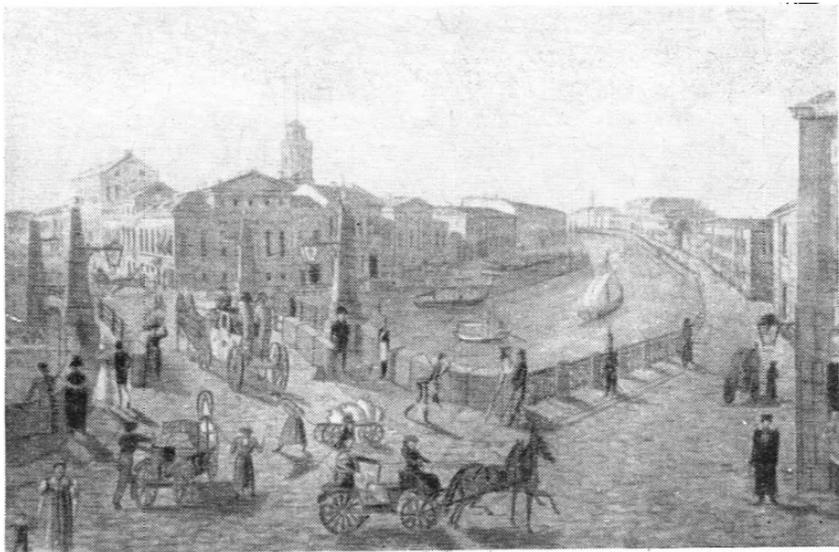
А вечером, после службы, жители столицы часто встречали этого, с виду заметного, человека в самых различных концах города.

На Стрелке Васильевского острова — в порту. Здесь на площади перед только что воздвигнутым зданием Биржи шел оживленный торг фруктами, пряностями, раковинами, кораллами, обезьянами, попугаями. Торговали матросы и шкиперы купеческих судов, причаливавших тут же. Крылов обыкновенно приходил сюда за свежими устрицами. И не только за ними. Интересно было посмотреть эту многоликую, многоголосую толпу.

Нередко отправлялся Крылов на гульбище. Так назывался большой бульвар, тянувшийся вдоль рва и вала, окружавших Адмиралтейскую верфь. По бульвару в хорошую погоду прогуливались тысячи людей. Кроме того, он был центром, откуда по Петербургу распространялись всевозможные вести и слухи. «И чем невероятнее и нелепее был слух, — говорит современник, — тем скорее. Спросишь бывало: «Где вы это слышали?» — «На бульваре», — торжественно отвечал вестовщик, и все сомнения исчезали». Крылова интересовали и заботы горожан, которые они выкладывали друг другу подчас довольно громко, и, не меньше, способ выражения — характерные обороты, словечки...

Иногда по вечерам видели Крылова на Театральной площади — это бывало в дни премьер.

Чаще на набережной Фонтанки — когда он направлялся к А. Н. Оленину или Г. Р. Державину. У последнего, начиная с 1811 года, стало собираться возглавлявшееся А. С. Шишковым новое литературное общество «Беседа любителей русского слова». На собраниях «Беседы» бывал и Крылов.

Гороховая улица у Красного моста.
Акварель неизвестного художника. 20-е годы XIX в.

Изредка появлялся он в Российской академии. Академики скрепя сердце, со временем, все же выбрали Крылова в «сочлены». Но он, тем не менее, не переменил суждения о них, высказанного еще в «Парнасе». Как-то раз, при обсуждении вопроса о доходах академии, Крылов стал уговаривать почтенных литераторов не надеяться на прибыль от своих писаний, а купить землю под овощные огороды, пресерьезно уверяя, что с них доход самый почтенный и надежный.

Бывало, Крылова видели на улицах города и по ночам. Это случалось тогда, когда на каланче ближайшего съезжего дома появлялись сигнальные шары, а по улицам

мчался длиннейший поезд пожарной команды: впереди верхом брандмейстер, за ним труба с флагом, далее повозки с людьми и инструментом, бочки с водой и т. д. Услыхав оглушительный треск погремушек, привязанных к сбруе лошадей, Крылов, не раздумывая, вскакивал с постели и спешил следом.

Пожары случались в то время в Петербурге чуть ли не каждую неделю. Горели по большей части деревянные строения. Но нередко и каменные. Случались пожары в театрах. Так, в ночь на новый, 1811 год сгорел Большой театр. Вероятно, Крылов был в ту ночь на Театральной площади.

Из подобных экспедиций возвращаться приходилось пешком. Извозчики попадались редко. Да Крылов и не любил ездить на извозчиках. В хорошую ночь, особенно летнюю, теплую, светлую, прогулка по Петербургу доставляла истинное удовольствие.

Белые ночи всегда были особой достопримечательностью города. «Никогда не забуду я наших прогулок в лодках по Неве в светлые июньские ночи, — рассказывает современник. — Как описать эту чистую атмосферу, эти роскошные ландшафты, которые являются сквозь полусвет ночи, будто задернутые легкою дымкою, наконец, волшебный эффект роговой музыки, которая небесною гармониею расстилается кругом над тишиною вод..» Оркестры роговой музыки, состоявшие, как правило, из крепостных музыкантов, тоже в лодках разъезжали по Неве для удовольствия публики. Можно думать, что такой страстный любитель музыки, как Крылов, не отказывал себе в удовольствии послушать удивительный оркестр.

Новые обстоятельства внес в жизнь Крылова, как и всего Петербурга, грозный 1812 год.

24 июня войска Наполеона перешли русскую границу. Началась война.

Французская армия, тесня русские полки, прошла Вильну, Витебск, Смоленск.

Скоро стало ясно, что французы могут ударить не только на Москву, но и на Петербург.

В столице принимали меры предосторожности: дела всех присутственных мест, коллекции Эрмитажа, все «ученые кабинеты» были вывезены водою на север. Книги Публичной библиотеки отправили на Ладогу.

Особая баржа стояла у причала Сенатской площади, и были уже отпущены деньги, чтобы увезти в безопасное место Медного всадника... Однако памятник не тронули. По этому поводу в Петербурге рассказывали удивительную историю. Будто бы некоему майору Батурину несколько ночей подряд снился сон: он, майор, видит, как Петр Великий съезжает со своей скалы и мчитя через Исаакиевский мост на Васильевский остров, а затем на Петербургскую сторону и въезжает во двор Каменноостровского дворца. Гулко звучат медные копыта на пустом дворе. На шум выходит император.

— Молодой человек, — говорит ему Петр, — до чего ты довел мою Россию!..

А затем объявляет:

— Пока я стою на своей скале, Петербург неприступен!

Майор будто бы сообщил о бывшем ему «видении» кому-то из министров — оттого-то Петра и не тронули. И пока он в городе — Наполеону тут не бывать.

Так ободряли себя петербуржцы. И не только так.

Ни на один день, например, не прекращались театральные представления. Шли «Дмитрий Донской» Озерова,

«Пожарский» Крюковского, «Освобожденная Москва» Хераскова, водевиль Шаховского «Казак стихотворец». С восторгом встретила публика выступление восьмидесятилетнего Ивана Афанасьевича Дмитриевского в спектакле «Всеобщее ополчение»...

Россия вела войну, которая чем дальше, тем все меньше походила на обычную кампанию, становилась войной народного сопротивления, Отечественной войной.

1812 год обозначил рубеж в русской истории. В тот год Россия увидела свое величие, народ, как никогда, ощутил обязанности хозяина собственной страны.

Тот год преподал особый урок и русской литературе.

Не торжественные оды, не высокопарная риторика традиционной поэзии с наибольшей силой сумели выразить патриотический подъем народа, его героизм и мудрость в час грозной борьбы, но нетребовательные, даже простоватые, какие-то по-домашнему рассказанные стихотворные притчи — маленькие крыловские басни.

В 1812 году в Петербурге начал выходить политический и литературный журнал, в котором, по выражению его редактора Н. И. Греча, «чувства, помыслы и надежды России нашли верный отголосок». Журнал назвали «Сын Отечества».

Во втором номере журнала была помещена басня Крылова «Волк на псарне»:

...«Друзья! К чему весь этот шум?
Я, ваш старинный сват и кум,
Пришел мириться к вам, совсем не ради ссоры;
Забудем прошлое, уставим общий лад!»

«Дружба, существовавшая между вашим императором и Наполеоном, разорвалась несчастным образом по обстоятельствам посторонним, и теперь удобный случай восстановить ее» — так заявил Кутузов в Тарутинском

Пастух и волк.

Патриотическая картинка И. Теребенева. 1812 г.

лагере, под Москвой, посланец Наполеона генерал Лористон.

«Меня проклянет потомство, — по-французски отвечал Кутузов, — если признают меня первым виновником какого бы то ни было примирения: таков действительный дух моего народа».

Этот разговор происходил 23 сентября; в Петербурге он стал известен несколько дней спустя. А уже в октябрьской книжке «Сына Отечества» появились знаменитые строки:

«Ты сер, а я, приятель, сед,
И волчью вашу я давно натуру знаю.
А потому обычай мой:

С волками иначе не делать мировой,
Как снявши шкуру с них долой».

Война приближалась к победному концу. 15 октября жители Петербурга были извещены пушечными выстрелами с Петропавловской крепости об освобождении от неприятеля «первопрестольного города Москвы». Французская армия начала быстро отступать.

Петербург ликовал.

Однако не все в столице были удовлетворены ходом дел. Император, который чуть ли не с самого начала войны заперся в загородном Каменноостровском дворце и коротал время, читая Библию и прогуливаясь по саду, теперь был склонен обвинять Кутузова, обратившего в бегство «великую армию», в бездеятельности.

«Непонятное бездействие ваше, — говорилось в рескрипте, отправленном императором главнокомандующему, — после счастливого сражения под Тарутином, чем упущены те выгоды, которые оно предвещало, и ненужное и пагубное отступление ваше после сражения под Малоярославцем до Гончарова уничтожило все преимущества положения вашего...» И в конце: «Все несчастия, из того проистечь могущие, останутся на личной вашей ответственности...»

Это было написано 30 октября. А в ноябрьской книжке «Сына Отечества» появилась басня Крылова «Обоз»:

С горшками шел Обоз,
И надобно с крутой горы спускаться.
Вот, на горе других оставя дожидаться,
Хозяин стал сводить легонько первый воз.
Конь добрый на крестце почти его понес,
Катится возу не давая;
А лошадь сверху, молодая,
Ругает бедного коня за каждый шаг:
«Ай, конь хваленый, то-то диво!
Смотрите: лепится как рак;

Вот чуть не зацепил за камень; косо! криво!
Смелее! Вот толчок опять:
А тут бы влево лишь принять.
Какой осел! Добро бы было в гору
Или в ночную пору;
А то и под гору, и днем!»

Действительно, дело шло «под гору», французы бежали. Но тем не менее это была еще многотысячная армия. И, что Кутузов учитывал, командовал армией Наполеон.

«Наши молодые горячие головы, — говорил Кутузов, будто пересказывая крыловскую басню, — негодуют на старика, что я удерживаю их порывы. Они не обращают внимания на обстоятельства, которые делают гораздо более, нежели сколько могло бы сделать наше оружие. Не прийти же нам за границу, как толпе бродяг».

Насколько прав был Кутузов, показали события. Русская армия, выступившая из Тарутина в составе 97 112 человек, по прибытии в Вильну насчитывала 27 464 человека.

Как опасно было шутить с Наполеоном даже зимой 1812 года, испытал на собственном опыте один из любимцев царя, самоуверенный вояка-адмирал Чичагов. При переправе через Березину Наполеон сумел обмануть Чичагова ложным маневром, а затем так ударил по незадачливому адмиралу, что тот вынужден был отступить, бросив свой обоз и раненых.

...И крысы хвост у ней отъели.

Под Щукой в басне «Щука и Кот» Крылов подразумевал Чичагова. И вся басня подтверждала мысль, высказанную до того в «Обозе»:

Как в людях многие имеют слабость ту же:
Все кажется в другом ошибкой нам;
А примешься за дело сам,
Так напраказишь вдвое хуже.

Не так ли Александр, посылавший теперь из Каменно-островского дворца рескрипты Кутузову, за семь лет перед этим, под Аустерлицем, вопреки настоянию того же Кутузова, занялся преследованием Наполеона? Известно, что из этого получилось.

«Военными» баснями — «Волк на псарне», «Обоз», «Щука и Кот», «Ворона и Курица» — Крылов молниеносно отзывался на злобу дня. И басни эти так быстро находили читателей и слушателей, как, наверное, до них никакое другое произведение русской литературы.

Да, крыловские басни читали все — и тонкие знатоки, и люди попроще.

«Басни Крылова, — писал В. Г. Белинский, — кроме поэзии, имеют еще другое достоинство, которое, вместе с первым, заставляет забыть, что они — басни, и делает его великим русским поэтом: мы говорим о народности его басен. Он вполне исчерпал в них и вполне выразил ими целую сторону русского национального духа... И все это выражено в таких оригинально русских, не передаваемых ни на какой язык в мире образах и оборотах; все это представляет собою такое неисчерпаемое богатство идиомов, руссизмов, составляющих народную физиономию языка, его оригинальные средства и самобытное, самородное богатство, — что сам Пушкин не полон без Крылова в этом отношении».

Известно, что Крылов после написания «Волка на псарне» переслал Кутузову рукописный экземпляр басни.

Объезжая войска после Тарутинского сражения, Кутузов, как рассказывает очевидец, присел отдохнуть и обратился к окружающим:

— Вот послушайте, господа, какую мне прислал побасенку наш краснобай Крылов: «Собрался волк на псарню, псов потревожить. Войти-то он вошел, да вот-как пришлось выбираться оттуда — давай за ум! Собаки на него

стаю, а он в угол, оцетинился и говорит: «Что вы, друзья! За что это вы на меня? Я не враг вам. Пришел только посмотреть, что у вас делается, а вот сейчас и вон пойду». Но тут подоспел псарь, да и отвечает ему: «Нет, брат волчище, не проведь тебе нас! Правда, ты, серый, умен, но и я, дружище, сед уже и не глупее тебя (тут Кутузов снял фуражку и рукою, кругом головы, показал седины свои), не уберешься так легко отсюда, как пришел сюда!» — и пустил стаю псов на него», — прибавил он. Громкое «ура» прокатилось по войску.

К. Н. Батюшков писал из армии Н. И. Гнедичу: «Скажи Крылову, что ему стыдно лениться: и в армии его басни все читают наизусть. Я часто их слышал на биваках с новым удовольствием».

А Крылов и не ленился. Он тоже воевал.

5

1814 год в столице был наполнен торжествами.

Вот сообщения петербургской газеты «Северная почта».

От 10 января: «Императорская Публичная библиотека во 2 день сего месяца... совершила торжественным образом открытие свое в пользу всех любителей учености и просвещения». Иначе говоря — была открыта для публики. На торжестве, где много говорилось «о пользе истинного просвещения», помощник библиотекаря И. А. Крылов прочел специально написанный им аполог «Водолазы». На открытии библиотеки присутствовали Г. Р. Державин и И. А. Дмитриевский, а также множество «особ чиновных».

От 22 апреля: «Иллюминация, продолжавшаяся здесь сряду три вечера — 15, 16 и 17 чисел сего месяца, — для празднования занятия Парижа российскими и союзными

войсками, была отменная от обыкновенных иллюминаций. Жители один перед другим наперерыв старались осветить свои дома с отличным великолепием и вкусом. В весьма многих местах выставлены были прозрачные картины, соответствующие происшествию, с эмблематическими изображениями, богато освещенными разными огнями... Во многих местах, для умножения общего удовольствия, играла музыка. Во все три вечера иллюминация продолжалась гораздо за полночь. Публика в несчетном количестве, ходя и проезжая по улицам, забавлялась сим величественным зрелищем...»

От 17 июня: «В прошедшую пятницу, 12 числа, были мы свидетелями зрелища самого восхитительного для сердца всякого русского. Санкт-петербургское ополчение, возвратясь из похода, вступило торжественным образом в столицу... Вступлению сих воинов благоприятствовала прекраснейшая погода. Стечение народа, начиная еще за несколько верст от города, было чрезвычайное...» Ополченцев выстроили на Исаакиевской площади вокруг церкви. «Мы не станем описывать здесь, — продолжала газета, — ни восхитительной радости родственников, увидевших драгоценных сердцам их юношей, которых почитали погибшими на поле брани, ...ни восторгов детей, кидавшихся на шею отцам своим, ...мы, не описывая всего того, знаем, что русские, читая сие, сами все то представить себе могут.»

От 1 августа: «Третьего дня, 30 июля, лейб-гвардии полки Преображенский, Семеновский, Измайловский, Егерский, Гвардейский морской экипаж и две роты гвардейской артиллерии, возвратившиеся из славного своего похода, вступили в сию столицу. Они проходили через триумфальные ворота, воздвигнутые от города в честь и славу великих подвигов, возвративших мир Европе... Вечеру город был иллюминирован...»

Встреча на Исаакиевской площади русских войск, вернувшихся
после победы над Наполеоном.

Гравюра по рисунку И. Иванова. 1815 г.

В петербургских салонах говорили о восхитившем Европу либерализме императора Александра, который согласился на возвращение к власти Бурбонов только под условием конституционных учреждений, а также объявил о своем намерении дать конституцию Польше. Рассказывали, что в салоне г-жи Сталь, когда речь зашла о рабстве американских негров, кто-то заметил императору Александру, что в его стране есть нечто подобное — крепостное право. Царь якобы ответил: «Ваша правда, в России есть крепостные, но есть еще и очень большая разница между ними и неграми, но я не хочу ссылаться на это и объявляю, что крепостное право также дурно, что оно

должно быть уничтожено и что с божией помощью оно прекратится еще в мое правление».

Всем было ясно, что народ, который так сражался с захватчиками, заслуживает лучшей участи.

И Петербург ждал счастливых перемен. Казалось, все в городе жило светлыми надеждами.

Не составляла исключения и петербургская словесность. У нее были особые поводы радоваться: после войны в столицу из Москвы переселились В. А. Жуковский и Н. М. Карамзин, вернулся из похода К. Н. Батюшков.

И еще у нее появилась небывалая надежда — Александр Пушкин. Г. Р. Державин на экзамене в Лицее слушал, как пятнадцатилетний мальчик читал свои «Воспоминания в Царском Селе», потом сказал: «Вот кто заменит Державина». Жуковский и Батюшков ездили в Лицей к Пушкину. Жуковский говорил: «Нам всем необходимо соединиться, чтобы помочь вырасти этому будущему гиганту, который всех нас перерастет».

Крылов тогда еще не был знаком с Пушкиным. Но Пушкин Крылова знал. В 1815 году в стихотворении «Городок», перечисляя «любимых творцов», юный поэт писал об авторе «Трумфа» едва ли не восторженнее, чем обо всех других:

И ты, шутник бесценный,
Который Мельпомены
Котурны и кинжал
Игровой Талье дал!
Чья кисть мне нарисует,
Чья кисть скомпанирует
Такой оригинал!
Тут вижу я — с Чернавкой
Подщипа слезы льет;
Здесь князь дрожит под лавкой,
Там дремлет весь совет;
В трагическом смятенъе
Плененные цари,

Забыв войну, сраженье,
Играют в кубари...

Крылова, писателя, пришедшего из прошлого века, новое литературное поколение, едва успевшее в том веке родиться, приветствовало как «своего», как товарища в борьбе за новую литературу, разрушающую старые каноны и провозглашающую новые поэтические принципы.

И оно не ошиблось: в Крылове оно нашло верного союзника.

6

23 сентября 1815 года на сцене петербургского театра состоялась премьера новой комедии Шаховского «Урок кокеткам, или Липецкие воды». На первом представлении комедии, как обыкновенно, были многие литераторы. В третьем ряду кресел сидел В. А. Жуковский, рядом с ним — Д. Н. Блудов, А. И. Тургенев, Ф. Ф. Вигель.

Поднялся занавес. На сцене среди других действующих лиц явился... двойник Жуковского. До предела окарикатуренный, комичный и жалкий, но тем не менее несомненный портрет знаменитого «балладника». Чтобы никто не обманулся, Шаховской заставил своего героя, поэта Фиалкина, беспрестанно твердить о своих балладах и произносить несколько известных стихов из баллад Жуковского.

Фиалкин. Насилу я дышу! Ах! Вы мне показались
Тем мертвецом, что в гроб невесту...

Семен. Вся беда от старых мамушек.

Фиалкин. Я мамушек не знаю.

Семен. Так мертвецами где ж напуганы?

Фиалкин. В стихах,

В балладах ими я свой нежный вкус

питаю,

И полночь, и петух, и звон костей
в гробах
И чу! Все страшно в них; но милым все
приятно,
Все восхитительно, хотя невероятно.

«...Можно вообразить, — рассказывает Ф. Ф. Вигель, — положение бедного Жуковского, на которого обратилось несколько нескромных взоров! Можно себе представить удивление и гнев вокруг него сидящих друзей его! Перчатка была брошена...»

Комедия Шаховского послужила сигналом к началу нового — недолгого, но самого острого и последнего — этапа борьбы «шишковистов» и «карамзинистов».

Крылов, хотя формально и принадлежал к первым, на деле оказался вне враждующих лагерей.

С «карамзинистами» Крылов не был вполне согласен. Стремясь очистить и сделать благозвучным и гибким литературный язык, Карамзин и некоторые из его последователей «перегибали палку». Они выбрасывали за борт не только «славянщину», устаревшие грамматические конструкции, но и «простонародную стихию». И в этом Крылов расходился с Карамзиным и соглашался с Шипковым, который, по крайней мере в теории, стоял за изучение и использование в литературе языка простолюдинов. Но про адмирала он, в свою очередь, говорил, что тот знает, как не надо писать, но как надо писать — не знает. Конечно, неумная защита старины «шишковистами» была не менее чужда Крылову. И уж нечего говорить, что при сравнении произведений Жуковского и Батюшкова с творениями графа Хвостова и князя Шихматова Крылов отдавал предпочтение первым.

Талантливая, умная молодежь была ему симпатична и близка.

Крылов даже не отказывал себе в удовольствии под-

задоривать поклонников Жуковского и «натравливать» их на «Беседу».

Он понимал, что молодежь не останется в долгу. И вправду, на Шаховского, Шишкова и компанию обрушился целый поток эпиграмм, посланий, шуток, получивший у современников название «липецкого потопа». Одна из самых остроумных эпиграмм принадлежала шестнадцатилетнему Пушкину:

Угрюмых тройка есть певцов:
Шихматов, Шаховской, Шишков.

Уму есть тройка супостатов:
Шишков наш, Шаховской, Шихматов.

Но кто глупей из тройки злой?
Шишков, Шихматов, Шаховской!

В противовес чопорной официозной «Беседе» было организовано веселое и остроумное «Общество арзамасских безвестных литераторов», или коротко — «Арзамас». Каждый вступающий в общество должен был произнести смешную надгробную речь в память кого-нибудь из здравствующих членов «Беседы». Затем ему присваивалось прозвище, взятое из стихов Жуковского. Так, сам Жуковский назывался Светланой, Батюшков был Ахилл (намек на свои частые недуги, он изменил его в Ах! хил), лицеиста Александра Пушкина, принятого в общество заочно, поименовали Сверчком, А. И. Тургенева, у которого вечно бурчало в животе, прозвали Эоловой Арфой, С. С. Уварова — Старушкой и так далее.

Пародируя торжественные заседания «Беседы», Жуковский — секретарь «Арзамаса» — вел в уморительных стихах протоколы заседаний:

Сел Арзамас за стол с величавостью скромной
и мудрой наседки,
Сел Арзамас, и явилось в тот миг небывалое чудо;

Набережная Крыкова канала.
Литография К. Бегрова. 20-е годы XIX в.

Нечто пузообразное, пухом венчанное, вздулось,
Громко взбурчало, и вдруг гармонией Арфы стало
бурчанье.
Члены смутились...

Крылов и Гнедич были единственными «беседчиками», посещавшими «логово» арзамасцев — квартиру Жуковского на Невском возле Аничкова моста, а потом на Крыковом канале, на углу Екатерингофского проспекта.

«Здесь и Крылов являлся как общий друг, — рассказывал близкий друг Жуковского и Крылова П. А. Плетнев. — Его практический ум и тонкое соображение находили для себя много пищи независимо от приятного раз-

влечения, представляемого разнообразием гостей, любивших его одинаково... Крылов сознавал в Жуковском талант независимый и энергический. Он постоянно сохранял к нему в душе своей чувство братства и дружбы. Шутя и любезничая с ним, Крылов бывал особенно приятен. Раз на одном из этих вечеров он стал искать чего-то в бумагах на письменном столе. „Что вам надобно, Иван Андреевич?“ — спросили его. „Да вот какое обстоятельство, — сказал он, — хочется закурить трубку; у себя дома я рву для этого первый попадающийся мне под руку лист; а здесь нельзя так: ведь здесь за каждый лоскуток исписанной бумаги, если разорвешь его, отвечай перед потомством“».

Жуковский, в свою очередь, чрезвычайно высоко ставил Крылова. В статье, написанной по поводу выхода первого издания «Басен Ивана Крылова», крупнейший русский поэт того времени приветствовал яркость и самобытность крыловских стихов. Он особо отмечал то, о чем впоследствии писали многие: даже в переводах Крылов остается поэтом оригинальным. Именно по этому поводу Жуковский сказал фразу, ставшую знаменитой: «Переводчик в прозе есть раб; переводчик в стихах — соперник».

«Он имеет гибкий слог, — писал Жуковский, — который всегда применяет к своему предмету: то возвышается в описании величественном, то трогает вас простым воображением нежного чувства, то забавляет смешным выражением или оборотом. Он искусен в живописи. Имея дар воображать весьма живо предметы свои, он умеет и переселять их в воображение читателя. Каждое действующее в басне его лицо имеет характер и образ, ему одному приличные. Читатель точно присутствует мысленно при том действии, которое описывает стихотворец».

Если в кабинете Жуковского Крылов чувствовал себя среди своих, то на собраниях «беседчиков» ему было не

очень-то приятно. Да и сами чиновные авторы нудных высокопарных сочинений в присутствии Крылова не всегда могли сидеть спокойно.

Как-то раз Иван Андреевич пообещал в очередном публичном чтении угостить слушателей новой басней. Но что за басня — никому не сказал. Явившись на чтение, как всегда с опозданием, Крылов тихонько занял свое место и стал слушать. Читали какую-то нескончаемо длинную пьесу. А. С. Хвостов, сидевший против Крылова, спросил:

— Иван Андреевич, что, привезли?

— Привез.

— Пожалуйте мне.

— Вот уж, после.

Чтение продолжалось. Публика устала, начала зевать. Наконец усыпительное сочинение было дочитано. Тут Крылов вынул из кармана измятый листочек и начал:

«Соседушка, мой свет!

Пожалуйста, покушай». —

«Соседушка, я сыт по горло». — «Нужды нет,

Еще тарелочку; послушай:

Ушица, ей-же-ей, на славу сварена!» —

«Я три тарелки съел».

Это была «Демьянова уха» с ее недвусмысленной моралью:

Писатель, счастлив ты, коль дар прямой имеешь;

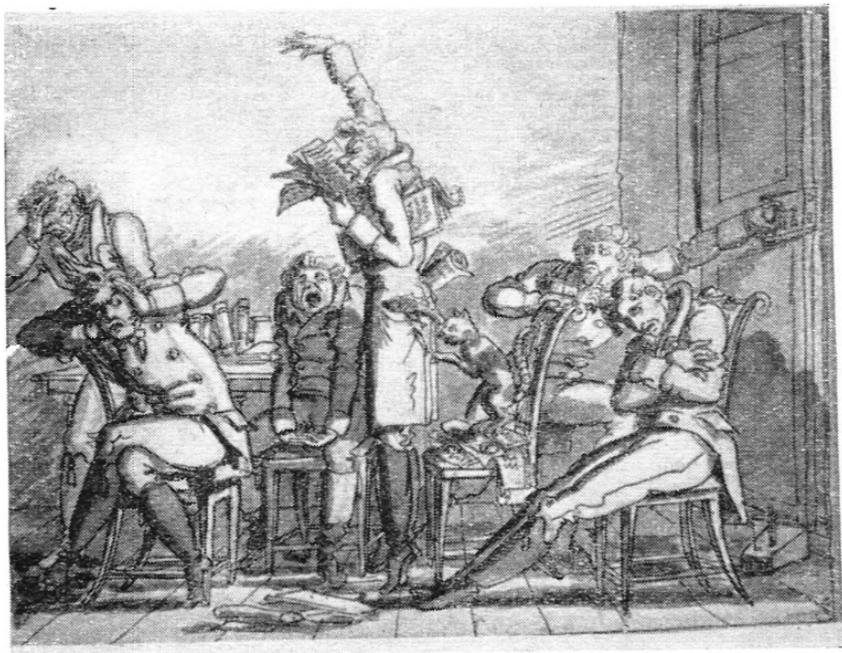
Но если помолчать во-время не умеешь

И ближнего ушей ты не жалеешь,

То ведай, что твои и проза и стихи

Тошнее будут всем Демьяновой ухи.

Содержание басни так точно соответствовало обстановке, что вся публика, ставшая жертвой словоохотливого «Демьяна», отблагодарила Крылова громким и долгим

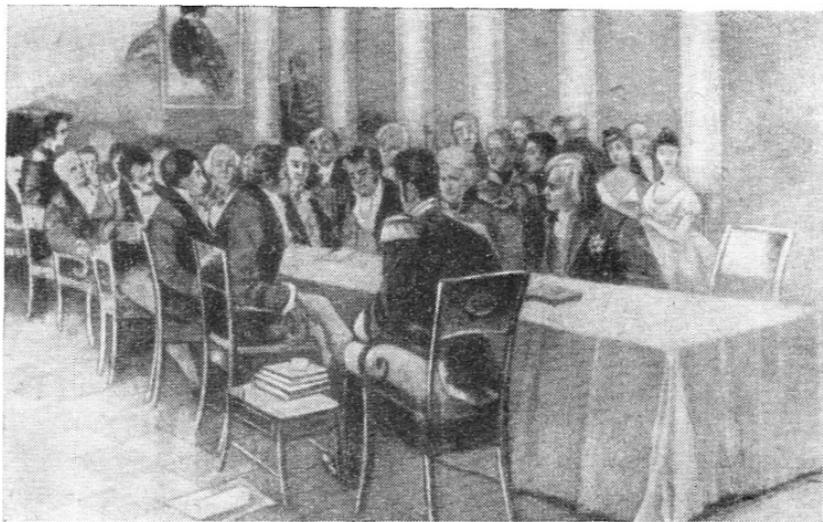
Рифмач.

Сатирический рисунок А. Венецианова. 10-е годы XIX в.

хохотом. А авторы «ухи»? Им приходилось делать вид, что они не обижаются.

Обижался один граф Хвостов. Этому были свои причины.

Давно, еще в начале 1812 года, Крылов встретил графа Хвостова в толпе у Казанского собора, где происходило молебствие по случаю отъезда императора на смотр армии.

И. А. Крылов читает басню «Демьянова уха» на собрании «Беседы любителей русского слова».

Рисунок И. Храброва (И. Грабаря). 90-е годы XIX в.

— Ну что, граф, — ехидно спросил Крылов, — не напишете ли вы оды? Вы, конечно, пришли сюда за вдохновением?

Хвостову не понравилась насмешка.

— Почему же именно я должен писать? — спросил он. — Вы также пишете стихи, и очень хорошие.

— Мои стихи, — отвечал Крылов с комической скромностью, — ничтожные басни, а вы парите высоко, вы лирик...

В тот же день родственник графа давал прощальный обед в честь адмирала Шишкова, уезжавшего вместе с царем. В конце обеда хозяину подали пакет на его имя. Он распечатал бумагу и прочел вслух следующее:

Шшков! оставя днесь беседы светлый дом,
 Ты едешь в дальний путь в карете под орлом;
 Наш добрый царь, тебе вручая важно дело,
 Старается твое беречь, покоить тело;
 Лишь это надобно, о теле только речь:
 Неколебимый дух умеешь сам беречь.

Иван Крылов

Гости пришли в восторг. Стихи отправили в типографию, отпечатали и роздали публике.

Крылов, получив в Публичной библиотеке, вместе с прочими изданиями, это стихотворение, был немало удивлен.

Он написал опровержение: «...Не большому надобно быть знатоку, чтобы увидеть, сколь нелепы и бестолковы сии стихи» и т. д. Но в печать опровержение не попало — оказалось не до него: время было тревожное.

А торжествующий граф Хвостов (автором «нелепых и бестолковых стихов» был, конечно, он сам) везде, где мог, расхваливал свое творение, прибавляя: «Их хвалят по достоинству; но если б вместо Иван Крылов было подписано гр. Дмитрий Хвостов, бранили бы без милосердия...»

Как видим, граф знал твердо: что ни напечатай под именем Ивана Крылова, все равно похвалят. Так велик был в литературном мире авторитет баснописца.

А ведь к этому времени у него вышло всего две книги: в 1809-м (23 басни) и в 1811 годах (21 басня).

Со временем Крылов стал подлинной достопримечательностью Петербурга. Все знали, где он живет и где прогуливается, — почти так же, как знали, где находится Петропавловская крепость или Исаакиевский собор.

Однажды, зайдя в лавку купца Королева, что была под Английским магазином на Невском, Крылов увидел

Басня И. А. Крылова «Демьянова уха».

Гравюра по рисунку И. Иванова из первого иллюстрированного издания басен. 1815 г.

некоего действительного тайного советника, который, расплачиваясь за устрицы, попросил хозяина поверить ему на слово, так как у него не доставало денег заплатить по счету. Купец извинился, что не имеет чести знать его, и, обратясь к Крылову, прибавил:

— Вот если угодно поручиться за вас Ивану Андреевичу, то я с удовольствием поверю.

— А как же меня ты знаешь? — удивился Крылов.

— Помилуйте, Иван Андреевич, — отвечал лавочник, — да вас, я думаю, всякий мальчишка на каждой улице знает.

Хотя Крылов говорил, что у всякого человека в обществе гораздо больше таких людей, которые знают его, нежели таких, которых он знает, но его популярность была поразительна для частного лица, не занимавшего никакого высокого поста в государстве, а просто раз в несколько лет выпускавшего книжку басен. Секрет в том, что это были крыловские басни.

После первых изданий 1809 и 1811 годов появилось иллюстрированное издание — в 1815 году. Небольшого формата изящная книга превосходно отпечатана в Петербургской сенатской типографии. Иллюстрации и виньетки выполнены известными художниками и граверами И. Ивановым, М. Ивановым, С. Галактионовым, И. Ческим. Заслуживает внимания такой интересный факт. Из 2000 экземпляров этого издания несколько десятков было напечатано на дорогой, веленовой бумаге. Этих дорогих экземпляров, хранившихся в барских библиотеках, до нашего времени уцелело довольно много. В то время как книги дешевого издания, широко расходившиеся в публике, стали величайшей редкостью. Их попросту зачитывали до дыр.

При жизни Крылова басни его были изданы огромным для того времени тиражом: около 80 тысяч экземпляров. А население Петербурга в год его смерти составляло примерно 450 тысяч человек.

Из столицы басни и в книгах, и в списках расходились по всей России. В 1818 году Батюшков писал Гнедичу из Одессы: «Поклон мой... Ивану Андреевичу... скажи, что басни его здесь в великом употреблении».

Об отношении современников к Крылову прекрасное представление дают строки из письма к нему его родного брата Левушки, тогда скромного армейского офицера: «Читал я басни г. Измайлова, но в сравнении с твоими, как небо от земли: ни той плавности в слогe, ни красоты

нет, а особливо простоты, с какою ты имеешь секрет писать, ибо твои басни грамотный мужик и солдат с такою же приятностью может читать, хотя не понимая смысла оных, как и ученый... Читал и сочинения г. Жуковского, но он, как мне кажется, пишет только для ученых, и более занимается вздором, а потому его слава весьма ограничена. А также г. Гнедич, человек высокоумный и щеголяет на поприще славы между немногими. Но как ты, любезный тятенька, пишешь, — это для всех: для малого и для старого, для ученого и простого, и все тебя прославляют...»

**ЗАГАДКА
КРЫЛОВА**

1

Как в литературе Крылов поражал современников само-бытностью, самостоятельностью, так и в жизни удивлял своей необычностью. Когда современники судят о личности Крылова, одни говорят любовно, нежно, другие, наоборот, неодобрительно, осуждающе, но все неизменно — с удивлением. Даже самые проницательные из тех, кто близко знал Крылова, обычно признаются, что не могут понять его.

«...Крылов родился чудачком. Но этот человек загадка, и великая!..» — так писал К. Н. Батюшков после нескольких лет знакомства с Крыловым.

Адресат этого письма Н. И. Гнедич, пожалуй, лучше, чем кто-либо другой, знал и о чудачествах, и о загадочности Крылова. С 1812 года они вместе служили в Публичной библиотеке. В 1816 году, когда Крылова из помощников перевели в библиотекари и он получил казенную квартиру, тут же при библиотеке, они стали соседями: жили по одной лестнице — Крылов во втором этаже, Гнедич в третьем. И служба, и литература, и общий круг знакомств постепенно их сблизили.

И результатом этой дружбы, между прочим, были вечные «истории о соседе». Гнедич, как и другие знакомые баснописца, не уставал удивляться и рассказывать в обществе анекдоты о Крылове.

Тут был рассказ о необыкновенной безалаберности Крылова: о вечно неприбранной квартире, о голубях с Гостиного двора, которые чувствовали себя в этой квартире, как дома. О том, как однажды Крылову вдруг пришла фантазия обставить свои комнаты новой дорогой мебелью, украсить их фарфором и хрусталем. Он осуществил задуманное. А уже через несколько дней на лакированном столе, как прежде на обыкновенном, лежали груды сигарного пепла, а на всех прочих вещах появились обычные следы пребывания хозяйских любимцев — гостинодворских голубей...

Был и другой рассказ: о том, как, увидав индийского факира, жонглировавшего светящимися мячиками, ленивый Крылов две недели сряду, запершись у себя в кабинете, с утра до вечера учился — и выучился жонглировать не хуже индийского факира. Он продемонстрировал свое искусство у Олениных и больше к мячикам не прикасался...

Н. И. Гнедич.

Гравюра по рисунку
неизвестного худож-
ника. 20-е годы
XIX в.

Пушкин, вероятно со слов Гнедича, в своих «Table talk» (застольных разговорах) записал: «У Крылова над диваном, где он обыкновенно сиживал, висела большая картина в тяжелой раме. Кто-то ему дал заметить, что гвоздь, на который она была повешена, не прочен и что картина когда-нибудь может сорваться и убить его. „Нет, — отвечал Крылов, — угол рамы должен будет в таком случае непременно описать косвенную линию и миновать мою голову”».

Но как с этим примером классической лени согласовать следующий рассказ? Как-то у Олениных зашел разговор о том, что в немолодом возрасте трудно выучиться иностранным языкам. Крылову в ту пору шел пятидесятый год. Не говоря никому ни слова, он стал по ночам читать Библию, сличая древнегреческий текст со славянским. Потом занялся греческими классиками. И вот однажды, когда в разговоре с А. Н. Олениным Гнедич сказал, что затрудняется в переводе одного стиха «Илиады», Крылов подошел, прочел трудный стих и перевел.

— Полноте морочить нас, Иван Андреевич, вы случайно затвердили этот стих да и щеголяете им! — не поверил Гнедич. Но Крылов перевел и другой стих, и третий. Можно вообразить себе удивление всех присутствовавших, и грекофила Гнедича в особенности. Он даже написал по этому поводу стихи:

Сосед, ты выиграл! Скажу теперь и я;
Но бог тебе судья,
Наверную поддел ты друга! *и т. д.*

Правда, и занятия греческим языком длились не долго. По настоянию Гнедича Крылов начал было переводить «Одиссею», но остановился на первой же странице.

Очевидно, что все его «увлечения» — это попросту способности как-нибудь убить время.

Время было. Были и сила воли, и энергия, и талант. Но не было возможности использовать их по назначению, применить к настоящему делу. И это рождало то горькое разочарование, ту душевную пустоту, которую нужно было чем-то заполнить — хоть греческим языком, хоть светящимися шариками, хоть обильными обедами и ужинами... Что окружающие почитали чудачеством, странностью, загадочностью, было выражением тяжелой драмы, окрасившей в далеко не радужные тона всю жизнь поэта.

А басни?

В иные годы Крылов писал помногу — по два, чуть ли не по три десятка басен в год. Но случалось и так, что он не брался за перо несколько лет подряд.

Разумеется, Крылов был великим поэтом, — прежде всего поэтом, и он не мог жить без того, чтобы не выражать себя в стихах.

Но при этом, надо думать, временами он испытывал серьезные сомнения в необходимости и важности своей поэтической работы. А может быть, находил, что молчание красноречивее слов.

С молодых лет мечтал он о делах высоких и славных, мечтал своим пером преобразить мир — осуществить же эти мечты не удалось.

И желание творить в его душе то вспыхивало, то гасло.

От чего это зависело?

Существует удивительная синхронность подъемов и спадов в общественной жизни России и в деятельности поэта. Замолкал Крылов не вдруг, как не вдруг и брался за перо.

2

Весной 1819 года появилось издание басен Крылова в шести книгах.

По этому поводу 28 марта в газете «Санкт-Петербургские ведомости» было напечатано такое объявление: «Автор, желая сим новым и последним изданием заключить достославное поприще свое, собрал все свои басни, со времени последнего издания им сочиненные, как манускриптами у него находящиеся, так и в разных повременных листках отпечатанные».

Иными словами, объявление о новом издании было одновременно литературным некрологом Крылова. Перед

нами угроза уйти из литературы, и сделана она была вполне серьезно.

Чтобы понять, почему Крылов поместил такое объявление в «Санкт-Петербургских ведомостях» именно в начале 1819 года, достаточно присмотреться к обстоятельствам времени: какова была русская жизнь первых послевоенных лет, прежде всего жизнь петербургская?

Радужные фейерверки и радужные надежды 1814 года быстро погасли. Оказалось, что по дороге от Парижа до Петербурга Александр I успел порастерять свой либеральный пыл.

Чего стоил уже один въезд царя в столицу!

«Показался император, предводительствующий гвардейской дивизией, на славном рыжем коне, с обнаженной шпагой, которую уже он готов был опустить перед императрицей. Мы им любовались, но в самую эту минуту, почти перед его лошадью, перебежал через улицу мужик. Император дал шпоры своей лошади и бросился на бегущего с обнаженной шпагой. Полиция приняла мужика в палки... Я невольно вспомнил о кошке, обращенной в красавицу, которая, однако же, не могла видеть мышь, не бросившись на нее» — так рассказывал впоследствии декабрист И. Д. Якушкин.

Эпизод этот оказался роковым предзнаменованием.

Обещания Александра:

Закон постановлю на место вам Горголи,
И людям я права людей
По царской милости моей
Отдам из доброй воли, —

как издевательски изложил их юный Пушкин в знаменитом «Noë'l'e» — остались намерениями и обещаниями. Место закона прочно занимал петербургский обер-полицмейстер Горголи. Права даровались в основном полиции. Павловские идеи «порядка» возвращались к жизни.

Петербург был центром России. В центре Петербурга находилась Дворцовая площадь с Зимним дворцом. Во дворце жил царь. Такова была принципиальная схема самодержавной власти.

На практике, однако, в те годы выходило несколько иначе. Императорский штандарт с двуглавым орлом — им отмечали место пребывания царя — в те годы редко развевался над Зимним.

Александр, метко названный Пушкиным в том же «Noël'e» «кочующим деспотом», занимался теперь главным образом делами европейскими. Он погрузился во внешнюю политику и долгие месяцы проводил на конгрессах, озабоченный установлением «порядка» в соседних и дальних странах.

А в России?

Еще затемно, с четырех часов утра, в Литейную часть Петербурга спешили кареты министров, генералов, сановников. Они подкатывали к небольшому, довольно невзрачному дому на углу Литейного проспекта и Кирочной улицы. Здесь не помещался Государственный совет, не собирався Сенат, не было какого-либо иного правительственного учреждения. Здесь жил граф Аракчеев.

Это ему, когда-то любимцу императора Павла, а теперь «другу и брату» Александра, была вручена пачка пустых бланков с «высочайшей» подписью. Аракчеев мог заполнить их любым распоряжением: или о награждении чином какого-нибудь лица — если оно было ему угодно, или о ссылке того же лица в Сибирь — если оно Аракчееву не нравилось. Указы, издававшиеся им, царь предписал считать его собственными «именными повелениями». Министры не имели доступа к Александру иначе, как с согласия Аракчеева.

Что представлял собою всемогущий временщик? Рассказывали, что однажды, в гатчинские времена, Аракчеев

как-то раз на параде до того предался командирскому усердию, что... откусил ухо в чем-то провинившемся солдату — так начиналась карьера. В конце своей жизни, путешествуя за границей, Аракчеев однажды накинулся с кулаками на таможенного чиновника, чем-то ему не понравившегося, — тут графа пришлось оттащить и напомянуть ему, что он не в России. Между этими двумя случаями лежали тысячи подобных.

Нраву Аракчеева соответствовали и его представления о способах управления. У себя в вотчине, селе Грузине, граф печатал такие, например, распоряжения: «У меня всякая баба должна каждый год рожать, и лучше сына, чем дочь. Если у кого родится дочь, то буду взыскивать штраф...» Грузино было лабораторией, опытным участком, с которого на всю Россию постепенно распространялась новая мания регламентации. Жестокий режим произвола и насилия, давивший страну, получил название «аракчеевщины». Именно ею определялась жизнь русской столицы в конце 1810-х годов.

Сильным было и влияние мистиков и обскурантов, подобных тогдашнему министру народного просвещения и духовных дел князю А. Н. Голицыну, ведомство которого Н. М. Карамзин называл «министерством народного замятия».

В то время была полна самого актуального смысла знаменитая сцена «Горя от ума»:

Скалозуб

Я вас обрадую: всеобщая молва,
Что есть проект насчет лицеев, школ, гимназий,
Там будут лишь учить по-нашему: раз, два,
А книги сохранят так: для больших оказий.

Фамусов

Сергей Сергееч нет, уж коли зло пресечь:
Забрать все книги бы да сжечь.

Такие идеи вовсе не казались смехотворными, когда член Главного правления училищ, один из высших чиновников Министерства народного просвещения М. Л. Магницкий заявлял, что либеральный дух сеет сам «князь тьмы» — сатана, что «слово человеческое есть проводник сей адской силы: книгопечатание — орудие его». Тот же Магницкий и его коллеги едва не добились публичного разрушения здания Казанского университета, а из Петербургского университета вскоре изгнали лучших профессоров. Петербургский цензурный комитет был превращен в некое сыскное учреждение, следившее за «неблагонамеренными» авторами. Да и весь город кишел шпионами, проникавшими всюду и следившими — по особому распоряжению царя — даже за... графом Аракчеевым.

И вот тогда-то Крылов, выпуская новую превосходную книгу — шестую книгу басен, — заявляет во всеуслышание, что не станет больше писать.

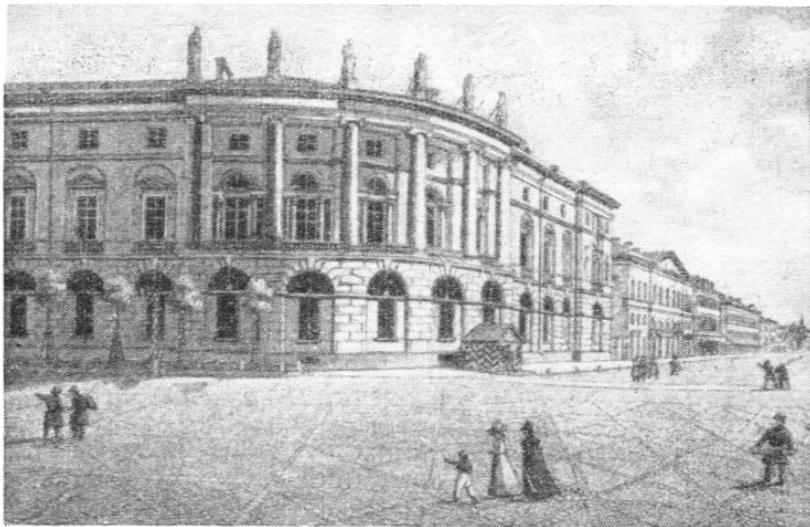
1819 год — это самый разгар аракчеевщины, это только что созданный Священный союз, разгром университетов в Германии, реставрация Бурбонов во Франции; торжество реакции во всей Европе, когда, казалось, на всем континенте накрепко удушено всякое свободное слово.

«Желая сим новым и последним изданием заключить достославное поприще свое...» — трудно сказать, могли ли какие-нибудь стихи сравниться тогда в выразительности с этими строками.

3

С 1819 по 1823 год Крылов не напечатал ни одной басни.

Чем же занимался он в это время? Занятия были довольно однообразные: обязательные, официальные и неофициальные.

Здание Публичной библиотеки.

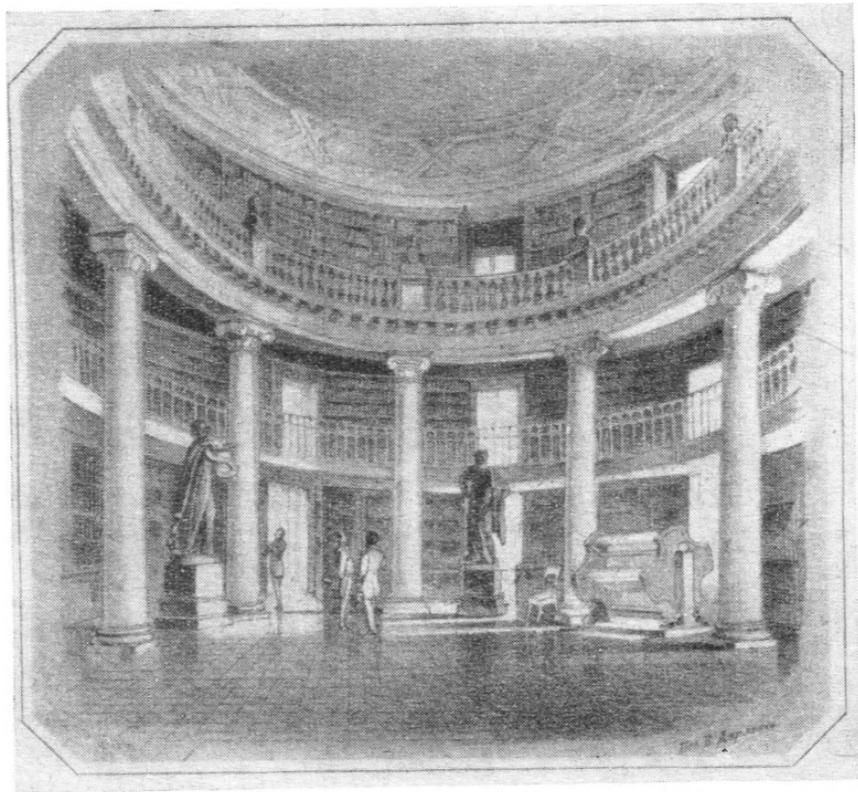
Гравюра по рисунку неизвестного художника. 10-е годы XIX в.

Обязательные занятия составляла служба в Публичной библиотеке.

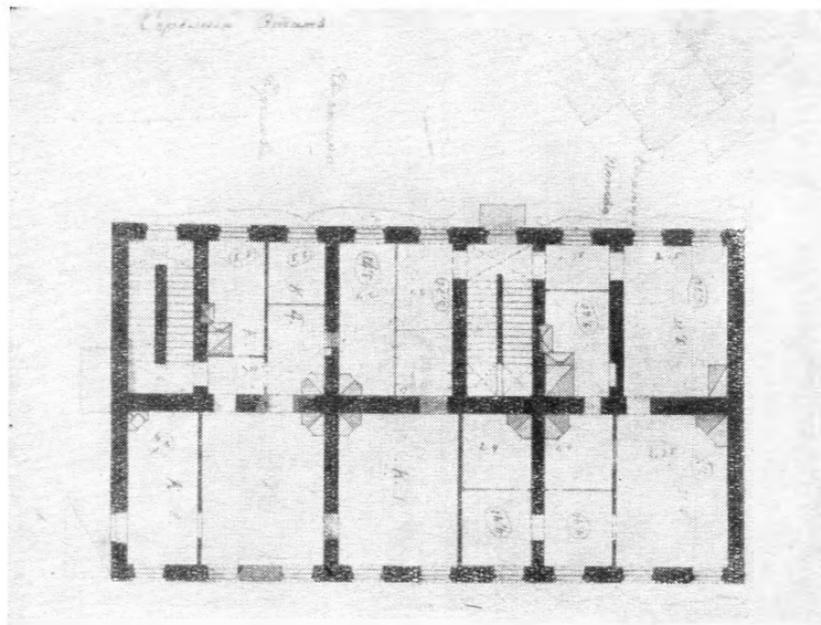
Библиотека была еще невелика, но книжный фонд ее, особенно русский, быстро увеличивался. Просторные залы, украшенные стройной колоннадой, разнообразной скульптурой, сверху донизу были заполнены массивными стеллажами.

В круглом зале первого этажа, выходящем окнами на Невский проспект и Садовую улицу, находился кабинет библиотекаря и его помощников. Здесь стояли шкафы с книгами, несколько столов, диванов, кресел.

Крылов, сначала занимавший должность помощника библиотекаря, а затем библиотекаря, должен был комп-

Один из залов Публичной библиотеки в середине XIX в.
Литография.

План среднего этажа дома должностных лиц Публичной библиотеки на Б. Садовой улице. Выполнен архитектором А. Ф. Щедриным. 1830 г. Крылов занимал левую половину — пять окон на улицу и пять окон во двор.

лектовать фонд, составлять реестры и каталоги, выдавать книги.

Разумеется, чтобы выполнять все это, не требовалось непременно быть Крыловым — ни по уму, ни по таланту. И хотя служба в библиотеке представлялась ему делом полезным, не бесплодным, трудно было ожидать с его стороны особого рвения.

Как вспоминают современники, Крылова можно было

Кабинет И. А. Крылова.
Рисунок с натуры А. Эйхена.

нередко застать во время дежурства лежащим на диване с книгой в руках. Посетителям он указывал на шкафы и просил самих брать что кому нужно. По словам П. А. Плетнева, в часы службы Крылова чаще всего занимал «какой-нибудь старинный роман, хотя бы это были: *Письма Эрнеста и Доравры...* Он, без малейшего участия в рассказываемом, провожал глазами страницу за страницей... Случалось, что таким образом одну и ту же книгу в разное время перечитывал он по нескольку раз».

Развлечением служили также разговоры. В стенах библиотеки можно было встретить немало людей примечательных. В разные годы сослуживцами Крылова были поэты К. Н. Батюшков и А. А. Дельвиг, драматург и романист М. Н. Загоскин. Почти двадцать лет прослужил вместе с Крыловым Н. И. Гнедич.

Кроме того, библиотека была местом, куда частенько заглядывали петербургские литераторы — просмотреть книжные новинки, получить справку, обменяться мнениями и новостями.

Крылов прослужил в Публичной библиотеке тридцать лет. Двадцать пять из них, с 1816-го по 1841-й, он прожил в том трехэтажном «доме, занимаемом должностными лицами и сторожами», который стоял близ главного здания библиотеки по Садовой улице, против Гостиного двора.

В первом этаже находились помещения книжных лавок, которые библиотека сдавала в аренду книготорговцам Глазунову и Заикину, во втором и третьем — квартиры «должностных лиц».

Квартира Крылова во втором этаже имела первоначально две, затем три комнаты окнами на Садовую улицу. По рассказу Плетнева, из них «средняя составляла залу, боковая влево от нее оставалась без употребления, а последняя, угольная к Невскому проспекту, служила обыкновенным местопребыванием хозяина. Здесь за перегородкой стояла кровать его, а в светлой половине он сидел перед столиком на диване... Украшением приемной комнаты был портрет его, во весь рост масляными красками, написанный в 1812 году профессором Академии художеств Волковым».

Но Ивана Андреевича редко можно было застать дома. Он, видимо, избегал бывать в своей малоуютной квартире. Прямо из библиотеки — это бывало часов около трех

И. А. КРЫЛОВ.
Портрет работы Р. Волкова. 1812 г.
Пушкинский кабинет ИРЛИ

дня — Крылов отправлялся либо в Английский клуб, либо в гости. Чаще всего дорога его лежала в дом Алексея Николаевича Оленина.

4

Оленин был не только начальником Крылова по службе. Он осуществлял своего рода надзор за литературной деятельностью поэта. Оленин окружал себя талантливыми людьми и — ловкий царедворец — старался приблизить своих подопечных ко двору. Для этого он, в меру своих сил, «приручал» их и «воспитывал».

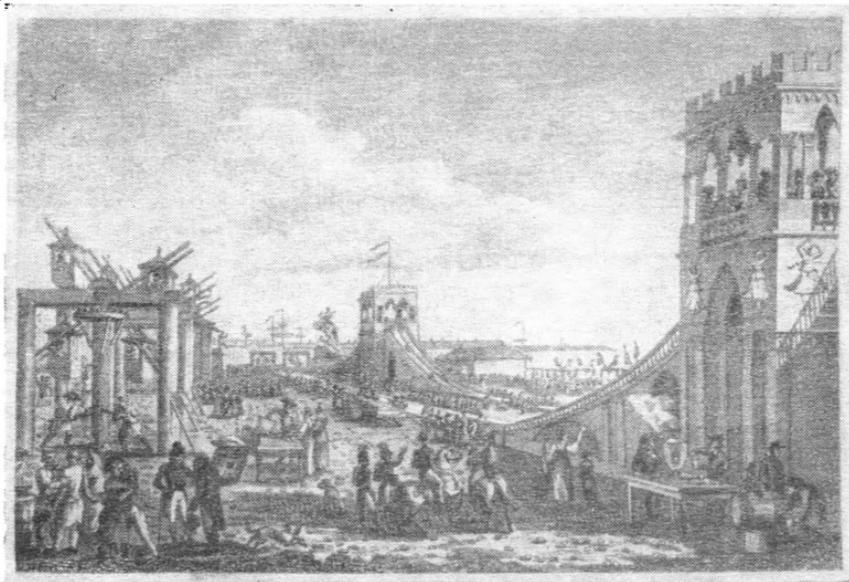
Оленин «приручал» и Крылова, который спокойно относился к наставлениям сановного покровителя, далеко не всегда им следовал и не без иронии изобразил свои отношения с Олениным в басне «Соловьи», которую закончил словами:

А мой бедняжка Соловей,
Чем пел приятней и нежней,
Тем стерегли его плотней.

Варвара Алексеевна Оленина против текста басни «Соловьи» сделала пометку: «Для батюшки А. Н. Оленина».

Несмотря, однако, на менторские замашки Оленина, дружба его с Крыловым с годами не слабела. Одаренный пониманием искусства, Оленин отдавал должное гению Крылова.

Оленин принимал горячее участие в изданиях крыловских басен. В 1815 году он сам пригласил художника-иллюстратора, следил за гравированием его рисунков. Каждую гравюру в книге метил своей монограммой, означавшей, что он лично руководил работой. То же повторилось и с изданием 1825 года. Стараниями Оленина книги

Масленичное гуляние у Адмиралтейства.

Гравюра. Начало XIX в.

Крылова оказывались шедеврами не только поэтического, но и гравировального и типографского искусства.

Крылов ценил ту долю искренней заботливости, которая, несомненно, была среди прочих чувств к нему «доброго мецената».

До 1819 года Алексей Николаевич с семейством жил в своем красивом уютном особняке на Фонтанке, между Семеновским и Обуховским мостами. Затем переехал на Мойку, в дом Севериной, у Синего моста (близ того дома Гуанароцуло, в котором жили когда-то Шаховской и Крылов).

От библиотеки до Фонтанки было недалеко, до Мойки еще ближе. Однако иногда дорога к Лениным занимала у Крылова много времени. Это случалось на масленицу или на пасху, когда Крылов заходил на площадь перед Адмиралтейством, — там устраивались развлечения для «простого народа». Здесь бывали, смотря по времени года, балаганы, качели, карусели, ледяные горы или же зверинец, фокусники, «геркулесы».

Однажды, это было на масленицу, Иван Андреевич пришел к Лениным чем-то раздосадованный.

— Что ты такой пасмурный? — спросил Алексей Николаевич.

— Ходил под балаганы гулять и ужасно прозяб, — пожаловался Крылов.

— Охота тебе туда таскаться, — сказал Ленин.

— Да нет, позвольте, — заговорил Крылов. — Я подошел к одному балагану, вышел «дед», снял с головы шляпу и, показывая ее публике, спрашивает: «В шляпе ничего нет, господа?» Ответили, что ничего. «Ну, так погодите», — сказал «дед», поставил шляпу на перила и скрылся. Это меня заинтересовало; я решил подождать, чем кончится дело. Ждал, ждал, а «деда» нет. Наконец через полчаса он вышел, приподнял с перил шляпу и опять, показывая ее публике, спросил: «Ничего нет в шляпе?» Отвечают: «Ничего». «Старик» заглянул в шляпу и преспокойно говорит: «А ведь и в самом деле ничего!» Одурачил нас всех совершенно: каково, с добрых полчаса ждал я его выхода, какую-де он штуку выкинет! А штука-то самая простая.

Крылов и мерз, и уставал, но под балаганы ходил — это его всегда занимало.

Побыть среди простого народа, поглядеть на его забавы, послушать его меткую речь — до этого он всегда был охотник.

Обед у Олениных подавали около четырех часов дня. По будням довольно скромный, по праздникам более обильный и затейливый (например, на масленице готовили блины пятнадцати видов).

После обеда Крылов дремал в глубоком кресле в кабинете Алексея Николаевича, уставленном этрусскими вазами, слепками с античных скульптур и, главное, просторном и тихом.

К вечеру съезжались гости. Тех, кто впервые попадал к Олениным, прежде всего угощали Крыловым.

«В первый визит к тетушке Олениной, — вспоминала А. П. Керн, — батюшка мой, казавшийся очень немногим старше меня, встретясь в дверях гостиной с Крыловым, сказал ему: „Рекомендую вам меньшую сестру мою“. Иван Андреевич улыбнулся, как только он умел улыбаться, и, протянув мне обе руки, сказал: „Рад, очень рад познакомиться с сестрицей“».

На одном из оленинских вечеров Керн встретила Пушкина, но, как она рассказывает, сначала его не заметила: все ее внимание было занято шарадами. Особенно забавным казался Крылов, который за какой-то фант должен был прочитать басню. Он сел на стул посреди зала, все столпились вокруг.

«...Я никогда не забуду, — говорила А. П. Керн, — как он был хорош, читая своего «Осла»! И теперь еще мне слышится его голос и видится его разумное лицо и комическое выражение, с которым он произнес: «Осел был самых честных правил!»

В чаду такого очарования мудро было видеть кого бы то ни было, кроме виновника поэтического наслаждения...»

Вечер кончился ужином. Подавали его на маленьких столиках, «без церемоний, без чинов». За ужином продолжались разговоры, шутки...

В тот вечер, о котором рассказывает А. П. Керн, Пушкин затеял с Александром Полторацким, двоюродным братом Анны Петровны, шуточный разговор о том, кто грешник, а кто нет, кто будет в аду, а кто попадет в рай.

— Во всяком случае, в аду будет много хороших, там можно будет играть в шарады. Спроси у m-me Керн, хотела ли бы она попасть в ад, — говорил Пушкин Полторацкому. Анна Петровна очень серьезно отвечала, что в ад не желает.

— Ну, как же ты теперь, Пушкин? — спрашивал Полторацкий.

— Je me ravise, — отвечал поэт, — я в ад не хочу, хотя там и будут хорошие женщины...

Крылов редко вмешивался в общий разговор, постоянно занятый собственными мыслями. И все же здесь, у Олениных, он чувствовал себя менее одиноким, чем в своей квартире на Садовой. Потому-то он возвращался домой поздно ночью. А на следующий день снова шел со службы прямо к Олениным.

Добрые чувства искренней дружбы связывали Крылова с младшим поколением оленинского семейства — дочерьми Алексея Николаевича и Елизаветы Марковны Варенькой и Анной, тогда еще совсем девочками. С ними Крылов играл, шутил, писал им такие, например, стихи:

Вот вам мой стихи:
Не кушайте ухи,
А что-нибудь другое,
Пожалуй, хоть жаркое.
Я гнусь пред вами, как дуга,
И вам покорный я слуга.

Вареньку Оленину Крылов обучал музыке, и та впоследствии с благодарностью вспоминала, что многим обязана «Ивана Андреевича терпению и снисходительности».

От общения с этой приветливой, веселой, умной молодежью, вероятно, теплее становилось у него на душе.

Лучшим свидетельством тому служит письмо Крылова Вареньке Олениной, когда та уже вышла замуж и жила в своей деревне под Воронежом:

«Как изобразить вам мои чувства, любезнейшая и почтеннейшая Варвара Алексеевна, когда я получил ваше второе письмо! Мою радость, мою благодарность, — мой стыд! И вы еще столь добры, что ко мне пишете и меня браните. Сказать, однако ж, правду, я стою и того и другого. По лени моей мало бить меня, но по чувствам моим к вам, право, я заслуживаю ваше снисхождение, ибо такую иметь привязанность, как я к вам, божусь, что можно едва ли только найти в собаке, а в человеке вы, верно, ее не сыщете. Продолжайте же быть ко мне добры по-прежнему и подсластите тем остаток жизни того, который, хотя много имеет слабостей и пороков, но с уверенением может сказать, что неблагодарность никогда не заглядывала в его сердце...

Теперь, что сказать вам о Петербурге, о себе? Петербург наш похож на красавицу, которая наряжается и зевает. Что до меня, то по отпуске сего письма я, слава богу, жив и здоров, ем и сплю много, читаю — вздор, пишу — ничего и нахожу, что это довольно весело. Теперь собираюсь к себе: в ваше Приютино, где мне никогда не может быть скучно. И кстати, если лето находится у вас в Воронеже, то нельзя ли сделать милость отпустить к нам его на 28 дней? Вы бы очень нас одолжили. Зато если случится вам нужда в холоде, дожде и слякоти, то присылайте наверное к нам: мы рады вам служить сколько угодно: такие-то мы здесь добрые!..

Вы собираетесь в Москву? Нельзя ли уведомить, когда вы туда поедете — я уже несколько лет тоже собираюсь туда и только раздумывал, какое время выбрать в году.

Зимою хотя Москва и полна, но меня пужали снега и то, что ни садов, ни гуляньев не увидишь. Летом Москва пуста — когда же ехать? Но если бы я вас там нашел, то всякое время в году мне бы показалось приятно, и боюсь (только не так, как честной человек), что я бы тотчас сел в дилижанс и отправился бы без дальних сборов. Право! Эта мысль играет у меня в голове так весело! Так приятно! — я вижу, что вы смеетесь и говорите: какой вздор! Где ему ехать! Пошевелится ли он? С его леню, это пустое! Не верьте же мне, пожалуйста, не верьте, того-то мне и хочется — для того, чтоб больше вас удивить, — только отишите, а особливо, где остановитесь и как вас сыскать? А там увидим...

Будьте здоровы и счастливы и продолжайте любить того, который от всей души, от всего сердца и помышления любит вас...

Ваш неизменный И. Крyлов».

5

В сосновом бору, окружавшем Приютино, часто слышались голоса, раздавался смех. Под высокими деревьями бродили К. Н. Батюшков, Н. И. Гнедич, В. А. Жуковский, А. И. Тургенев, и бродили не без дела: искали грибы, или чернику, или бруснику...

Здесь, на восемнадцатой версте от Петербурга по Выборгской дороге, на даче у А. Н. Оленина в летние месяцы собиралось многочисленное общество. Столь многочисленное, что, по рассказам, к завтраку не хватало сливок от семнадцати коров.

Гости сменяли друг друга. Одни проводили в Приютине день-два, другие — недели, даже месяцы.

К последним относился и Крyлов. Он являлся чаще

Приютино, имение Олениных под Петербургом.
Акварель неизвестного художника. 20-е годы XIX в.

всего пешком и оставался надолго. В старой баньке в саду, возле пруда, ему оборудовали отдельное жильё.

Гостить на даче у Олениных было привольно. Каждому объявляли: в 9 часов утра чай, в 12 часов завтрак, в 4 часа обед, в 6 часов полудничают, в 9 часов вечерний чай. Гостей созывал к столу удар колокола. В остальное время занимались кто чем хотел: одни беседовали, другие гуляли, или ездили верхом, или стреляли в цель из ружей, из пистолетов, из лука.

Крылов чаще сидел задумавшись где-нибудь в уголке сада или гостиной. Таким, погруженным в размышления, и изобразил его своим метким, острым пером художник Орест Кипренский — нередкий посетитель Приютина.

5 сентября 1819 года, в день именин хозяйки, Крылов разыгрывал в приютинской гостиной парадку на слово Бал-Лада. Для отгадывания «целого» прочтены были стихи, первые полторы строки в которых сочинил Жуковский, а остальные Пушкин:

Что ты, девица, грустна,
Молча присмирела,
Хоровод забыв, одна
В уголку присела?
«Именинницу, друзья,
Нечем позабавить.
Думала в балладе я
Счастье наше славить.
Но Жуковский наш заснул,
Гнедич заговелся,
Пушкин бесом ускользнул,
А Крылов объелся».

Вот в гостиной стол накрыт —
Поскорее сядем,
В рюмках пена закипит,
И балладу сладим.
Вот и слажена она —
Нужны ли поэты? —
Рюмки высушив до дна,
Скажем: многи леты
Той, которую друзьям
Ввек любить не поздно!
Многи лета также нам,
Только с ней не розно.

Ко дню именин Елизаветы Марковны приютинские жители часто готовили собственный спектакль. Крылов был лучшим актером труппы и пользовался неизменным успехом.

Сохранилась печатная афиша одного представления в «Новом Приютинском театре»:

«Российскими Приютинскими Актерами, для открытия оного представлен будет в первый раз

Стихотворец в хлопотах

или

Вечер утра мудренее

или

Пословица навыворот

или

Как кому угодно

Комедия в двух действиях, сочинение г. Приютина».

Под таким псевдонимом скрывался Н. И. Гнедич, написавший забавную историю о гостинодворском поэте Стихоплеткине, который изготавливает стихи на заказ. Поэта играл сам г. Приютин, то есть Гнедич, одного из заказчиков — тамбовского откупщика Дубинина — г. Леньтягинов, то есть Крылов. Остальные роли были распределены между домашними. Самой смешной фигурой в пьесе был Свистов — молодой барин, сын стихотворца, промышленяющего рифмами у Стихоплеткина.

Имя Свистов (или Хлыстов) было общеизвестным прозвищем графа Хвостова, и монолог Свистова-сына — еще одно нападение на несравненного графа. Юный Свистов среди прочего заявляет: «В изобретении же папенька, конечно, превзошел Эзопа, в этом уверен и я, и вы, и сам папенька. Папенька создал новый мир, папенька населил его новыми тварями, у папеньки горлицы с зубами, собаки с рогами, животные, если нужно, изменяют свой образ: например, помните ли, Иван Сидорович, притчу «Корова и Липка», когда корова лезет на макушку липки, чтобы спрятаться от дождя, и вдруг слезает назад быком!»

Нелепые притчи Хвостова вообще были в ходу в Приютине.

Выразительно изобразил приютинскую жизнь К. Н. Батюшков в «Послании к А. И. Тургеневу»:

Есть дача за Невой,
Верст двадцать от столицы,
У Выборгской границы,
Близ Парголы крутой:
Есть дача или мыза,
Приют для добрых душ,
Где добрая Элиза
И с ней почтенный муж,
С открытою душою
И с лаской на устах,
За трапезой простою
На бархатных лугах,
Без дальнего наряда,
В свой маленький приют
Друзей из Петрограда
На праздник сельский ждут.
Так муж с супругой нежной
В час отдыха от дел
Под кров свой безмятежной
Муз к грациям привел.
Поэт, лентяй, счастливец
И тонкий философ,
Мечтает там Крылов
Под тению березы
О басенных зверях
И рвет парнасски розы
В приютинских лесах.
И Гнедич там мечтает
О греческих богах,
Меж тем как замечает
Кипренский лица их
И кистию чудесной,
С беспечностью прелестной,
Вандиков ученик,
В один крылатый миг
Он пишет их портреты,
Которые от Леты
Спасли бы образцов,
Когда бы сам Крылов

И Гнедич сочиняли,
Как пишет Тягислов
Иль Балдусы писали,
Забыв и вкус и ум.
Но мы забудем шум
И суеты столицы,
Издадим колесницы,
Ударим по коням
И пустимся стрелою
В Приютино с тобою.
Согласны? По рукам!

Чтобы забыть «шум и суеты столицы», разогнать тяжелые мысли, отправлялся в Приютино и Крылов.

**СРЕДЬ
НОВЫХ
ПОКОЛЕНИЙ**

1

В октябре 1820 года в журнале «Невский зритель» были напечатаны стихи К. Ф. Рыльева «К временщику»:

Надменный временщик, и подлый и коварный,
Монарха хитрый льстец и друг неблагодарный,
Неистовый тиран родной страны своей,
Внесенный в важный сан пронырствами злодей!
Ты на меня взирать с презрением дерзаешь,
И в грозном взоре мне свой ярый гнев являешь!
Твоим вниманием не дорожу, подлец...

Ни у кого не было сомнений, что стихи обращены к Аракчееву. Тот потребовал у министра народного просвещения и духовных дел князя Голицына, который ведал и цензурою, произвести расследование. Голицын поручил это дело директору департамента А. И. Тургеневу.

Человек далеко не революционных убеждений, но стоявший в оппозиции к аракчеевщине, Тургенев отбил «атаку» весьма остроумно. Он обратил внимание на такую деталь: сатира Рылеева имела подзаголовок — «Подражание Персиевой сатире: „К Рубеллию”». И Тургенев, исполняя поручение министра, пишет Аракчееву письмо: «Так как, ваше сиятельство, по случаю пропуска цензурою Проперция сатиры, переведенной стихами, требует, чтобы я отдал под суд цензора и цензурный комитет за оскорбительные для вас выражения, то прежде чем я назначу следствие, мне необходимо нужно знать, какие именно выражения принимаете вы на свой счет».

Перечислить выражения Аракчеев не решился и молча стерпел и стихи, и письмо.

А имя Рылеева стало известно Петербургу. И с тех пор его часто вспоминали — по разным поводам.

Рассказывали такую, например, историю: к петербургскому генерал-губернатору графу Милорадовичу привели какого-то городского жителя, мещанина, схваченного «по важному подозрению». Улик не было, но губернатор требовал признания и грозил арестованному всеми возможными карами. Тот, однако, уверял, что невинен. Выведенный из терпения, Милорадович объявил, что отдает его под уголовный суд. Он знал, как простой народ боится этого учреждения. Но результат был неожиданный: мещанин упал в ноги губернатору и стал со слезами благодарить его за милость.

— Какую же милость оказал я тебе? — не понял Милорадович.

— Вы меня отдали под суд, — ответил мещанин, — и теперь я знаю, что избавлюсь от всех мук и привязок, знаю, что буду оправдан: там есть Рылеев, он не дает погнать невинным!

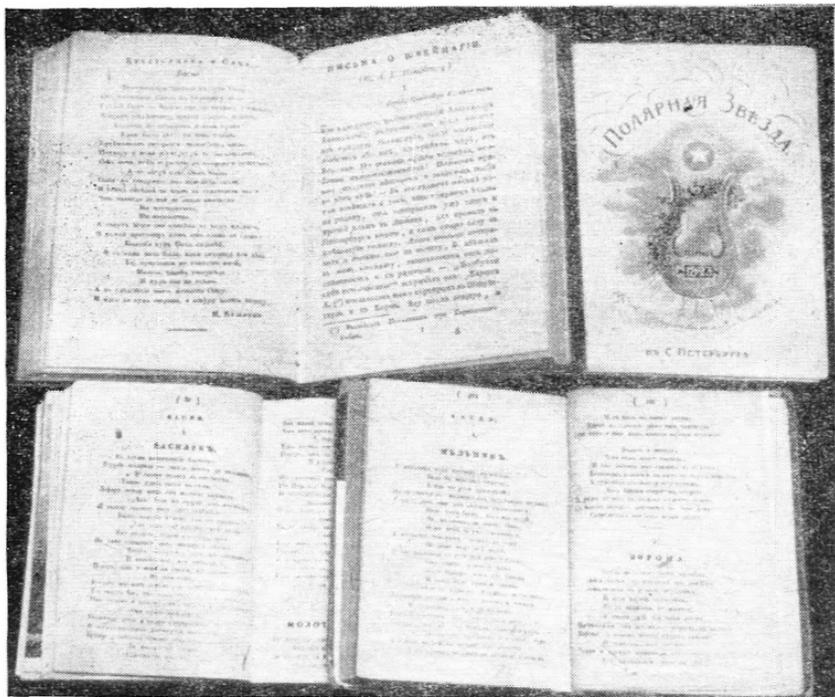
Действительно, с января 1821 года Рылеев поступил на службу в Петербургскую уголовную палату заседателем: отказался от гораздо более почетных и выгодных должностей единственно потому, что в самом деле считал своим долгом «не давать погнать невинным».

И еще один «чудак» — И. И. Пущин — сменил мундир блестящего гвардейского офицера на «неприличный» мундир надворного судьи. Пущин сам рассказывал, как на балу у московского генерал-губернатора он танцевал с его дочерью. Старик князь Юсупов, спросив имя и чин молодого человека, воскликнул: «Как! Надворный судья танцует с дочерью генерал-губернатора!? Это вещь небывалая, тут кроется что-нибудь необыкновенное».

В альманахе «Полярная звезда» на 1823 год, издававшемся Кондратием Рылеевым и его другом Александром Бестужевым, появилась первая после четырехлетнего перерыва басня И. А. Крылова «Крестьянин и Овца». И каков же ее предмет?

Крестьянин позвал в суд Овцу;
Он уголовное взвел на бедняжку дело;
Судья — Лиса: оно в минуту закипело.
Запрос ответчику, запрос истцу,
Чтоб рассказать по пунктам и без крика:
Как было дело, в чем улика?
Крестьянин говорит: «Такого-то числа,
Поутру, у меня двух кур не досчитались:
От них лишь косточки да перышки остались;
А на дворе одна Овца была».

Крылов рисует как будто смешную в своей нелепости картину. Но эта нелепость была страшной, потому что передавала вполне реальные, даже характерные отноше-

Альманах А. А. Бестужева и К. Ф. Рыльева «Полярная звезда» и басни И. А. Крылова, напечатанные в нем. 1823—1825 гг.

ния реальных людей. И если доводы лисьего приговора — шутка, то его логика — правда, правда о той «неслыханной степени бесстыдства», до которой дошла русская администрация.

А приговор Лисы вот, от слова до слова:
 «Не принимать никак резонов от Овцы,

Понеже хоронить концы
Все плуты, ведомо, искусны;
По справке ж явствует, что в сказанную ночь —
Овца от кур не отлучалась прочь,
А куры очень вкусны,
И случай был удобен ей;
То я сужу по совести моей:
Нельзя, чтоб утерпела
И кур она не съела;
И вследствие того казнить Овцу.
И мясо в суд отдать, а шкуру взять истцу».

За басней о российском правосудии последовала басня о главе порядка, основанного на произволе и насилии, — «Рыбья шляска».

От жалоб на судей,
На сильных и на богачей
Лев, вышед из терпенья,
Пустился сам свои осматривать владенья.

Всем было ясно, что имеются в виду разъезды императора Александра по стране, столь частые в последние годы его царствования.

Он идет, а Мужик, расклавши огонек,
Наудя рыб, изжарить их сбирался.
Бедняжки прыгали от жару кто как мог;
Всяк, видя близкий свой конец, метался.
На Мужика разинув зев,
«Кто ты? Что делаешь?» — спросил сердито Лев.

Рассказывают, что Крылов имел в виду вполне определенный случай, когда император в каком-то городе остановился в губернаторском доме и, готовясь уже к отъезду, увидел под окном толпу. Александр спросил губернатора, что это значит. Тот отвечал, что это депутация от жите-

лей, желающих принести его величеству благодарность за благосостояние края. Поистине, как в басне:

«Всесильный царь! — сказал Мужик, оторопев, —
Я старостою здесь над водяным народом;
А его странники, все жители воды;
Мы собрались сюда
Поздравить здесь тебя с твоим приходом». —
«Ну, как они живут? Богат ли здешний край?» —
«Великий государь! Здесь не житье им — рай!
Богам о том мы только и молились,
Чтоб дни твои бесценные продлились».
(А рыбы между тем на сковородке бились.)
«Да отчего же, — Лев спросил, — скажи ты мне,
Они хвостами так и головами машут?» —
«О, мудрый царь! — Мужик отвечивал: — оне
От радости, тебя увидя, пляшут».

Оказалось, что и жители того города шли к царю с жалобой на губернатора. Но Александр этого не узнал: он торопился и не стал принимать депутацию. А губернатора за усердие наградил. Точно, как в басне:

Тут, старосту лизнув Лев милостиво в грудь,
Еще изволя раз на пляску их взглянуть,
Отправился в дальнейший путь.

Намек был до того прозрачен, что цензура испугалась, и Крылову пришлось басню переделать, заставив Льва уразуметь ложь и пустить в ход когти...

Другой басней Крылов напугал своих цензоров еще сильнее. Называлась она «Пестрые Овцы».

Лев пестрых невзлюбил Овец,
Их просто бы ему перевести не трудно;
Но это было бы неправосудно —
Он не на то в лесах носил венец,
Чтоб подданных душить, но им давать расправу...

Опять Лев. И как нарочно, подобно императору Александру, считающий необходимой некую видимость законности, чтобы... заслонить ею свой произвол.

И как зло, как натурально изображен совет царя с приближенными:

«Всесильный Лев! — сказал, насулся, Медведь, —
На что тут много разговоров?

Вели без дальних сборов

Овец передуть. Кому о них жалеть?»

Лиса, увидевши, что Лев нахмурил брови,

Смиренно говорит: «О царь! наш добрый царь!

Ты, верно, запретишь гнать эту бедную тварь —

И не прольешь невинной крови...»

Лиса — вот кто понимает главное в характере царя: лицемерие. Но лицемерие, двоедушие — не это ли признавали в императоре Александре даже его друзья, не в этом ли постоянно обвиняли его враги?

Последние выражались вполне определенно. По словам одного из них, император «не почитал никого против себя чистым и безгрешным, а потому попускал и терпел всякого рода епитимии, лишь бы не прямо самому произвольно налагать их; таков был нрав его».

Да, Лиса прекрасно понимала этот нрав:

«Осмелюсь я совет иной произнести:

Дай повеленье ты луга им отвести,

Где б был обильный корм для маток

И где бы поскакать, побегать для ягнят;

А так как в пастухах у нас здесь недостаток,

То прикажи Овец волкам пасти.

Не знаю, как-то мне сдастся,

Что род их сам собой переведется.

А между тем пускай блаженствуют оне;

И что б ни сделалось, ты будешь в стороне».

Крылов здесь добрался до самой сути аракчеевщины, до той волчьей роли, которую назначил Аракчееву

царь, стремившийся его руками передуть «пестрых Овец».

Лисицы мнение в совете силу взяло, —
И так удачно в ход пошло, что, наконец,
Не только пестрых там Овец —
И гладких стало мало.
Какие ж у зверей пошли на это толки? —
Что Лев бы и хорош, да всё злодеи волки.

Именно такие толки император Александр и предвкусил как награду за свою хитрую лисью политику.

Насмешка была всем понятна. Цензура — это был первый случай с Крыловым — запретила его басню, подтвердив тем самым, что и она поняла, о чем речь. «Пестрые овцы» увидели свет спустя много лет после смерти автора.

Именно басни Крылова, и прежде всего басни, написанные в годы аракчеевщины, дали повод для знаменательной реплики в «Горе от ума»:

Загорецкий (с кротостию)

А если б, между нами,
Был цензором назначен я,
На басни бы налег; ох! басни смерть моя!
Насмешки вечные над львами! над орлами!
Кто что ни говори:
Хоть и животные, а все-таки цари.

И не случайно, что одним из первых, кому в Петербурге летом 1824 года читал Грибоедов свою комедию, был именно Крылов.

Единомышленники Загорецкого, перечеркивавшие красными карандашами басни Крылова, тут же запретили и «Горе от ума». А когда Грибоедову удалось после великих мытарств поместить несколько отрывков, да и то искалеченных, в альманахе «Русская Талия» на 1825 год, то современникам трудно было не вспомнить строки из

басни Крылова - «Кошка и Соловей», появившейся чуть ранее. По отношению к Грибоедову эта басня оказалась печальным пророчеством:

«Где ж эта чистота и сила,
О коих все без умолку твердят?..
Нет, вижу, что в пеньё ты вовсе не искусен:
Все без начала, без конца.
Посмотрим, на зубах каков-то будешь вкусен!»
И съела бедного певца
До крошки.

Некоторое отношение к Крылову имеет и злобная реплика старухи Хлестовой в IV акте «Горя от ума»:

Хлестова

И впрямь с ума сойдешь от этих, от одних
От пансионеров, школ, лицеев, как бишь их,
Да от ландкарточных взаимных обучений...

Крылов был членом Санкт-Петербургского общества учреждения училищ по методу взаимного обучения (Ланкастерского общества), организованного будущими декабристами. В списке членов имя Крылова стояло рядом с именами С. П. Трубецкого, Н. М. Муравьева, Н. И. Бурцева.

Значился Крылов и среди членов Вольного общества любителей российской словесности, возглавлял которое тоже декабрист Ф. Н. Глинка, а членами состояли В. А. Жуковский, К. Н. Батюшков, А. А. Дельвиг, В. К. Кюхельбекер, К. Ф. Рылеев.

Еще в начале мая 1818 года Крылов получил уведомление следующего содержания: «Высочайше утвержденное вольное Общество любителей Российской словесности, уважая в полной мере как отличные познания ваши в науках и Отечественной словесности, так и стремление к благотворению, избрало Вас на основании § 33 Устава Почетным членом...»

17 мая Крылов отправил ответ на имя графа С. П. Сал-

тыкова: «Милостивый государь мой, граф Сергей Петрович! С признательностию приемля уведомление вашего сиятельства о избрании меня в почетные члены Общества любителей российской словесности, прошу вас, милостивый государь, засвидетельствовать почтенному обществу мою благодарность за честь, которую оно оказало мне столь лестным для меня избранием».

В 1824 году на заседаниях общества прочитаны были басни Крылова «Кошка и Соловей», «Две Собаки», «Рыбья пляска». Тогда же они появились в журнале общества «Соревнователь просвещения и благотворения».

Публикация басни «Кошка и Соловей» сопровождалась следующим примечанием от редакции:

«Вот одно из новых произведений г. Почетного Члена Общества Ивана Андреевича Крылова! Общество, разделяя с почтенными читателями своего журнала чувство удовлетворения при неожиданном появлении новых басен классического нашего баснописца, предварительно извещает их, что в течение нынешнего года оно часто будет украшать «Соревнователь» сими драгоценными произведениями Русского Лафонтена. Приятно известить отечественную публику, что И. А. Крылов написал еще до двадцати басен. Через несколько времени он предполагает сделать новое издание своих сочинений. Кто не согласится, что подобный труд, с его стороны, есть примерная, чистейшая благодарность за ту любовь, которую повсюду торжественно изъявляют ему соотечественники? Он столько мог быть уверен в своей неизменной славе, что, вероятно, по одному благородному стремлению к пользе сограждан принялся вновь за литературные труды — и тем с большим, конечно, восторгом принято будет появление нового его издания».

В середине 20-х годов Крылов писал больше, чем когда-либо раньше. С особой тщательностью подготавливал

он новое иллюстрированное издание своей книги, осуществленное в 1825 году. Текст большинства старых басен подвергся исправлениям, дополнениям, а иных — полной переработке.

В эти годы общественного подъема и накала политических страстей перед восстанием 14 декабря сатира Крылова воспринималась как недвусмысленное осуждение существующих порядков. Значение ее и в политической, и в литературной жизни было очень велико.

Недаром так восторженно приветствовал Крылова декабрист А. Бестужев.

«И. Крылов, — писал он в статье «Взгляд на старую и новую словесность в России», — возвел русскую басню в оригинально-классическое достоинство. Невозможно дать большего простодушия рассказу, большей народности языку, большей осязаемости нравоучению... Он похож природою описаний на Лафонтена, но имеет свой особый характер: его каждая басня — сатира, тем сильнейшая, что она коротка и рассказана с видом простодушия».

И Пушкин из Одессы писал П. А. Вяземскому, решительно оспаривая его взгляд, будто басни Дмитриева выше басен Крылова: «...грех тебе унижать нашего Крылова... и что такое Дмитриев? Все его басни не стоят одной хорошей басни Крылова...»

2

В 1823 году Крылов послал в подарок брату Льву Андреевичу публикацию нескольких своих басен на французском языке. Тому особенно понравилось предисловие к переводам. «Оно привело меня в восторг, — писал Лев Андреевич в Петербург, — автор сердечно признается, что ты самых отличных талантов и всякая просвещенная

нация за честь себе поставила бы иметь тебя своим соотечественником. Этого, я думаю, еще никогда никто в России не слыхивал». В другом письме: «Я вчера начитал в «Инвалиде», что истекшего января 14-го было в академии большое собрание и с неизреченной радостью увидел, что тебе и г. Карамзину за отличные ваши сочинения все единодушно согласились поднести золотые медали; а особливо тебе, голубчик-тятенька, сам президент поднес медаль и с рукоплесканием всех присутствующих, что мне тем более радостно и лестно слышать, что все ученые сердечно признали тебя достойным...»

Действительно, уважение к Крылову было совершенно особенным — он стал уже при жизни лицом историческим.

Понятно поэтому, что отношение властей к баснописцу было осторожным: конечно, в крайнем случае, басню его можно запретить, можно придумать и другие «меры», но все же почитали за лучшее обходиться без этого — и отсюда старания «приручить» Крылова, «обласкать». Для него не жалеют чинов, орденов, пенсий.

В том же 1823 году Лев Андреевич писал брату: «Ты пишешь, любезный тятенька, что ты был всегда за столом императрицы и участвовал во всех играх, играл роль в твоей басне Фоки, а князь Голицын Демьяна, а г-жа Ушакова жену его. Пожалуйста, голубчик, объясни мне: разве сделал ты из басни оперу, ибо говоришь, что на оную сочинена музыка; но я об этом нигде не находил, нигде в газетах...»

Оперы из «Демьяновой ухи» Крылов не делал, но действительно бывал «за столом императрицы». Дело в том, что в начале 1823 года Иван Андреевич тяжело заболел. Несколько недель после паралича лежал он в доме Олениных, где за ним ходила вся семья и лечили лучшие доктора. А когда Иван Андреевич стал поправляться, императрица Мария Федоровна, мать Александра, пригласила

его к себе в Павловск — отдохнуть. Императрица скучала и часто принимала у себя поэтов, музыкантов, близких ко двору. Крылова тоже хотели сделать таковым.

Он приходил и приезжал во дворец, когда его приглашали: на балы, на вечера, в гости, но стать придворным Крылов органически не мог.

Льву Андреевичу льстило, что его брат, сын армейского капитана, сидит за одним столом с правителями России, зашросто с ними разговаривает. Иван Андреевич же смотрел на это совсем иначе.

Если его не радовала европейская слава — потому что он далеко не все в жизни сделал, что мог бы, далеко не все сказал, что хотел, — то что было для его гения признание императрицы Марии Федоровны?

Как писал о Крылове П. А. Плетнев, он в себе «похоронил, может быть, нескольких Крыловых».

С крыловским равнодушием к внешней стороне жизни, к правилам «света» можно ли было стать придворным?

— Дай-ка взглянуть на тебя, Иван Андреевич, все ли на тебе в порядке? — спрашивал А. Н. Оленин перед тем, как войти с Крыловым в обеденную залу, где их ждала императрица.

— Как же, Алексей Николаевич, — отвечал Крылов, — неужто я пойду неряхой во дворец? На мне новый мундир.

— Да что это за пуговицы на нем?

— Ахти, они еще в бумажках, а мне и невдомек их раскутать!

— Иван Андреевич, — шептал Крылову за царским столом его сосед, поэт и министр Ю. А. Нелединский, — пропусти хоть одно блюдо, дай императрице попотчевать тебя.

— А ну, как не попотчует? — серьезно возражал Крылов.

Перед отъездом из Павловска Крылов записал в альбом, лежавший на столе одного из дворцовых павильонов, басню «Василек»:

О вы, кому в удел судьбою дан
Высокий сан!
Вы с солнца моего пример себе берите!
Смотрите:
Куда лишь луч его достанет, там оно
Былинке ль, кедру ли — благотворит равно
И радость по себе и счастье оставляет...

Это было не столько благодарностью, сколько наставлением, как следует вести себя императрицам в отношении «былинок» и «кедров»...

Басню «Василек» Крылов отдал для публикации в «Полярную звезду» Бестужеву и Рылееву.

А Рылеев по поводу его вояжа в Павловск написал такую эпиграмму:

Нет одобрения талантам никакого.
В России глушь и дичь.
О даровании Крылова
Едва напомнил паралич.

Да, сыну армейского капитана Ивану Крылову нельзя было не считаться с русскими царями. Но они, при всем желании, не могли назвать «своим» поэтом автора «Рыбьей пляски» и «Пестрых Овец».

В. А. Оленина описание внешности и характера Крылова заканчивает так: «Ни перед кем главу не преклонял».

3

В издании 1816 года басня «Конь и Всадник» — о том, как освобожденный от узды конь сбросил седока и сам разбился насмерть, — стояла в пятой книге на седьмом

месте. На том же скромном месте стояла она и в «Баснях» 1819 года, и 1830-го.

А вот в издании 1825 года басня «Конь и Всадник» помещена в первой книге и на первом месте. Там, где читатели уже привыкли видеть знаменитую «Ворону и Лисицу».

Что же побудило Крылова нарушить традицию?

Басню «Конь и Всадник» Крылов написал в 1814 году, в год крушения наполеоновской Франции. Париж был взят союзными войсками, Наполеон низложен. На французский престол вернулись Бурбоны. Казалось, круг замкнулся. Великая революция, начавшаяся двадцать пять лет назад, родила якобинский террор, Директорию, консульство, наконец, империю. Империя пала, и по площади, где был казнен Людовик XVI, проезжал теперь новый король, брат казненного, Людовик XVIII. К чему же были все жертвы идеалам Свободы, Равенства, Братства? Этот вопрос задавал себе тогда Крылов и приходил к неутешительному выводу: за революцией может последовать реакция, требование полной свободы может привести к новой деспотии... Опыт происходивших событий, как и опыт собственной жизни, рождали в его душе скептицизм, сомнения в возможности успешных революционных выступлений.

Как ни приманчива свобода,
Но для народа
Не меньше гибельна она,
Когда разумная ей мера не дана.

Уроки Французской революции, по мысли Крылова, требовали от борцов за свободу большей осмотрительности и дальновидности. На эту мысль Крылов и хотел обратить внимание своих соотечественников в начале 1825 года, когда печаталось новое издание его басен.

Издание басен И. А. Крылова 1825 г.

На фронтисписе — гравюра И. Фридрица по рисунку П. Оленина.

В это время в Петербурге, да и по всей стране, часто вспоминали о днях Конвента — потому что думали, всерьез думали, о революции в России. По Петербургу ходили упорные слухи о существовании тайного общества. У некоторых людей порой вырывались удивительные фразы. Рылеев как-то, выведенный из терпения пресмыкательством Фаддея Булгарина, издателя официальной

«Северной пчелы», закричал ему: «Когда случится революция, мы тебе на «Северной пчеле» голову отрубим!..»

Так что желание Крылова в 1825 году обратить особое внимание на мысли, высказанные им в басне «Конь и Всадник», было отнюдь не случайно.

В конце ноября 1825 года в столице стало известно о смерти императора Александра, последовавшей внезапно, во время поездки царя в Таганрог. Скоро стало известно и другое: присяга, принесенная войсками и гражданскими чинами новому царю, Константину, недействительна.

В доме Олениных об этом узнали раньше, чем где-либо. А. Н. Оленин был в то время государственным секретарем и хранил пакет с манифестом об отречении Константина и объявлении наследником Николая.

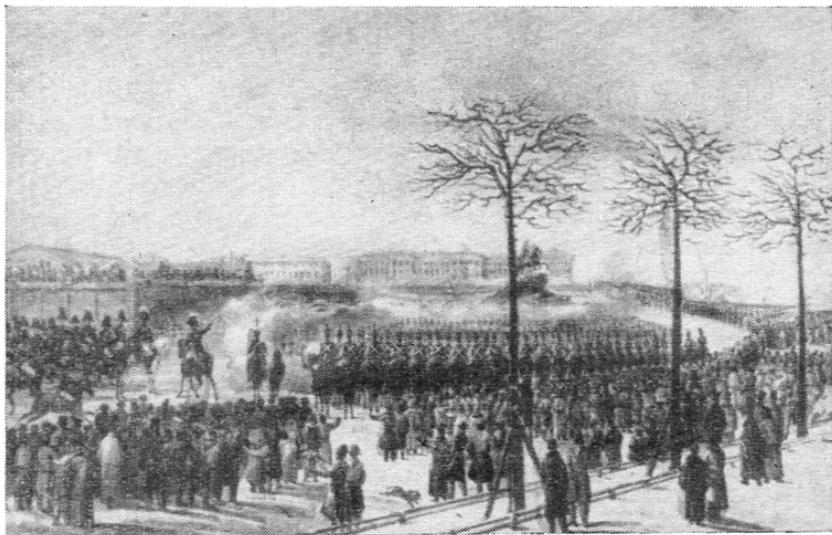
Возникла сложная ситуация: Николай боялся новой присяги — он знал, что в гвардии его не любят, знал также из доносов, переданных еще Александру, о существовании заговора. А Константин решительно не хотел принимать корону. Из Петербурга в Варшаву — там жил Константин — и из Варшавы в Петербург, где находился Николай, летели курьер за курьером, — великие князья предлагали друг другу русский трон...

Наконец, на 14 декабря 1825 года была назначена новая присяга — императору Николаю I.

14 декабря день был ясный, морозный.

Крылов с утра, как обычно, отправился в библиотеку. Он обходил залы, разговаривал с библиотекарем М. Е. Лобановым.

А в это время на берегу Невы, перед Сенатом, происходили чрезвычайные события: в одиннадцать часов утра на площадь пришел отказавшийся присягать Николаю Московский полк. Его вел Александр Бестужев — тот самый Бестужев, который издавал «Полярную звезду» и в первом выпуске напечатал восторженный отзыв о Крылове.

Восстание 14 декабря 1825 г. на Сенатской площади в Петербурге.
Акварель К. Кольмана. 20-е годы XIX в.

Из окон библиотеки Крылов видел, как по Невскому и Садовой в сторону Адмиралтейства валом валил народ. Потом улицы опустели. Кто-то прибежал с рассказом о происходящем. Крылов тотчас оделся и вместе с Лобановым поспешил к месту событий.

Дворцовая площадь, Адмиралтейский бульвар, набережная Невы были запружены толпой. Здесь были люди разных званий, но главным образом — дворовые, крестьяне, мастеровые, ремесленники. Все симпатии их были на стороне восставших. Нового царя без стеснения осыпали ругательствами, его приближенных — камнями и поленьями.

— Кабы нам ружья али какое ни на есть оружие дали, — шумели в толпе, — то мы духом бы все переверотили...

«Самое удивительное в этой истории, — говорил потом Николай I своему младшему брату Михаилу, — это то, что нас с тобой тогда не пристрелили».

Когда Крылов и Лобанов подошли к Сенатской площади, было около часа дня. Только что Каховский выстрелом из пистолета смертельно ранил петербургского генерал-губернатора Милорадовича. Правительственные войска постепенно стягивались в кольцо вокруг восставших.

В этот момент, как говорит Лобанов, Крылов исчез — он замешался в толпе. По собственным словам Крылова, переданным Лобановым, он направился к Исаакиевскому мосту: ему «крепко захотелось взглянуть» на мятежников.

Крылов подошел к самому каре, стоявшему вокруг памятника Петру I. Ему запомнилась фигура Кюхельбекера — поэта, близкого друга Гнедича. Крылов тоже был с ним хорошо знаком. Кюхельбекер стоял в чьей-то военной шинели и со шпагой в руке. Крылов увидел и еще много знакомых лиц. И Крылова узнали.

— Иван Андреевич, уходите, пожалуйста, скорей! — кричали ему из рядов.

И Крылов ушел.

А через час-два с бунтом было покончено, — подвели артиллерию и почти в упор расстреляли восставших картечью...

Такой конец, вероятно, не удивил Крылова. Он его предчувствовал, когда в издании своих басен 1825 года ставил на первое место «Коня и Всадника». Он хотел предостеречь людей, к которым питал искренние симпатии. Но его не послушали. Крылов не мог не сожалеть об этом.

Прошло несколько дней, и Сенатская площадь приняла будничныи вид: у причала — баржи, на набережной — камень для строительства Исаакиевского собора, у памятника Петру I — часовые.

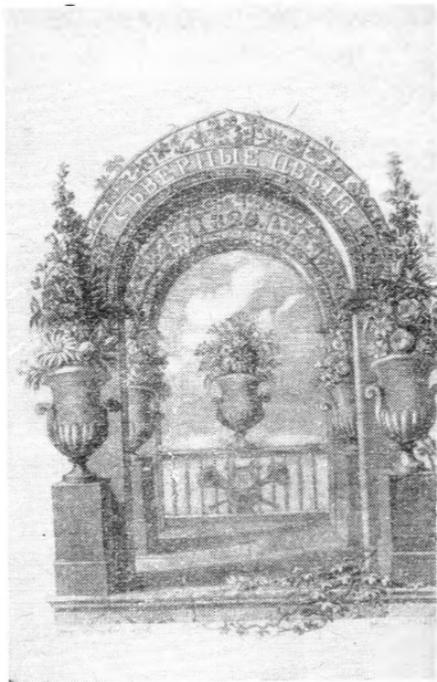
Караул возле Медного всадника в пейзаже Петербурга времен Николая I — деталь обычная. Когда на соседней Дворцовой площади воздвигли Александровскую колонну, около нее тоже поставили охрану. Когда выставили для всеобщего обозрения картину Карла Брюллова «Распятие», не забыли снабдить часовыми с ружьями и Иисуса Христа.

Это была не просто глупость, это была политическая линия. Штыки — вот средство, которое Николай считал самым надежным для поддержания престижа и строгого порядка.

Царь Александр наплодил в армии «злоумышленников», «либералов» — Николай их не терпел. Он знал, на кого можно опереться, и скалозубы вознеслись как никогда. Большинство приближенных Николая носили эполеты. Генералы, чаще всего с «кавалерийским» только образованием, взялись за управление государственным имуществом, горным делом, земледелием, учебными округами, университетами... Как его отец, как его старший брат, Николай любил фронт и уделял ему много времени. Сам он получил власть над гвардейской бригадой, когда ему было двадцать лет. Своего сына он назначил атаманом всех казачьих войск, когда тому исполнилось восемь...

Люди в эполетах стали усердно заниматься и делами русской литературы: это были жандармы, деятели только что созданного III отделения собственной его императорского величества канцелярии — тайной полиции.

Альманах А. А. Дельвига «Северные цветы» на 1829 год и басни И. А. Крылова, напечатанные в нем.

В сентябре 1827 года управляющий III отделением фон Фок доносил шефу жандармов Бенкендорфу: «После несчастного происшествия 14 декабря, в котором замешаны были некоторые люди, занимавшиеся словесностью, петербургские литераторы не только перестали собираться в дружеские круги, как то было прежде, но и не стали ходить в привилегированные литературные общества, уничтожившиеся без всякого повеления правительства. Нелепое мнение, что государь император не любит просвещения, было общим между литераторами, которые при сем жаловались на цензурный устав и на

убедительно подтверждавшееся фактами, рождало основательные опасения за судьбу русской словесности.

То, что происходило вокруг, не поддавалось описанию, и Крылов снова замолчал на долгие четыре года. А о чем именно он молчал, объясняет басня «Пушки и Паруса» — первая напечатанная после перерыва в 1829 году в альманахе А. А. Дельвига «Северные цветы».

На корабле у Пушек с Парусами
Восстала страшная вражда.
Вот, Пушки, выставясь из бортов вон носами,
Роптали так пред небесами:
«О боги! видано ль когда,
Чтобы ничтожное холстинное творенье
Равняться в пользах нам имело дерзновенье?..»

Нетрудно было понять, о каком корабле идет речь и кто такие эти Пушки.

Борей ревет и рвет в лоскутья Паруса.
Не стало их, утихла непогода;
Но что ж? Корабль без Парусов
Игрушкой стал и ветров и валов,
И носится он в море, как колода...

Крылов утверждал: расчет на пушки, на грубую силу — вздорный расчет; пушки, которые 14 декабря возвели Николая на трон, — дурной инструмент власти, «пушечная политика» опасна во всех отношениях.

А в первой встрече со врагом,
Который вдоль его всем бортом страшно грянул,
Корабль мой недвижим: стал скоро решетом,
И с Пушками, как ключ, он ко дну канул.

Страшной живой иллюстрацией к крыловской басне стала через четверть века гибель русского черноморского флота, «севастопольский позор», когда военная машина — любимое детище Николая — оказалась пушками на непо-

движном корабле придавленной, отсталой крепостнической России.

Крылов уже в 1829 году понял то, для уразумения чего Николаю потребовался такой «наглядный урок».

Держава всякая сильна,
Когда устроены в ней все премудро части:
Оружием — врагам она грозна,
А паруса — гражданские в ней власти.

Но мысль о гражданской власти, об администрации, в которой хоть какую-нибудь роль играли бы сами «граждане», была совершенно нестерпима для Николая. Ему требовалась бюрократия, чиновники-исполнители, не думающие, а по-военному выполняющие любое распоряжение. «Мне нужны не умники, а верноподданные», — любил повторять царь.

И тут в гору пошли молчалины. Они нравились «умеренностью и аккуратностью». Правда, Николай знал, что ни того, ни другого его чиновники не соблюдают во взяточничестве, казнокрадстве, во всякого рода несправедливостях и подлостях. Николай это знал, но смотрел сквозь пальцы. Потому что «умников» он ненавидел и откровенно предпочитал молчаливых чацким.

«Что сделалось с тобой, мой милый?.. Я надеюсь,
Не болен ты». — «Ох! ничего: я бреюсь». —
«Как! только?» Тут я встал — гляжу: проказник мой
У зеркала сквозь слез так кисло морщит рожу,
Как будто бы с него содрать собирались кожу.
Узнавши, наконец, вину беды такой,
«Что дива? — я сказал, — ты сам себя тиранишь.

Пожалуй, посмотри:
Ведь у тебя не Бритвы — косари;
Не бриться — мучиться ты только с ними станешь». —
«Ох, братец, признаюсь,
Что Бритвы очень тупы!
Как этого не знать? Ведь мы не так уж глупы;
Да острыми-то я порезаться боюсь».

Это строки из басни Крылова «Бритвы». Басня была напечатана в тех же «Северных цветах» 1829 года. Смысл ее очень ясен:

«А я, мой друг, тебя уверить смею,
Что Бритвою тупой изрежешься скорей,
А острою обреешься верней:
Умей владеть лишь ею».

Вам пояснить рассказ мой я готов:
Не так ли многие, хоть стыдно им признаться,
С умом людей — бояться,
И терпят при себе охотней дураков?

Да, Крылову принадлежат первые штрихи в страшном портрете николаевского Петербурга, созданном русской литературой.

5

На столичное светское общество бунт на Сенатской площади и казнь пяти декабристов на кронверке Петропавловской крепости произвели сильнейшее впечатление.

В тех же самых гостиных, где недавно с радушием принимали вольнодумцев и либералов, теперь с неменьшим радушием принимали их тюремщиков и палачей. Люди, которые в 1825 году с пеной у рта бранили правительство, императора Александра, в 1826 году, захлебываясь, хвалили правительство, императора Николая, восхищаясь его решительностью и твердостью.

Объяснялось все это тем, что 14 декабря очень многих не на шутку испугало: люди, которые до того не прочь были поговорить о выгодах представительного правления, об освобождении крепостных и прочих серьезных вопросах, услышав настоящие выстрелы, увидав настоящую кровь, очутившись перед лицом возбужденной толпы,

готовой «перевернуть» Петербург, забыли все свое вольномыслие. Они кинулись под крылышко самодержавия, в объятия «сильной власти».

Если Александр в первые годы царствования говорил о вреде деспотизма, об ограничении власти монарха, то Николай утверждал полнейшую свободу царской воли, священность собственного произвола.

В таких условиях даже самая невинная критика рассматривалась как преступление. Жандармский агент Булгарин в своей «Северной пчеле» как-то посетовал на то, что в Петербурге извозчики дороже и грубее, чем в Павловске. Император по этому поводу велел «подтвердить по цензуре», чтобы «впредь не было допускаемо в печати никаких, хотя бы и косвенных, порицаний действий или распоряжений правительства и установленных властей, к какой бы степени сии последние не принадлежали». Имелось в виду, конечно, не поведение извозчиков, но деятельность градоначальника, у которого в городе были плохие извозчики.

Официальный и общеобязательный взгляд на российскую жизнь — прошлую, настоящую и будущую, — высказанный не кем иным, как шефом жандармов Бенкендорфом, был таков: «Прошедшее России удивительно, ее настоящее более чем великолепно, что же касается ее будущего, оно выше всего, что только может представить себе самое пылкое воображение...»

Понятно, о каких «высотах» мечтал шеф жандармов. Людям, хоть сколько-нибудь думающим, в России Бенкендорфа уже не оставалось места.

Н. И. Гнедич в то время занес в записную книжку такие слова: «Государства доводятся до такого положения, что в них мыслящему человеку ничего не можно сказать без того, чтобы не показаться осуждающим и власти, которые это делают, и народ, который это переносит.

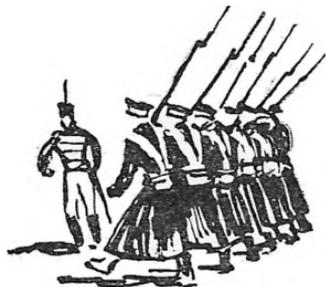
В такие времена печальные молодые люди до старости, а старые до гроба доходят в молчании...»

Крылов умел молчать. Но когда начинал говорить, то речь шла отнюдь не о грубости извозчиков — он касался других вопросов.

Думал ли он, что его басни что-нибудь изменят, что «мартышки» не только в зеркале увидят образ свой, но и посмеют себя узнать? Нет, на это Крылов не рассчитывал.

В записной книжке Гнедича, рядом с только что приведенной записью, находим следующую: «Есть люди (и таков мой почтенный сосед), которые, не имея понятия о лучшем состоянии общества или правительства, с гордостью утверждают, что иначе и быть не может. Они согласны в том, убеждаясь очевидностями, что существующий порядок соединен с большим злом, но утешают себя мыслию, что другой порядок невозможен...»

Да, именно так и «утешал» себя Крылов. И это было в то время едва ли не единственным утешением для многих честных людей.

СЛАВА

1

В конце 20-х — начале 30-х годов XIX века Петербург приобрел нарядность и блеск европейской столицы. На центральных площадях и улицах исчезали последние случайные здания. Несколько новых ансамблей, созданных в едином стиле и одним архитектором — К. И. Росси, придали городу специфический постоянно-торжественный вид. Были построены здания Главного штаба, Михайловского дворца, Александринского театра, Сената и Синода

Угол набережной Мойки и Невского проспекта. Крайний дом
справа по набережной Мойки — Демутов трактир.
Акварель неизвестного художника. 20-е годы XIX в.

и реконструированы прилежавшие к ним районы. Город выстунивали, как гвардейские шеренги, чистили, как амуницию, — чтобы сверкал. И он сверкал.

А между тем этот город был и Петербургом стационарного зрителя Вырина, и безумного Германна, и безумного Евгения.

Город пышный, город бедный,
Дух неволи, стройный вид...

Это был город, где жила русская литература, — жила под тайным и явным присмотром.

1828 год. Впервые после долгих лет ссылки в столице появляется Пушкин. Из Персии с текстом мирного договора приезжает Грибоедов. Оба по приезде останавливаются в Демутовом трактире на Мойке. У Пушкина здесь бывают Адам Мицкевич, высланный в Петербург из Польши, Жуковский, Вяземский, Плетнев...

«Третьего дня провели мы вечер и ночь у Пушкина, — сообщает в мае 1828 года П. А. Вяземский, — с Жуковским, Крыловым, Хомяковым, Мицкевичем, Плетневым и Николаем Мухановым. Мицкевич импровизировал на французской прозе и поразил нас, разумеется, не складом фраз своих, но силою, богатством и поэзией своих мыслей... Удивительное действие производит эта импровизация. Сам он был весь растревожен, и все мы слушали с трепетом и слезами».

А несколькими днями раньше, у Жуковского, Крылов вместе с Пушкиным, Грибоедовым и Вяземским обсуждал план заграничного путешествия по маршруту Петербург—Лондон—Париж—Петербург. Факт этого обсуждения тем интереснее, что Пушкин твердо знал, что за границу его ни в коем случае не выпустят, Грибоедов знал, что ему предстоит ехать назад в Персию, а Крылов сам не мог заставить себя двинуться куда-нибудь дальше Приютина.

В Приютино Крылов ездил неоднократно вместе с Пушкиным.

В мае 1828 года с ними побывал на даче у Олениных Адам Мицкевич.

За несколько дней до того у издателя П. П. Свиньина в доме Жербина на Михайловской площади Крылов вместе с Пушкиным слушал, как Грибоедов читал отрывки из своей трагедии «Грузинская ночь».

Крылов был близок к тому литературному кругу, в центре которого стоял Пушкин. В конце 1820-х годов эта близость являлась показателем не только личных симпатий, но, безусловно, и литературной и даже политической позиции. При всех особенностях своих взглядов Крылов неизменно был среди тех людей, что противостояли духу пресмыкательства, продажности, насаждавшемуся в литературе Николаем I и его жандармами. Среди тех, чьими идеалами были правда и служение народу.

Из ближайших друзей Пушкина особенно часто и с особым удовольствием навещал Крылов А. А. Дельвига.

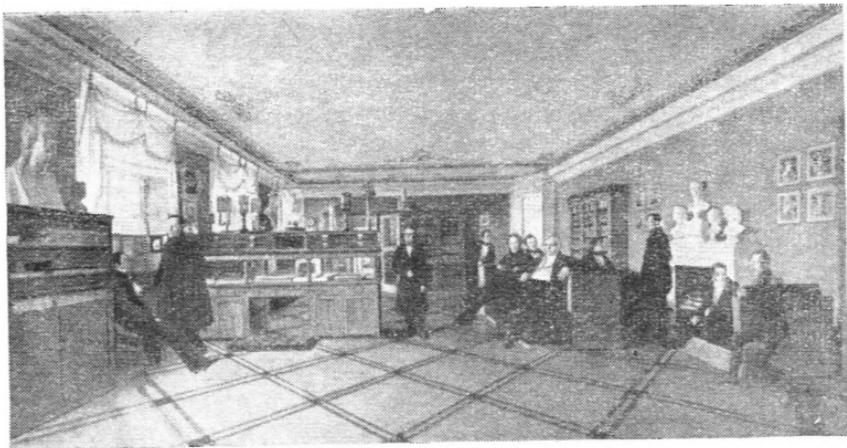
Дельвиг жил в то время на Загородном проспекте, близ Владимирского собора, в доме Тычинкина.

Вместе с Крыловым приходил Н. И. Гнедич. Являлись П. А. Вяземский, В. А. Жуковский. Мицкевич часами рассказывал восхищенным слушателям сказки «в духе Гофмана», которые тут же сочинял. Пушкин нередко проводил у своего лицейского друга целые дни. В гостиной Дельвига Крылов мог видеть и недавно приехавшего в столицу застенчивого двадцатилетнего юношу несколько провинциальной наружности — Николая Васильевича Голя...

В январе 1831 года Дельвиг неожиданно скончался. Пушкин писал Плетневу: «Вот первая смерть мною оплаканная... Никто на свете не был мне ближе Дельвига. Изо всех связей детства он один оставался на виду — около него собиралась наша бедная кучка. Без него мы точно осиротели...»

После смерти Дельвига своеобразным центром, где собирались друзья, литературные единомышленники Пушкина, стал так называемый Шепелевский дом на Миллионной, возле Зимнего дворца.

Здесь, в третьем этаже, под самой крышей, находился кабинет В. А. Жуковского (поэт был назначен наставни-

Субботнее собрание у Жуковского.

*Картина учеников А. Венецианова (А. Мокрицкого и других).
30-е годы XIX в.*

ком к наследнику престола и получил казенную квартиру). Каждую неделю у Жуковского говорили, спорили, читали свои произведения интереснейшие люди России. По словам современника, эти «беседы были замечательны по простоте и сердечности». Здесь Пушкин часто читал стихи или прозу, Гоголь прочел «Женитьбу», Крылов читал басни.

Иным был другой знаменитый в Петербурге кабинет — тоже «на чердаке», но скромного особняка в Мошковом переулке, — кабинет князя В. Ф. Одоевского.

Начать с самого хозяина: это был человек и с виду необыкновенный. Его мягкие манеры, таинственный тон, которым он говорил обо всем на свете, постоянно серьезное, задумчивое выражение лица производили необыкновенное впечатление, особенно на людей, впервые его

видевших. Оригинальным был и костюм Одоевского — черный шелковый колпак на голове, длинный черный сюртук: нечто вроде наряда средневекового астролога. На коленях князя, когда он садился за письменный стол, появлялся его любимый черный кот.

Под стать хозяину была и обстановка кабинета: какой-то странной формы столики, этажерки с потайными ящичками и углублениями, книги по стенам, на столах, на диванах, на полу — притом большей частью в старинных переплетах; тут же черепа, реторты.

Однако вместе с забавными чудачествами Одоевский поражал друзей и тонким, чрезвычайно образованным умом и редкой добротой, приветливостью, простосердечием и скромностью. У Одоевского запросто бывали почти все гости Жуковского, но, кроме того, сюда приглашались, даже зазывались безвестные молодые люди, начинающие литераторы. Среди них были В. Г. Белинский, А. В. Кольцов, И. С. Тургенев. По словам В. А. Соллогуба, гости «понимали, что хозяин... не притворялся, что он их любит, что он их действительно любит, во имя любви, согласия, взаимного уважения общей службы образованию, и что ему все равно, кто какой кличкой бы ни назывался и в каком бы платье ни ходил...».

Наряду с демократическим салоном Одоевского Крылов посещал и великосветские вечера графа И. С. Лавалея.

Дом Лавалея на Английской набережной, рядом с Сенатом, построенный знаменитым Тома де Томоном, создателем Биржи, был одним из самых красивых в Петербурге. Десятиколонный портик, лепка над окнами второго этажа, гранитные львы у входа...

Хозяин принимал тут «цвет столицы». Как вспоминал современник, — «тут по определенным дням собирались самые выдающиеся представители поэзии и литературы; это здесь между 1827 и 1830 годами я имел возможность

видеть Пушкина, Крылова и Жуковского, то есть московских Байрона, Лафонтена и Ламартина...».

Каким был на этих вечерах Крылов, рассказывает Иван Сергеевич Тургенев в своих «Литературных и житейских воспоминаниях»: «Крылова я видел всего один раз — на вечере у одного чиновного, но слабого петербургского литератора. Он просидел часа три с лишком неподвижно между двумя окнами — и хоть бы слово промолвил! На нем был просторный поношенный фрак, белый шейный платок; сапоги с кисточками облекали его тучные ноги. Он опирался обеими руками на колени — и даже не поворачивал своей колоссальной, тяжелой и величавой головы; только глаза его изредка двигались под нависшими бровями. Нельзя было понять: что он, слушает ли и на ус себе мотает, или просто *так* сидит и «существует»? Ни сонливости, ни внимания на этом обширном, прямо русском лице — а только ума палата, да заматерелая лень, да по временам что-то лукавое словно хочет выступить наружу и не может — или не хочет — пробиться сквозь весь этот старческий жир... Хозяин, наконец, попросил его пожаловать к ужину. «Поросенок под хреном для вас приготовлен, Иван Андреич», — заметил он хлопотливо и как бы исполняя неизбежный долг. Крылов посмотрел на него не то приветливо, не то насмешливо... «Так-таки непременно поросенок?» — казалось внутренне промолвил он — грузно встал и, грузно шаркая ногами, пошел занять свое место за столом».

С этим рассказом интересно сопоставить слова В. А. Олениной о Крылове: «Нрав имел кроткий, ровный, но был скрытен, особенно если замечал, что его разглядывают: тут уж он замолкал, никакого не было выражения на его лице и он казался засыпающим львом».

На «скрытность» Крылова указывают и другие. А. М. Тургенев, знавший его много лет, говорил: «Близко

сойтись, подружиться с Крыловым никому не удавалось. Он все сторонился, ежился, уходил в себя и убегал от всякого сближения. Какое-то недоверие, какая-то боязнь людей».

«Скрытность», «безразличие», конечно, не выражали отношения Крылова к окружающему, но его душевное состояние требовало такой завесы от чужих глаз. Внутренняя жизнь его была полна тяжелыми, мучительными переживаниями, которые он отнюдь не хотел делать достоянием гласности.

Разумеется, не нужно думать, что Крылов на всех вечерах только и делал, что молчал. Его молчание часто прерывалось меткими замечаниями, остроумными репликами.

Как-то у Лениных молодежь горячо заспорила о статье О. И. Сенковского, редактора журнала «Библиотека для чтения». Одни были склонны признать мысли Сенковского чуть ли не гениальными. Другие доказывали, что все его выводы и соображения не что иное, как забавные парадоксы. Крылов сидел в стороне, с виду как будто совершенно безучастный к спору, но неожиданно разрешил вопрос одним замечанием:

— Вот вы говорите: умный, — сказал он, — умный! Да ум-то у него дурацкий...

Образцы крыловского остроумия любил сообщать друзьям Пушкин. «Посещая меня, — вспоминала о Пушкине А. П. Керн, — он рассказывал иногда о своих беседах с друзьями и однажды, встретив у меня Дельвига с женою, передал свой разговор с Крыловым, во время которого, между прочим, был спор о том, можно ли сказать: «бывывало»? Кто-то заметил, что можно даже сказать: «бывывывало».

— Очень можно, — проговорил Крылов, — да только этого и трезвому не выговорить!»

Вот другая шутка Крылова. Пушкин читал еще не напечатанного «Бориса Годунова» в доме у петербургского литератора Алексея Перовского. Среди слушателей был и Крылов. После чтения Пушкин подошел к нему и, смеясь, проговорил:

— Признайтесь, Иван Андреевич, что моя трагедия вам не нравится, и на глаза ваши нехороша.

— Почему же нехороша? — ответил Крылов. — А вот что я вам расскажу: проповедник в проповеди своей восхваляя божий мир и говорил, что все так создано, что лучше созданным быть не может. После проповеди подходит к нему горбатый: не грешно ли вам, пеняет он ему, насмеяться надо мною и в присутствии моем уверять, что в божьем создании все хорошо и все прекрасно? Посмотрите на меня». — «Так что же, — возражает проповедник: для горбатого и ты очень хорош».

Пушкин расхохотался и обнял Крылова.

Как всегда, Крылов и в эту свою шутку вложил долю серьезного смысла.

«Шекспировская» трагедия Пушкина была совершенно новым словом в русской литературе и потому была со всей предшествующей литературой в явном противоречии. Она была «уродом», которому, однако, суждено было стать образцом для новой красоты.

И Крылов это понял. Не случайно в литературной борьбе 1830-х годов он оказался в одном лагере с Пушкиным, с Гоголем, — ведь это он первым начал когда-то прокладывать ту дорогу, по которой шло теперь молодое поколение. Крылов был тем писателем XVIII века, кто стал первым писателем века XIX.

«Сегодня ночью я видел во сне Крылова и Пушкина, — записал в «Дневнике» 27 мая 1845 года доживавший свой век в далекой Сибири Вильгельм Кюхельбекер. — Крылову я говорил, что он первый поэт России и никак этого

не понимает. Потом я доказывал преважно ту же тему Пушкину. Грибоедова, самого Пушкина, себя я называл учениками Крылова; Пушкин тут несколько в насмешку назвал и Баратынского. Я на это не согласился; однако оставался при прежнем мнении. Теперь не во сне скажу, что мы, т. е. Грибоедов и я, и даже Пушкин, точно обязаны своим слогом Крылову...»

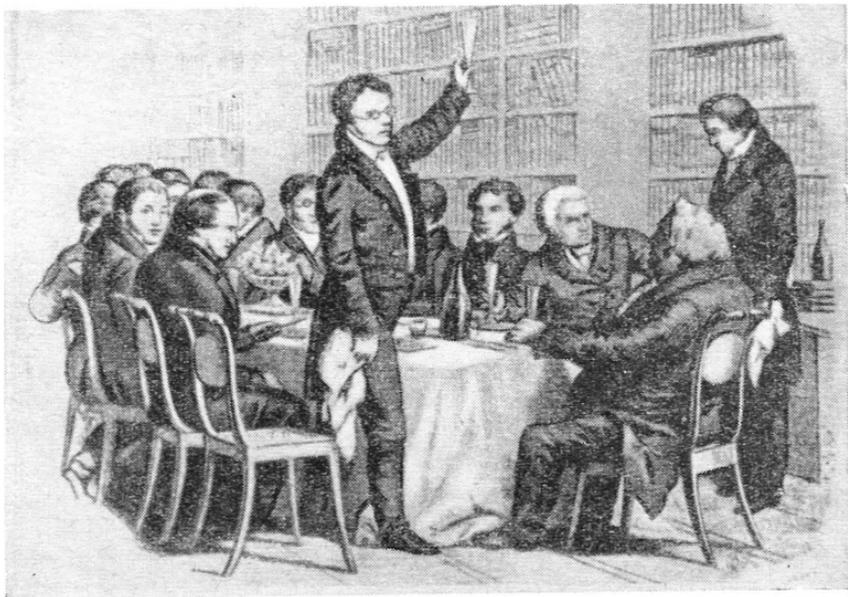
2

В. Г. Белинский назвал 1830-е годы «смирдинским периодом русской литературы», по имени известного книгопродавца и издателя А. Ф. Смирдина. Хотя в словах Белинского была скрыта ирония, действительно в то время, когда литература, по существу, сделалась средоточием всей общественной жизни, борьба за читателей, за влияние литературы на умы стала важнейшей общественной задачей. Передний край литературной борьбы переносился из салона, из гостиной в книжную лавку.

Книжная торговля в Петербурге с начала 30-х годов быстро пошла в гору. Число книжных лавок все увеличивалось. Некоторые из них, в центре города, стали своего рода литературными клубами.

Таковыми были лавка И. Т. Лисенкова на Садовой улице в доме Пажеского корпуса, лавка И. В. Слёнина на Невском проспекте в доме Инзена, возле Казанского собора.

Особенно знаменита была лавка и библиотека для чтения А. Ф. Смирдина. Когда-то Смирдин был приказчиком у книгопродавца Плавильщикова — брата знаменитого актера, друга и соратника Крылова, — затем унаследовал его дело. У Смирдина сходились все петербургские писатели, от Пушкина до графа Хвостова. П. А. Вяземский писал И. И. Дмитриеву: «Рекомендую... книжную

Обед на новоселье А. Ф. Смирдина.

Гравюра С. Галактионова по рисунку А. Брюллова. 1832 г.

лавку Смирдина, первую европейскую лавку с русскими книгами. В ней не темно, не холодно, не сыро и не грязно».

У Крылова со Смирдиным сложились постоянные деловые отношения: с 1830 по 1840 год Смирдин пользовался исключительным правом издания крыловских басен и издал их 40 тысяч экземпляров. Издания Смирдина много уступали в полиграфическом отношении изданиям 1815 и 1825 годов. Иллюстрации в них вовсе отсутствовали или же были заимствованы из басен Лафонтена. Но издания Смирдина были значительно дешевле предыдущих и потому более доступны.

Обложка альманаха А. Ф. Смирдина «Новоселье» с изображением Книжной лавки и библиотеки для чтения на Невском проспекте.

Событием в литературной жизни Петербурга был переезд лавки А. Ф. Смирдина в апреле 1832 года из дома Гаврилова у Синего моста на Невский проспект, в дом лютеранской церкви. По случаю новоселья Смирдин устроил торжественный обед, на котором присутствовали

Крылов, Пушкин, Жуковский, Вяземский, Шаховской, Булгарин, Греч, Хвостов...

Крылов сидел на почетном месте, в начале стола. За его здоровье был произнесен первый тост. В ответ Крылов предложил выпить за здоровье Пушкина.

Тут же было решено издать альманах «Новоселье», в котором пообещали принять участие все присутствовавшие. Альманах этот вскоре был издан. В нем Крылов поместил шесть новых басен.

На обложке первого выпуска «Новоселья» был изображен смирдинский обед, с фигурой Крылова на первом плане.

«Смирдинский праздник удался вполне, — рассказывал современник, — все было дружно-веселы. Пушкин был необыкновенно оживлен и щедро сыпал остротами, из которых одну, в особенности, я удержал в памяти. Семенов (цензор) за обедом сидел между Гречем и Булгариным, а Пушкин *vis à vis* с ним; к концу обеда Пушкин, обратясь к Семенову, сказал довольно громко: «Ты, Семенов, сегодня точно Христос на Голгофе...» Греч зааплодировал, а все мы расхохотались — один Булгарин сморщился и промолчал...» Пушкин намекал на библейское предание о том, что Христос на Голгофе был распят между двумя разбойниками. Булгарин и Греч, издатели «Северной пчелы», «Сына Отечества» и «Северного архива», да еще Сенковский, редактор «Библиотеки для чтения», пользуясь покровительством властей, действительно разбойничали в русской литературе, стремясь установить «журнальную монополию».

Коль ты к Смирдину войдешь,
Ничего там не найдешь,
Ничего ты там не купишь,
Лишь Сенковского толкнешь
Иль в Булгарина наступишь.

Такой эпиграммой увековечил Пушкин свои встречи у Смирдина с «кликкой знаменитостей», как называли в то время журнальный триумвират.

Борьбу с Булгариным и Гречем Пушкин начал еще в 1831 году, когда в журнале «Телескоп» появились его статьи «Торжество дружбы, или Оправданный Александр Анфимович Орлов» и «Несколько слов о мизинце г. Булгарина и о прочем», подписанные псевдонимом Феофилакт Косичкин. Первая статья начиналась так: «Посреди полемики, раздирающей бедную нашу словесность, Н. И. Греч и Ф. В. Булгарин более десяти лет подают утешительный пример согласия, основанного на взаимном уважении, сходстве душ и занятий гражданских и литературных. Сей назидательный союз ознаменован почтенными памятниками. Фаддей Венедиктович скромно признал себя учеником Николая Ивановича; Н. И. поспешно провозгласил Фаддея Венедиктовича *ловким своим товарищем*. Ф. В. посвятил Николаю Ивановичу своего *Димитрия Самозванца*; Н. И. посвятил Фаддею Венедиктовичу свою *Поездку в Германию*. Ф. В. написал для *Грамматики* Николая Ивановича хвалебное предисловие (Прим.: Смотри «Грамматику» Греча, напечатанную в типографии Греча.); Н. И. в «Северной пчеле» (издаваемой гг. Гречем и Булгариным) напечатал хвалебное объявление об «Иване Выжигине». Единодушие истинно *дрогопельное!*»

А вскоре Крылов написал басню «Кукушка и Петух».

«Как, милый Петушок, поешь ты громко, важно!» —

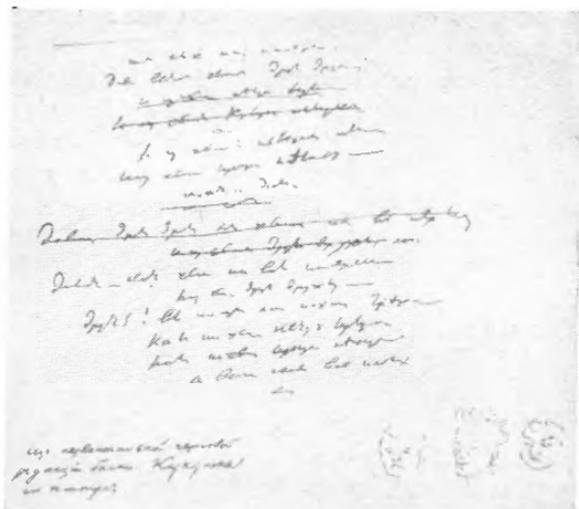
«А ты, Кукушечка, мой свет,
Как тянешь плавно и протяжно:

Во всем лесу у нас такой певички нет!» —

«Тебя, мой куманек, век слушать я готова». —

«А ты, красавица, боюсь,
Лишь только замолчишь, то жду я, не дождусь,
Чтоб начала ты снова...»

Басня И. А. Крылова «Кукушка и Петух». Автограф с рисунками, изображающими Булгарина и Греча.

Крылов сам не скрывал, кого он имел в виду. В одной из черновых редакций басни есть совсем прозрачный намек:

Как ни хвали Кукушка Петуха,
 Как ни хвали Петух Кукушку,
 Далеко им до Соловья.
 Иным писателям сказал бы то же я...

Рядом с черновым текстом басни рукой Крылова нарисованы головы Греча и Булгарина.

О том, насколько злободневной была в то время сатира на агента III отделения доносчика Булгарина и его друга Греча, свидетельствует такой факт: книгопродавец Лисенков объявил в газетах, что у него продается литографированный портрет Видока (знаменитого французского сыщика), но тем, кто желал приобрести портрет, Лисенков вручал изображение... Фаддея Булгарина. Дело в том, что

«Видок Фиглярин» — было известное прозвище, данное Булгарину Пушкиным.

По воспоминаниям самого книгопродавца, «Пушкин посещения делал к Лисенкову довольно часто, когда издавал журнал «Современник». Ему нужно было знать о новых книгах для помещения беглого разбора о них в его журнале; иногда ему приходила охота острить у Лисенкова в магазине над новыми сочинениями... и Лисенков невольно хохотал, и сам Пушкин улыбался, читая только одни кончики слов, рифмы, и, закрывая книги, произносил иногда: «А! бедные!»

Крылов заходил спрашивать, не получены ли новые сочинения Александра Анфимьевича Орлова из Москвы... Сочинения Орлова занимали Крылова любознательностью выражений русских редких слов, но весьма метких в его писаниях, а Ивану Андреевичу нужно было заимствовать меткие слова для басен своих.

Крылов и Пушкин часто встречались в это время в книжных лавках Лисенкова, Смирдина, Слёнина и других.

И, конечно, не только в книжных лавках. Но и в театре, на прогулках в Летнем саду, в кабинетах Жуковского, Одоевского...

Пушкин заходил к Крылову в Публичную библиотеку. Вероятно, именно там 11 апреля 1833 года Пушкин записал «Показания Крылова (поэта)» — воспоминания его о пугачевском восстании, которого он в раннем детстве был свидетель.

Летом 1833 года Крылов жил неподалеку от Пушкина на даче в Новой деревне, и они могли видаться постоянно.

Общение великих поэтов, все более тесное с годами, для обоих не прошло бесследно.

И. А. Крылов, А. С. Пушкин, В. А. Жуковский,
Н. И. Гнедич в Летнем саду.
Этюд Г. Чернецова к картине «Парад на Марсовом поле».
1832 г.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

1 февраля 1838 года Крылов получил следующее письмо:

«М. Г. Иван Андреевич. Завтра минет день рождения вашего и пятидесятилетних занятий и успехов ваших на поприще русской словесности.

Нравоучительные и между тем приятные ваши творения для всех возрастов составили неколебимую вашу славу — и славу России.

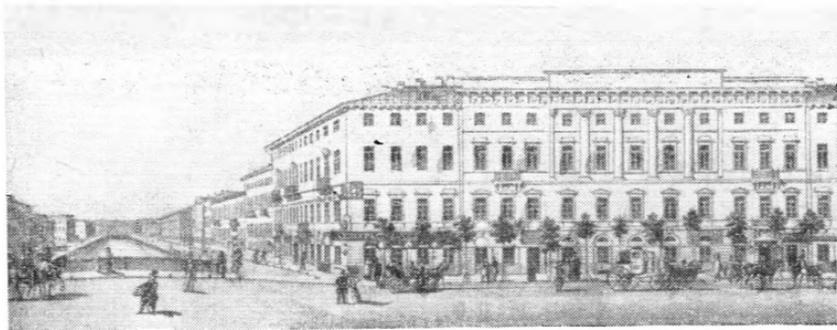
Сии обстоятельства побудили общество литераторов, художников и любителей русской словесности праздновать сей памятный день веселою беседою и пиршеством. В качестве председателя сего общества, вновь и на этот только случай составленного, я приглашаю вас, м. г., украсить сие пиршество вашим присутствием. Завтра около пятого часа пополудни к вам явятся два члена-распорядителя из среды сего общества, чтоб иметь честь и удовольствие вас сопровождать до места, назначенного к сему празднеству. Общество надеется, что вы не отринете усердную его просьбу.

Имею честь быть и проч. Алексей Оленин».

На следующий день, 2 февраля, в доме В. В. Энгельгардта на углу Невского проспекта и Екатерининского канала, состоялся небывалый в России праздник: столица чествовала писателя.

Зал Дворянского собрания вместил больше трехсот человек. На роскошно сервированном праздничном столе теснились всевозможные лакомства.

Крылов сидел за столом, окруженный министрами и членами Государственного совета. Против него, на возвышении, среди зелени стоял его бюст, выполненный скульптором С. Гальбергом, а ниже, на столе, покрытом красным

Дом Энгельгардта на Невском проспекте, угол Екатерининского канала.

*Литография П. Иванова по рисунку В. Садовникова.
30-е годы XIX в.*

сукном, лежали сочинения Крылова, обвитые цветами и лаврами. Играл оркестр.

Правда, намерение «любителей русской словесности» преподнести юбиляру памятную медаль с достойной надписью вызвало особую переписку Жуковского с шефом жандармов Бенкендорфом. А цензурный комитет получил особое распоряжение министра просвещения, запрещающее печатать в периодических изданиях что-либо о «празднике в честь И. А. Крылова без особенного разрешения его высокопревосходительства». Но об этом мало кто знал.

Когда был предложен тост за здоровье Крылова, раздалась куплеты, сочиненные П. А. Вяземским и положенные на музыку М. Ю. Виельгорским. Их пел знаменитый певец О. А. Петров.

На радость полувековую
Скликает нас веселый зов:

Здесь с Музой сладьбу золотую
Сегодня празднует Крылов.
На этой свадьбе — все мы сватья!
И не к чему таить вину:
Все заодно, все без изъятья,
Мы влюблены в его жену.

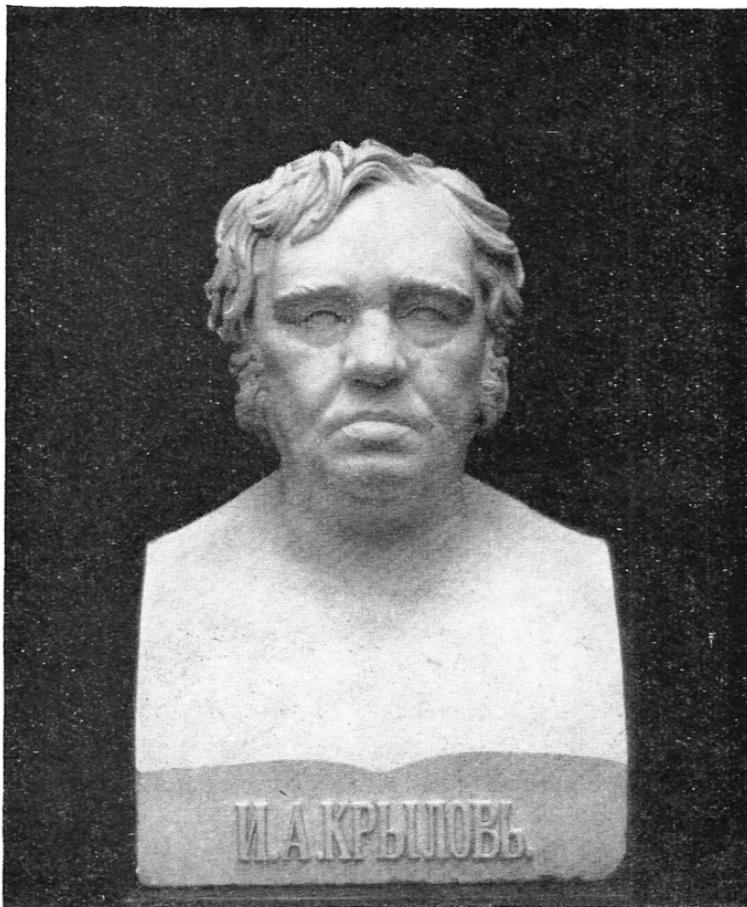
Длись счастливою судьбою
Нить любезных нам годов!
Здравствуй, с милою женою,
Здравствуй, бабушка Крылов! *и т. д.*

В. А. Жуковский, обращаясь к юбиляру, сказал: «Любовь к словесности, входящей в состав благоденствия и славы отечества, соединила нас в эту минуту. Иван Андреевич! мы выражаем эту нам общую любовь, единодушно празднуя день вашего рождения. Наш праздник, на который собрались здесь немногие, есть праздник национальный; когда бы можно было пригласить на него всю Россию, она приняла бы в нем участие с тем самым чувством, которое всех нас в эту минуту оживляет, и вы от нас немногих услышите голос всех своих современников... Закончу желанием, которое да исполнит провидение, чтобы вы, патриарх наших писателей, продолжали многие годы наслаждаться цветущею старостию и радовать нас произведениями творческого ума своего, для которого еще не было и никогда не будет старости. Оглядываясь покойным оком на прошедшее, продолжайте извлекать из него те поэтические уроки мудрости, которыми так давно и так пленительно поучаете вы современников, уроки, которые дойдут до потомства и никогда не потеряют в нем своей силы и свежести, ибо они обратились в народные пословицы; а народные пословицы живут с народами и их переживают».

На обеде присутствовало большинство петербургских литераторов. И тем заметнее было отсутствие одного, чье имя вспомнил в своей речи В. А. Жуковский. Это имя

Медаль в честь юбилея И. А. Крылова. Лицевая и оборотная стороны.

И. А. Крылов.
Бюст работы С. Гальберга. 1838 г.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Отношение министра народного просвещения в петербургскую цензуру, запрещающее печатать что-либо о юбилее И. А. Крылова без особого разрешения.

Господин Министр Народнаго
 просвещения, принадежте известности б. г.
 Жуковскій Риторическаго дискурса
 Академія, хотя въ началѣ оныхъ не
 ридеисимыи издаваніи желаніи казен
 погатали отсрашисимыи оправданіа
 въ кромѣ И. А. Крылова, къ сожалѣнію
 не разогнаниа, какъ дозволено предъ
 тавленіа.

Всѣмъ казеннымъ цензурнымъ
 комитетамъ, по принадежте сво отомст
 ства, та сподобити предъидти на томъ, шитомъ
 кромѣ сво бичиотъ, въ Вашемъу Високо
 Велородіа къ дозволеніау возобновиа.

Забранена
 1838 года
 въ Москвѣ б. г.
 А. В. Министр

было крайне неприятно «высокому слуху», ненавистно светской черни. Жуковский «прикрыл» это имя другим — но произнес его. Обращаясь к Крылову, он говорил: «...выражая перед вами те чувства, которые все находящиеся здесь со мной разделяют, не могу не подумать с глубокою скорбью, что на празднике нашем недостает двух, которых присутствие было бы его украшением и которых потеря еще так свежа в нашем сердце. Один, знаменитый предшественник ваш на избранной вами дороге, недавно кончил прекрасную жизнь свою, достигнув старости глубокой, оставив по себе славное, любезное отечеству имя. Другой, едва расцветший и в немногие годы наживший славу народную, вдруг исчез, похищенный у надежд, возбужденных в отечестве его гением. Воспоминание

о Дмитриеве и Пушкине само собою сливается с отечественным праздником Крылова».

Воспоминание о Пушкине действительно было чрезвычайно острым.

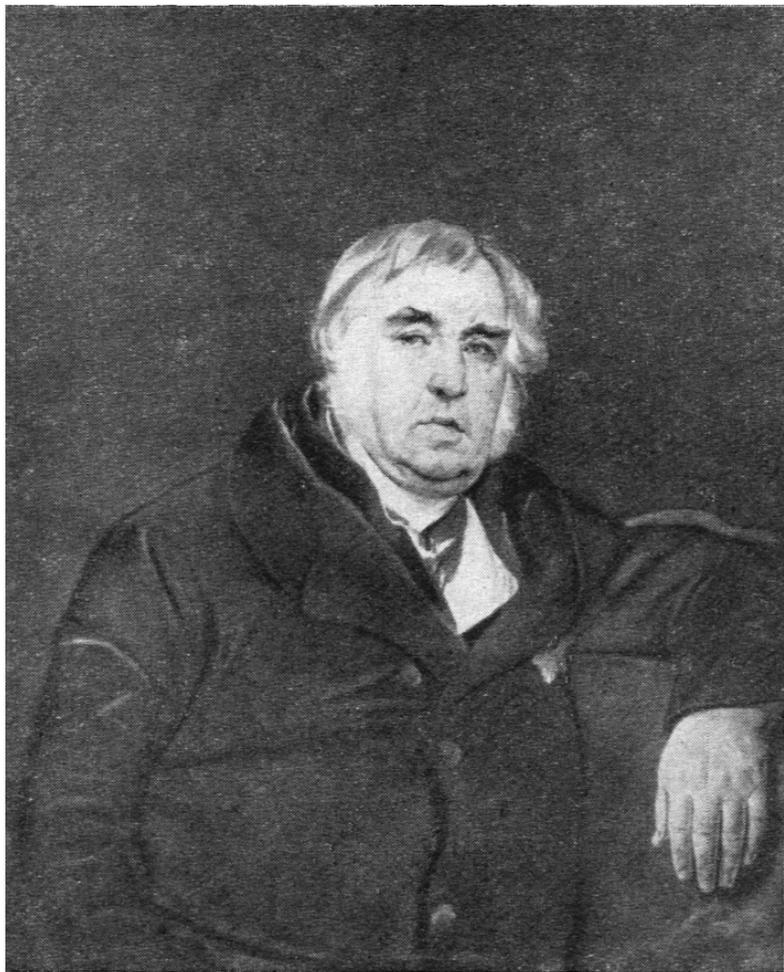
В конце января 1837 года Крылов последний раз видел живого Пушкина — тот пришел к нему за день или два до роковой дуэли, когда она была уже решена, когда Пушкин знал, что совсем скоро его, быть может, не станет. И через четыре-пять дней Крылов еще раз видел Пушкина — уже мертвого. По словам А. И. Тургенева, Крылов был последним, кто прощался с телом Пушкина. Ровно за год до юбилея, в ночь со 2 на 3 февраля 1837 года, Крылов и Жуковский в числе нескольких друзей поэта выносили из Конюшенной церкви тяжелый гроб.

Всем было понятно, что широковещательное благоволение властей к Крылову, участие правительства в его «отечественном» юбилее, сильно подогревалось желанием вытравить память об убийстве Пушкина — к чему царь и его приближенные имели немалое касательство, — навести на мысль о покровительстве царя литературе.

Крылов был нужен Николаю.

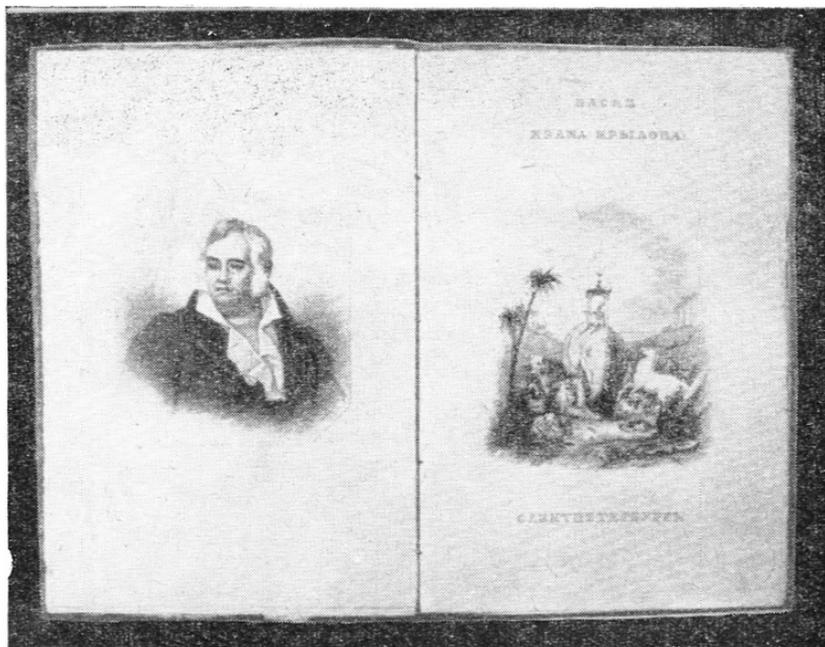
Стремясь отгородить Россию от «вредного влияния» Западной Европы, Николай охотно ухватился за предложенную министром народного просвещения С. С. Уваровым формулу: «православие, самодержавие и народность». Формула эта выражала те «охранительные начала», которые правительство желало положить в основание духовной жизни России. Авторитет церкви. Убеждение, что государство «живет и охраняется духом самодержавия». И, наконец, «народность» — как выражение будто бы сложившегося исторически единства самодержавия и народа.

Идею «самодержавия, православия и народности» всячески старались привить русской литературе. Правительство пыталось «приручить» Пушкина. Стремилось сделать

И. А. Крылов.
Портрет работы К. Брюллова. 1841 г.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Издание басен И. А. Крылова 1840 г.

верноподданным Крылова. С Пушкиным не вышло, надеялись, что выйдет с Крыловым. Николай нарочито подчеркивал свое расположение к баснописцу. Чиновники от литературы рассчитывали «причесать» дедушку Крылова, затушевать его злую сатиру, представить безобидным мудрецом и выразителем такой квасной «народности».

Но все потуги оказались напрасны.

Жизнь Крылова была отнюдь не мелодрамой, но трагедией — к ней нельзя было приделать счастливый, юбилейный конец. Роскошные обеды, велеречивые тосты ока-

зались тут ни при чем. Судьба Крылова была трагической — по-иному, но не в меньшей степени, чем у других великих писателей России — Пушкина, Грибоедова, Лермонтова, Гоголя. Он прожил дольше, чем они, но высказать сумел, как и они, только часть своего таланта — и, кто знает, большую ли? К нему, как и ко многим лучшим людям эпохи, можно отнести мрачные слова Герцена: «Поймут ли, оценят ли грядущие люди весь ужас, всю трагическую сторону нашего существования... Поймут ли они, отчего мы лентяи, отчего мы ищем всяких наслаждений, пьем вино... и пр.? Отчего рука не поднимается на большой труд?.. О, пусть они остановятся с мыслью и с грустью перед камнями, под которыми мы уснем, мы заслужили их грусть».

«Линия поведения», которая позволяла Крылову не просто жить, а честно жить в современной ему России, имела для него своим следствием добровольное, но вовсе не радостное самоограничение узкими рамками басенного жанра. К середине 1830-х годов возможности жанра были исчерпаны. Еще в 1829 году Крылов писал В. А. Олениной: «Ах, как я боюсь, чтоб не сделаться Архиепископом Гренадским и чтоб мне не сказали: point d' homelies, Monsiegnur!» (довольно поучений, монсеньер).

В 1834 году Крылов создал свои последние басни. Ими стали такие шедевры, как «Кукушка и Петух» и «Вельможа».

Басня «Вельможа» была запрещена цензурой. Крылов добился у Николая I разрешения напечатать ее, хотя басня была злой насмешкой над неумной ретивостью царя.

Николай ничего не заподозрил и, выслушав «Вельможу» на маскараде в Зимнем дворце, похлопал поэта по плечу:

— Пиши, старик!

Но Крылов не написал больше ни строки.

Девятая, последняя книга басен Крылова увидела свет лишь в 1843 году. В ней одиннадцать басен, в то время как в каждой из остальных не меньше двадцати. Крылов не стал ее кончать.

Почувствовав, что та роль, которую он определил себе в литературе еще в начале века, им сыграна, Крылов сошел со сцены. Теперь осталось только оглянуться на свой труд, все пересмотреть, выбрать «канонические» варианты. И Крылов занялся отделкой всего написанного, подготовкой окончательной редакции «Басен в девяти книгах».

Когда в 1840 году вышла сороковая тысяча тиража «Басен» в издании Смирдина, В. Г. Белинский писал о Крылове: «Честь, слава и гордость нашей литературы, он имеет право сказать: «Я знаю Русь, и Русь меня знает», хотя никогда не говорил и не говорит этого. В его духе выразилась сторона духа целого народа: в его жизни выразилась сторона жизни миллионов. И вот почему еще при жизни его выходит *сороковая тысяча* экземпляров его басен, и вот за что, со временем, каждое из многочисленных изданий его басен будет состоять из десятков тысяч экземпляров. Вот и причина, почему все другие баснописцы, вначале пользовавшиеся не меньшей известностью, теперь забыты, а некоторые даже пережили свою славу. Слава же Крылова все будет расти и пышнее расцветать до тех пор, пока не умолкнет звучный и богатый язык в устах великого и могучего народа русского».

4

1 марта 1841 года Крылов оставил службу в Публичной библиотеке, вышел в отставку и из казенной квартиры, где прожил более четверти века, переехал в дом купца Блинова на 1-й линии Васильевского острова.

Первая линия Васильевского острова, угол Большого проспекта.
Литография К. Бегрова. 20-е годы XIX в.

Улица была тихая, зеленая. Дом — небольшой, двухэтажный. Совсем близко набережная Невы. Довольно хорошо можно было разглядеть очертания другого берега реки — Сенатскую площадь с Исаакиевским собором, памятником Петру, зданиями Адмиралтейства, Сената и Синода... Над крышами домов поднимались мачты парусных кораблей.

Квартира Крылова находилась во втором этаже; была она скромная, но достаточно просторная. Здесь поэт прожил последних три года.

В новых обстоятельствах Крылов сохранил некоторые из прежних привычек.

Он посещал собрания в Академии художеств, где состоял «почетным вольным общником» — благо академия находилась теперь совсем близко от его дома. Бывал на академических выставках. Летом 1841 года позировал К. Брюллову, работавшему в своей мастерской в здании академии над его портретом. Успехи русского изобразительного искусства радовали и волновали Крылова. Увидев однажды жанровые рисунки никому еще неизвестного П. Федотова, он написал ему поощрительное письмо и тем много содействовал рождению еще одного великого художника, основоположника русской реалистической живописи.

Бывал Крылов и в соседнем с академией здании университета, — в Большом университетском зале регулярно устраивались интересные концерты. П. А. Плетнев рассказывает о его посещении университетского концерта, в котором участвовала Полина Виардо. «Крылов, как знаток музыки и некогда сам отличный музыкант, — пишет Плетнев, — был в восторге».

Приходилось бывать Крылову и в стоящем здесь же здании Академии наук: в 1841 году он был утвержден ординарным академиком.

По-прежнему состоял Крылов членом Английского клуба. Там у него было свое место. Над его креслом на стене долгое время оставалось незакрашенное пятно — след того, что здесь покоилась голова поэта.

Но со временем Крылов все реже появлялся в обществе, предпочитая оставаться дома, в своей скромной квартире на 1-й линии.

«В отшельнической жизни своей Крылов нашел забаву, обучая детей грамоте и прослушивая их уроки музыки. Он усыновил семейство крестницы своей, которое и поместил на квартире с собою. Ему весело было, когда около него играли дети, с которыми дома обедал он и чай

Дом № 8 по 1-й линии Васильевского острова, где жил последние годы и умер И. А. Крылов, и мемориальная доска на этом доме.

Фотография 1968 г.

пил. Девочка по имени Наденька особенно утешала его. Ее понятливость и способности к музыке часто хвалил он как что-то необыкновенное», — вот все, что написал П. А. Плетнев в биографии Крылова о его домашней жизни последних лет.

Эскиз барельефа для памятника И. А. Крылову на сюжет его басни «Безбожники». Не разрешен цензурой.

Рисунок А. Агина.
1845 г.

10 ноября 1844 года многие петербургские литераторы, многие знакомые Крылова получили экземпляр последнего издания его басен, на заглавном листе которого в траурной кайме было напечатано: «Приношение. На память об Иване Андреевиче. По его желанию».

Крылова не стало 9 ноября 1844 года, в восьмом часу утра.

Биографы поэта рассказывали, что «предсмертная болезнь его произошла от несварения пищи в желудке». Но и этот рассказ на проверку оказывается не больше чем анекдотом. Как явствует из найденного недавно офици-

ального медицинского заключения доктора Галлера, подлинной причиной смерти Крылова был паралич легких, наступивший в результате пневмонии.

Обширная церковь Исаакия Далматского в Адмиралтействе едва могла вместить всех желавших проститься с телом поэта.

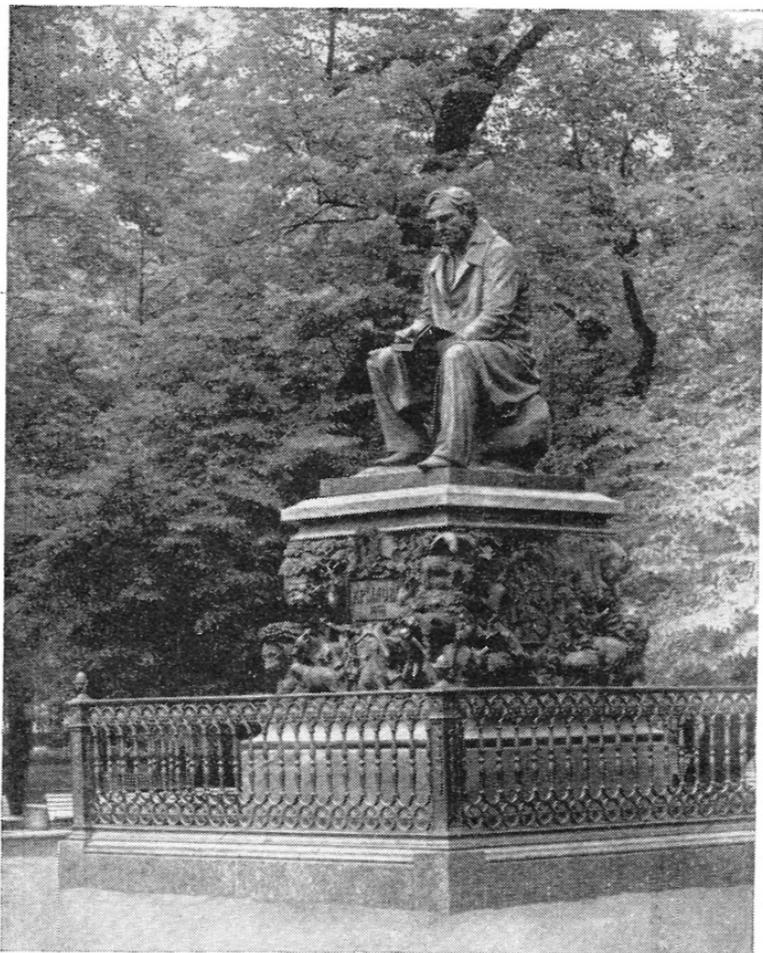
Толпа провожала гроб до Александро-Невской лавры. Здесь, рядом с могилой Гнедича, — могила Крылова.

В 1845 году по всей России была объявлена подписка на сооружение памятника Крылову. «Крылов принадлежит всем возрастам и всем званиям, — говорилось в Обращении, написанном П. А. Вяземским. — Он более, нежели литератор и поэт. В этом выражении есть все что-то отвлеченное и понятное только для немногих, но круг действия его был обширнее и всенароднее... Голос его раздавался в столицах и селах, на ученических скамьях детей, под сенью семейного крова, в роскошных палатах и храминах науки и просвещения, в лавке торговца и в трудолюбивом приюте грамотного ремесленника. Пусть и голос благодарности отзовется отовсюду».

Спустя два года М. Е. Лобанов сообщал в биографии Крылова: «Собрана уже большая сумма, которая не только будет достаточна на сооружение памятника, но еще на какое-нибудь доброе дело в память об Иване Андреевиче Крылове».

Исполнение памятника в результате конкурса поручили известному скульптору П. К. Клодту. Вместе с ним работал художник А. А. Агин: по его рисункам были вылеплены для пьедестала звери — персонажи крыловских басен.

Долго искали для памятника место: царь не разрешил поставить его на какой-либо городской площади. Когда назван был сквер у Александринского театра, Николай нашел, что это «слишком близко к фельдмаршалам», то

Памятник И. А. Крылову в Летнем саду.
Фотография 1968 г.

есть к памятникам Кутузову и Барклаю де Толли у Казанского собора. Когда предложили набережную Васильевского острова, между университетом и Академией художеств, «государь и это место нашел слишком видным для писателя». Наконец было дано разрешение установить памятник в Летнем саду. Там, где стоит он и теперь. Открытие состоялось 12 мая 1855 года. Это был первый в Петербурге памятник русскому писателю.

* * *

Второе столетие хранит город на Неве память о великом поэте. В сегодняшнем Ленинграде мы часто встречаем его имя: школа имени Крылова, библиотека имени Крылова, переулок Крылова.

На доме, где прошли последние годы жизни поэта, установлена мемориальная доска. А у входа в старое здание Публичной библиотеки — еще одна. На ней надпись: «В этом здании с 1812 г. по 1841 г. работал библиотекарем великий русский баснописец Иван Андреевич Крылов».

В фондах библиотеки хранятся сочинения Крылова, вышедшие в свет на многих языках. Роскошные книги с иллюстрациями лучших художников и массовые издания на газетной бумаге, выпущенные в 1918 году. Книги самого большого формата и миниатюрные, размером в полтора сантиметра. Если собрать вместе все экземпляры этих изданий, они не уместятся в двух таких огромных хранилищах, как Публичная библиотека.

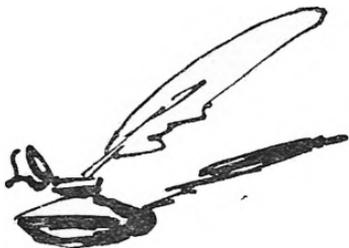
Белинский когда-то безмерно радовался выходу четырех десятков тысяч «Басен» Крылова, а ныне мы говорим о четвертом десятке миллионов его книг, вышедших в Советском Союзе.

И не только книги Крылова хранятся в фондах Публичной библиотеки. Здесь множество народных картинок

с его текстами, плакатов времен гражданской и Великой Отечественной войн. А сколько газетных листов украшено крылатыми крыловскими словами, злободневными карикатурами на темы его басен...

В Летнем саду, на том месте, где, верно, не раз сиживал живой Крылов, теперь сидит бронзовый. Деревья, что видели его полтора столетия назад, так же смотрят на него и сейчас. Та же Нева течет перед Летним садом, те же дома стоят на ее берегах, тот же город...

И, конечно же, совсем другой, имеющий мало общего с тем «императорским» столичным Петербургом, в котором так трудно и так славно прожил свою жизнь сочинитель Иван Крылов.

ПРИМЕЧАНИЯ

Цитаты из басен И. А. Крылова приведены по изданию: И. А. Крылов. Басни. Изд. подготовил А. П. Могилянский. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1956. Цитаты из других художественных произведений и писем И. А. Крылова — по изд.: И. А. Крылов. Сочинения в двух томах. Вступительная статья, подготовка текста и примечания Н. Л. Степанова. М., изд-во «Правда», 1958, и Полное собрание сочинений И. А. Крылова. Редакция, вступительная статья и примечания В. В. Каллаша, тт. I—IV. Петроград, 1918.

Стр. 11. *По свидетельству литератора М. Дмитриева...* — М. А. Дмитриев. Мелочи из запаса моей памяти. М., 1869, стр. 47, 49.

Стр. 16. «Петербург представляет уму двойственное зрелище...» — Записки графа Сегюра о пребывании его в России в царствование Екатерины II (1785—1789). Спб., 1865, стр. 30.

Стр. 20. «Нравы эпохи верны...» — Воспоминания Ф. В. Булгарина. «Северная пчела», 1845, № 8.

Стр. 21. «Кофегадательница есть такая пожилая тварь...» — «Живописец», 1772, лист 12; в изд. под редакцией П. А. Ефремова, Спб., 1864, стр. 115.

Стр. 26. Предисловие А. П. Сумарокова к трагедии «Дмитрий Самозванец». См.: А. П. Сумароков. Полное собрание всех сочинений в стихах и прозе... ч. IV. В Москве, в университетской типографии Н. Новикова, 1781, стр. 63.

Стр. 27. *Невиданный энтузиазм публики...* — Ф. Рокэн. Движение общественной мысли во Франции в XVIII веке. Перевод с французского. Спб., 1902, стр. 446.

Стр. 28. «Драматический словарь, или Показания по алфавиту всех Российских театральнх сочинений и переводов, с означением имен известных сочинителей, переводчиков и слагателей музыки, которые когда-то были представлены на театрах, и где, и в которое время напечатаны. В пользу любящих театральные представления. Собранный в Москве в типографии А. А. 1787 года», стр. 3, об. Точное воспроизведение изд. 1787 года. Спб., изд. книжного магазина «Нового времени», 1880.

О театре Поше см.: П. И. Петров. История Санкт-Петербурга. 1703—1782. Спб., 1885, стр. 773—776.

Стр. 29—30. Письма Пикара к князю А. Б. Куракину. См.: «Русская старина», т. I, 1870, стр. 130 и след.

О театре Книшпера см. также: В. Всеволодский-Гернгросс. Театральные здания в Санкт-Петербурге в XVIII столетии. «Старые годы», 1910, кн. III.

Стр. 34—36. «Описание российско-императорского столичного города Санкт-Петербурга и достопримечательностей в окрестностях оного. Сочинение И. Георги». Спб., 1794, стр. 96—97.

Стр. 37. *Литератор и историк М. П. Погодин...* — П. Н. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. III. Спб., 1911, стр. 348.

Стр. 37—38. *С. П. Жихарев, страстный театрал...* — С. П. Жихарев. Записки современника. Редакция, статьи и комментарии Б. М. Эйхенбаума. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1955, стр. 569.

Стр. 39—40. *Эта эпикурейская привычка...* — П. А. Плетнев. Жизнь и сочинения И. А. Крылова. Сочинения и переписка, т. II, Спб., 1885, стр. 43—44.

Стр. 41. О литературных занятиях Екатерины II см.: «Дневник А. В. Храповицкого. 1782—1793». Спб., 1874.

Стр. 42. «...можно ли каким спасительным законом...» Л. Гинзбург. Неизданные стихи Рубана. «XVIII век». Сб. статей и материалов под редакцией акад. А. С. Орлова. Изд-во АН СССР. М.—Л., 1935, стр. 415.

«...чтоб коллежских мне советников оклад...» — Там же, стр. 418.

Стр. 47. «Наставление к малолетнему сыну моему, вступающему в службу». См.: В. Шкловский. Чулков и Левшин. Изд-во писателей в Ленинграде, 1933, стр. 85.

Стр. 49. *Кто в Петербурге не знал анекдотов о положении Храповицкого?* — М. И. Пыляев. Старый Петербург. Рассказы из былой жизни столицы. Спб., 1903, стр. 197.

Стр. 50—51. *Но в каких страшных условиях жили...* — А. Яцевич. Крепостной Петербург пушкинского времени. Л., 1937.

Стр. 52. *Но и из терпенью однажды пришел конец...* — М. Гарновский. Записки. «Русская старина», 1876, т. XV, стр. 238. Приведено в кн.: А. Яцевич. Крепостной Петербург пушкинского времени, стр. 30—31.

«Неудивительно, что в России...» — «Записки императрицы Екатерины II». Спб., 1907, стр. 658.

Стр. 54. «Я не думаю, чтобы продажа негров...» — А. Яценевич. Крепостной Петербург пушкинского времени, стр. 57.

Стр. 55. *По словам М. Е. Лобанова...* — М. Е. Лобанов. Жизнь и сочинения И. А. Крылова. Спб., 1847, стр. 67.

Стр. 56. *Известный литератор Н. И. Греч...* — Н. И. Греч. Воспоминания. «Северная пчела», 1857, № 147.

Стр. 60. «*Княжнин умер под розгами...*» — А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в десяти томах, т. VIII. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1949, стр. 125.

Декабрист М. Лукин утверждал... — М. С. Лукин. Примечания к «Разбору донесения следственной комиссии в 1826 году». В кн.: Н. И. Тургенев. Россия и русские. М., 1907, стр. XIX.

Стр. 67—68. Слова Крылова о своей матери приведены в кн.: М. Е. Лобанов. Жизнь и сочинения И. А. Крылова, стр. 2—3.

В. А. Оленина об отношении Крылова к своей матери писала: «О матери своей он никогда не мог хладнокровно говорить, любя ее страстно и замечая в ней необычайные способности. Можно было заметить, что он видел в ней существо гениальное между женщинами. И, кажется, он не ошибался, по всему, что он мне рассказывал» (рукопись очерка В. А. Олениной «Иван Андреевич Крылов», 1867 г., хранится в Отделе рукописей Гос. Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, ф. 542. Оленины, № 875).

Стр. 69. Д. И. Фонвизин. Копии с отписок. «Трутенъ», 1769, лист XXVI.

«Отрывок путешествия в *** И *** Т ***» «Живописец», 1772, лист V.

Стр. 71—72. О Ф. В. Кречетове и «Всенародно вольно к благоденствию составляемом обществе» см.: Н. Чулков. Ф. В. Кречетов — забытый радикальный публицист XVIII века. «Литературное наследство», 1933, № 9-10. Приведенный текст на стр. 466.

Стр. 72. А. Н. Радищев. Беседа о том, что есть сын отечества. Полное собрание сочинений, т. 1. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1938, стр. 217.

Стр. 72—73. *Крупнейший советский исследователь XVIII века Г. А. Гуковский...* — Г. А. Гуковский. Русская литература XVIII века. Учебник для высших учебных заведений. М., Учпедгиз, 1939, стр. 296.

Стр. 74. Екатерина II — генералу Еропкину. См.: А. М. Скабичевский. Очерки истории русской цензуры. Спб., 1892, стр. 49.

Стр. 74—75. Указы о частных типографиях. См. там же, стр. 36—37.

Стр. 76. Об И. Г. Рахманинове см.: И. М. Полонская. И. Г. Рахманинов. Из истории русского книгоиздательства конца XVIII в. Тезисы диссертации. 1954.

Стр. 76. С. П. Жихарев, племянник Рахманинова...—С. П. Жихарев. Записки современника, стр. 356.

Стр. 87—88. А. И. Герцен писал о сатирическом направлении...—А. И. Герцен. О развитии революционных идей в России. Собрание сочинений, т. VII. Изд-во АН СССР, 1956, стр. 189.

Стр. 90. В доме директора Ассигнационного банка Мятлева...—«Записки Г. Р. Державина». Спб., 1860, стр. 370—378. Заканчивая подробный рассказ об этом деле, Державин замечает: «Вот с какою верностью служат приближенные к государю вельможи, то как можно ожидать от них общего блага?»

Стр. 93. А вот что рассказывал... граф Сегюр...—Записки графа Сегюра, стр. 34.

Стр. 94—95. Записки Гарриса см.: «Русский двор сто лет тому назад, 1725—1783, по донесениям английских и французских посланников». Спб., 1907, стр. 270.

Стр. 95. Ответ Суворова Потемкину см.: П. Н. Берков. История русской журналистики XVIII века. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1952, стр. 444.

Стр. 97—98. «...периодическое издание, наиболее философическое и наиболее колкое...»—А. Н. Пыпин. Крылов и Радищев. «Вестник Европы», т. III, 1868, № 5, стр. 401. Приведено также в ст.: Д. Благой. Сатирическая проза Крылова. Сб. «И. А. Крылов. Исследования и материалы». М., Гослитиздат, 1947, стр. 11.

Стр. 100 и след. «Устав» и «Главные положения» Общества друзей словесных наук опубликованы в кн.: Д. С. Бабкин. А. Н. Радищев. М.—Л., «Наука», 1966, стр. 301—308.

Стр. 100—101. «Беседующий гражданин», 1789, январь, стр. 76—77.

Стр. 101. Там же, стр. 77, 85.

Стр. 101—102. Там же, стр. 83, 165.

Стр. 104. О распространении в России идей французской революции см.: М. М. Штранге. Русское общество и французская революция 1789—1794 гг. М., Изд-во АН СССР, 1956.

Стр. 105—106. Граф Сегюр о реакции петербуржцев на взятие Бастилии — *Compte Z. — Ph. de Séguir. Mémoires au souvenirs et anecdotes*, III, Paris, 1827, p. 508.

Стр. 106. Духовник великого князя Александра Павловича о настроениях петербуржцев. См.: В. П. Семеновников. Радищев. Очерки и исследования. М.—П., 1923, стр. 43.

«Никогда человеческая грудь не была полнее надеждами...» — А. И. Герцен. Предисловие к книге «„О повреждении нравов в России“ князя М. Щербатова и «Путешествие» А. Радищева». Собрание сочинений, т. XIII, стр. 272.

Стр. 106—107. «Императрица велела подать себе все списки...» — «Записки Сергея Александровича Тучкова». Спб., 1908, стр. 43.

Стр. 110—111. Указ Екатерины II. См.: А. М. Скабичевский. Очерки истории русской цензуры, стр. 59.

Стр. 111. Письмо С. Р. Воронцова. См.: «Материалы к изучению «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева». Статьи Я. Л. Барскова и М. В. Жижки. «Academia», 1935, стр. 159. О судьбе Радищева и его книги см.: Г. П. Макогоненко. Радищев и его время. М., 1956.

Стр. 112—113. Рассказ И. И. Дмитриева о вечере у Державина. См.: И. И. Дмитриев. Взгляд на мою жизнь. М., 1856, стр. 58—59.

Стр. 113. *Близко знавшая Крылова В. А. Оленина...* — В. А. Оленина. Воспоминания. Отдел рукописей Гос. Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, ф. 542, Оленины, № 877, л. 75, об.

Стр. 114. *По отзыву современника, Клушин...* — А. Т. Болотов. Памятник протекших времен. М., 1875, стр. 117.

Стр. 115. *Когда однажды Державин спросил Крылова о Клушине...* — С. П. Жихарев. Записки современника, стр. 357.

«...Во время юности Крылова...» — В. Г. Белинский. Иван Андреевич Крылов. Полное собрание сочинений, т. VIII. М., Изд-во АН СССР, 1955, стр. 588.

Стр. 116. «Законы, на которых основано заведение типографии и книжной лавки» — впервые опубликовано И. Быстровым в «Северной пчеле», 1847, № 289; перепечатано В. В. Каллашом в его биографическом очерке о Крылове. И. А. Крылов. Полное собрание сочинений. Редакция, вступительные статьи и примечания В. В. Каллаша, т. 1. Петроград, 1918, стр. XXXIX—XL I.

Стр. 118. О купании Крылова в Лебяжьей канавке В. А. Оленина рассказывает: «Он на себе делал разные пробы. Хотел он видеть, до каких пор вынесет он купанье в наименованном канале. Всякое утро вставал рано и ходил туда кушаться, чем более прибавлялись морозы, тем менее оставался в воде и наконец

проламывал своим телом лед, но далее 13 ноября не мог продолжать, лед уже не поддавался, и когда он возвращался домой обернутый простыней, от него шел пар, как в русской бане.

Любимым его развлечением... — В. А. Оленина. Иван Андреевич Крылов, л. 7.

Стр. 119. «Книга приходная». См.: В. В. Каллаш, стр. ХLI. Стр. 125—126. *Один из историков, изучавших быт того времени...* — М. И. Пыляев. Старый Петербург, стр. 211.

Стр. 126. «Нет ни одного министра в этой империи...» — «Русский двор сто лет тому назад», стр. 184.

«Имея недавно 27 человек вокруг нее...» — Там же, стр. 185.

Стр. 127. «Мое желание есть...» — «Историческая записка о совете в царствование императрицы Екатерины II». Составлена И. Чистовичем. Спб., 1870, стр. 6.

В 80-х годах XVIII века Россией с соизволения императрицы управляли фактически три человека... — «Записки Г. Р. Державина», стр. 283.

Стр. 129. *Современники называли Вяземского „истинным визирем...“* — Г. С. Винский. Мое время. Спб., 1914, стр. 45.

Стр. 130. Указ Сената о трагедии Я. Б. Княжнина «Вадим». См.: А. М. Скабичевский. Очерки истории русской цензуры, стр. 61—62.

Стр. 131. О расправе с Новиковым см.: В. Боголюбов. Н. И. Новиков и его время. М., 1916.

Стр. 132—133. Донесение петербургского генерал-губернатора П. Коновницына П. Зубову от 12 мая 1792 года впервые было опубликовано Г. Рождественским в его работе «Крылов и его товарищи по типографии и журналу в 1792 г.» (М., 1899, стр. 11—12); перепечатано В. В. Каллашом в биографическом очерке о Крылове, стр. XLIII—XLIV. Сравн.: М. Е. Лобанов. Жизнь и сочинения И. А. Крылова, стр. 4: «Одну из моих повестей, говорил мне Иван Андреевич, которую уже набирали в типографии, потребовала к себе императрица Екатерина; рукопись не воротилась назад, да так и пропала».

Стр. 133. Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. Спб., 1866, стр. 33.

Стр. 140—141. *Рассказывали, что однажды во время путешествия Павла в Казань...* — М. Н. Покровский. Русская история... т. IV. М., 1912, стр. 170.

Стр. 143—144. «Записки Г. Р. Державина», стр. 389.

Стр. 144. «...ни один революционер...» — Д. Заваалишин. Записки. Спб., 1906, стр. 105.

Стр. 146. *В конце 1790-х годов в один из приездов в столицу...* — С. П. Жихарев. Записки современника, стр. 357.

Стр. 152. «Его величество с крайним негодованием усмотреть изволил...» — Л. Гуревич. История русского театрального быта. М., «Искусство», 1939, стр. 241.

Стр. 153. «...поелику купечествующий немец...» — Ф. Шредер. Новейший путеводитель по Санкт-Петербургу... СПб., 1820, стр. 217.

Стр. 156. О Шаховском во время репетиций см.: С. Т. Аксаков. Литературные и театральные воспоминания. Собрание сочинений, т. III. Гослитиздат, 1956, стр. 81.

Стр. 164. «Я объехал оба земные полушария...» — Ф. Г. Солнцев. Моя жизнь и художественно-археологические труды. «Русская старина», 1876, т. XV, стр. 620.

Стр. 165—166. О премьере трагедии В. А. Озерова «Дмитрий Донской» см.: С. П. Жихарев. Записки современника, стр. 324.

Стр. 168. «Русский наш театр был оставлен...» — Ф. Ф. Вигель. Записки, т. 1. М., 1928, стр. 154.

Об «Уроке дочкам» см.: С. С. Данилов. Последняя пьеса Крылова. В сб. «Русские классики и театр». Л.—М., «Искусство», 1947, стр. 164—191. Драматургии Крылова посвящена книга: А. В. Запядов. И. А. Крылов. М.—Л., «Искусство», 1956.

Стр. 172. *В своем дневнике... С. П. Жихарев записал...* — С. П. Жихарев. Записки современника, стр. 509.

Стр. 172—174. *А вот запись от 9 мая...* — Там же, стр. 510—513.

Стр. 174. «Для дочек написав уроки...» — Д. И. Хвостов. Письмо к г. Крылову. «Драматический вестник», 1808, № 58.

Стр. 175. «Небритый и нечесаный...» — эпиграмма Д. И. Хвостова. См.: С. П. Жихарев. Записки современника, стр. 360.

Стр. 176. *После одного чтения...* — М. Е. Лобанов. Жизнь и сочинения И. А. Крылова, стр. 45.

Стр. 180. «Пойдем, друзья! Карать войною...» — С. А. Ширинский-Шихматов. Единодушный глас на брань идущих Россов, Морского кадетского корпуса офицеров. «Драматический вестник», 1808, № 25.

«Этот спор...» — С. П. Жихарев. Записки современника, стр. 360.

Стр. 182. *Свои переводы он принес И. И. Дмитриеву...* — См. П. А. Плетнев. Жизнь и сочинения И. А. Крылова. Сочинения и переписка, т. II, стр. 66.

Стр. 182—183. *В. Г. Белинский, характеризуя виднейших русских поэтов...* — В. Г. Белинский. Русская литература в

1840 году. Полное собрание сочинений, т. IV. М., Изд-во АН СССР, 1954, стр. 423—424; «Басни Ивана Крылова». Там же, стр. 149.

Стр. 187. Сообщение Коленкура в Париж. См.: М. Н. Покровский. Русская история, т. IV, стр. 272.

Стр. 189. *Н. В. Гоголь имел полное основание утверждать...* — Н. В. Гоголь. В чем же, наконец, существо русской поэзии и в чем ее особенность. Полное собрание сочинений, т. VIII. М., Изд-во АН СССР, 1952, стр. 393—394.

Стр. 194. «Никогда не забуду я наших прогулок в лодках по Неве...» — В. Всеволодский-Гернгросс. Театр в России в эпоху Отечественной войны. Спб., 1912, стр. 22—23 (Воспоминания актрисы Фюзи).

Стр. 196—197. О переговорах Лористона с Кутузовым см.: М. И. Богданович. История Отечественной войны 1812 года, т. II. Спб., 1859, стр. 391—393. Приведено в ст.: С. Дурылин. Крылов и Отечественная война 1812 года. Сб. «И. А. Крылов, исследования и материалы», стр. 169.

Стр. 198. Рескрипт Александра I Кутузову. См.: А. Н. Попов. От Малоярославца до Березины. «Русская старина», т. XVIII, 1877, кн. 4, стр. 624—625.

Стр. 199. «„Наши молодые горячие головы“, — говорил Кутузов...» — То же сочинение. «Русская старина», т. XVIII, 1877, кн. 3, стр. 450.

Стр. 200. «Басни Крылова...» — В. Г. Белинский. Басни Ивана Крылова. Полное собрание сочинений, т. IV, стр. 150—151.

Стр. 200—201. *Вот послушайте, господа...* — И. С. Жиркевич. Записки. «Русская старина», т. V, 1874, стр. 660.

Стр. 201. К. Н. Батюшков — Н. И. Гнедичу. К. Н. Батюшков. Сочинения, т. III. Спб., 1886, стр. 242.

Стр. 205—206. А. А. Шаховской. «Урок кокеткам, или Липецкие воды», комедия. Стихотворения. Библиотека поэта (Большая серия). Л., 1961, стр. 238.

Стр. 206. «...Можно вообразить...» — Ф. Ф. Вигель. Записки, т. II, стр. 61.

Стр. 207—208. Протоколы заседаний «Арзамаса». См.: «„Арзамас“ и арзамасские протоколы». Изд-во писателей в Ленинграде, 1933, стр. 224.

Стр. 208—209. «Здесь и Крылов являлся как общий друг...» — П. А. Плетнев. Жизнь и сочинения И. А. Крылова. Сочинения и переписка, т. II, стр. 81—82.

Стр. 209. *Жуковский, в свою очередь, чрезвычайно высоко*

ставил Крылова... — В. А. Жуковский. О басне и «Баснях Крылова». Сочинения, т. 6. Изд. 8. Спб., 1885, стр. 327—343.

Стр. 210—211. О чтении Крыловым басни «Демьянова уха» в Беседе любителей русского слова см.: М. Е. Лобанов. Жизнь и сочинения И. А. Крылова, стр. 55.

Стр. 212—213. О «Стихах А. С. Шишкову» см.: «Объяснение Крылова по поводу приписанных ему чужих стихов». Сб. статей, читанных в Отделении русского языка и словесности Императорской Академии наук, т. 6. Спб., 1869, стр. 274.

Стр. 213—214. *Однажды, зайдя в лавку купца Королева...* — П. А. Плетнев. Жизнь и сочинения И. А. Крылова. Сочинения и переписка, т. II, стр. 89.

Стр. 215. К. Н. Батюшков — Н. И. Гнедичу. К. Н. Батюшков. Сочинения, т. III, стр. 522.

Письмо Л. А. Крылова. См.: В. Ф. Кеневич. Материалы для биографии Крылова. Сб. статей, читанных в Отделении русского языка и словесности Императорской Академии наук, т. 6, стр. 337—338.

Стр. 218. «...Крылов родился чудачком...» — К. Н. Батюшков. Сочинения, т. III, стр. 53.

Стр. 219. *Пушкин, вероятно со слов Гнедича...* — А. С. Пушкин. Исторические анекдоты (Table talk). Полное собрание сочинений в десяти томах, т. VIII, стр. 107.

Стр. 220. «Сосед, ты выиграл!» — Н. И. Гнедич. К И. А. Крылову. Стихотворения. Библиотека поэта (Большая серия). Л., «Советский писатель», 1956, стр. 122.

Стр. 222. «Показался император...» — Записки, статьи, письма декабриста И. Д. Якушкина. М., Изд-во АН СССР, 1951, стр. 8—9.

Стр. 226—228. О деятельности Крылова в Публичной библиотеке см.: С. М. Бабинцев. И. А. Крылов. Очерк его издательской и библиотечной деятельности. М., 1955.

Стр. 229. *По словам П. А. Плетнева...* — П. А. Плетнев. Иван Андреевич Крылов. Сочинения и переписка, т. II, стр. 15.

Стр. 230. Дом, принадлежавший Публичной библиотеке и отведенный под квартиры должностных лиц (кроме первого этажа, занятого книжными лавками), полностью сохранился. Современный его адрес — Садовая улица, 20. Квартира Крылова во втором этаже (пять окон по Садовой улице от Невского проспекта) — ныне № 1 и 3. Многочисленные документы, относящиеся к квартире Крылова, хранятся в архиве Гос. Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, по фонду управления библиотеки. Постажные планы дома, выполненные архитектором А. Ф. Щед-

риним в 1830 году для доставления в Департамент народного просвещения, хранятся в Отделе рукописей библиотеки. Описание квартиры Крылова см.: П. А. Плетнев. Жизнь и сочинения И. А. Крылова. Сочинения и переписка, т. II, стр. 85—86. О петербургских адресах Крылова см. также статью С. М. Бабинцева и А. П. Могилянского в сб. «Литературные памятные места Ленинграда», изд. 2. Лениздат, 1968, стр. 92—107.

Стр. 234. Рассказ Крылова о посещении балаганов. См.: Ф. Г. Солнцева. Моя жизнь и художественно-археологические труды. «Русская старина», т. XV, 1876, стр. 623.

Стр. 235—236. «В первый визит к тетушке Олениной...» — А. П. Керн. Воспоминания. Л., «Academia», 1929, стр. 243—244.

Стр. 236. Je me ravise (*франц.*) — Я передумал.

Об отношении Крылова к Вареньке Олениной и адресованные ей шуточные стихи см.: В. А. Оленина. Иван Андреевич Крылов. Воспоминания, л. 2; л. 83, об.

Стр. 241. Рукопись комедии Н. И. Гнедича «Стихотворец в хлопотах» и афиша спектакля на сцене домашнего Приютинского театра хранятся в Отделе рукописей Гос. Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, ф. 542 (Оленины). Текст афиши воспроизведен в кн.: Н. Л. Степанов. И. А. Крылов, жизнь и творчество. М., Гослитиздат, 1958, стр. 151.

Стр. 242—243. К. Н. Батюшков. Послание к А. И. Тургеневу. Стихотворения. Библиотека поэта (Большая серия). Л., «Советский писатель», 1941, стр. 137—138.

Стр. 244. К. Ф. Рылеев. К временщику. Полное собрание стихотворений. Библиотека поэта (Большая серия). Изд-во писателей в Ленинграде, стр. 85.

Стр. 245. «Так как, ваше сиятельство...» — А. И. Тургенев. Письмо Аракчееву. См.: Воспоминания о Рылееве И. Н. Лобойко в сб. «Декабристы и их время». Л., Изд-во АН СССР, 1951, стр. 26.

Стр. 245—246. *Рассказывали такую, например, историю...* — «Воспоминания Бестужевых». Редакция, статьи и комментарии М. К. Азадовского. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1951, стр. 13.

Стр. 246. *И еще один „чужак“ — И. И. Пущин...* — И. И. Пущин. Записки о Пушкине. Письма. Л., Гослитиздат, 1956, стр. 76.

Стр. 248—249. Об истории басни «Рыбья пляска» см.: Я. К. Грот. Труды, т. III. Спб., 1901, стр. 245.

Стр. 252. Ланкастерское общество ставило своей целью организацию школ так называемого взаимного обучения, при котором старшие учащиеся обучали младших чтению, письму и счету.

Ланкастерские школы, основанные в русской армии декабристами, использовались ими для пропаганды революционных идей.

Стр. 252—253. Уведомление об избрании Крылова почетным членом Вольного общества любителей российской словесности и письмо Крылова на имя С. П. Салтыкова опубликованы в журнале «Русская литература» (1959, № 3, стр. 124—125).

Стр. 254. Экземпляр издания басен 1819 года с исправлениями для издания 1825 года был подарен Крыловым Н. И. Гнедичу и ныне хранится в Отделе рукописей Гос. Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, ф. 397 (И. Крылов), № 31.

А. А. Бестужев-Марлинский. Взгляд на старую и новую словесность в России. Собрание стихотворений. Библиотека поэта (Большая серия). Л., «Советский писатель», 1948, стр. 160.

А. С. Пушкин — П. А. Вяземскому. 8 марта 1824 г. См.: А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в десяти томах, т. X, стр. 83.

Стр. 254—255. Письма Л. А. Крылова. См.: В. Ф. Кеневич. Материалы для биографии Крылова. Сб. статей, читанных в Отделении русского языка и словесности Императорской Академии наук, т. 6, стр. 336—338.

Стр. 256. «Дай-ка взглянуть на тебя, Иван Андреевич...» — М. Е. Лобанов. Жизнь и сочинения И. А. Крылова, стр. 60—61.

Стр. 257. «Нет одобрения талантам никакого...» — К. Ф. Рылеев. Полное собрание стихотворений, стр. 297.

В. А. Оленина *описание внешности и характера Крылова...* — В. А. Оленина. Воспоминания, л. 85.

Стр. 259—260. *Рылеев как-то, выведенный из терпения пресмыкательством Фаддея Булгарина...* — Мих. Лемке. Николаевские жандармы и литература 1826—1855 гг. 1908, стр. 235.

Стр. 262. «Самое удивительное...» — М. В. Нечкина. Движение декабристов, т. II. М., Изд-во АН СССР, 1955, стр. 299.

Запись М. Е. Лобанова о Крылове 14 декабря 1825 года не была включена в книгу «Жизнь и сочинения И. А. Крылова». Хранится в Отделе рукописей Гос. Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, архив П. Тиханова, собрание М. Лобанова, № 787, папка 1, лл. 62—63, об. Опубликовано в кн.: Н. А. Степанов. И. А. Крылов, жизнь и творчество, стр. 162.

О присутствии Крылова 14 декабря 1825 года на Сенатской площади сообщает со слов самого поэта и В. А. Оленина: «Крылов 14 декабря пошел на площадь к самым бунтовщикам, так что ему голоса из каре закричали: Иван Андреевич, уходите, пожалуйста, скорее...» (Воспоминания, л. 120, об.)

Стр. 269. «Прошедшее России удивительно...» — Мих. Лемке. Николаевские жандармы и литература 1826—1855 гг., стр. 411.

Стр. 269—270. «Государства доводятся до такого положения...» — «Н. И. Гнедич. Несколько данных для его биографии по неизданным источникам сообщил П. Тиханов». Спб., 1884, стр. 75.

Стр. 273. «Третьего дня провели мы вечер и ночь у Пушкина...» — П. А. Вяземский — В. Ф. Вяземской. 2 мая 1828 г. «Литературное наследство», т. 58, 1952, стр. 76—77.

Стр. 274. А. С. Пушкин — П. А. Плетневу. См.: А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в десяти томах, т. X, стр. 334.

Стр. 276. *По словам В. А. Соллогуба...* — В. А. Соллогуб. Воспоминания о князе В. Ф. Одоевском. Сб. «В память о князе В. Ф. Одоевском». М., 1869, стр. 97.

Стр. 277. И. С. Тургенев. Литературные и житейские воспоминания. Собрание сочинений, т. X. Гослитгиздат, 1956, стр. 329—330. «Чиновный, но слабый петербургский литератор», вероятно, В. И. Карлгоф.

С этим рассказом интересно сопоставить... — В. А. Оленин а. Иван Андреевич Крылов, л. 4.

Стр. 277—278. А. М. Тургенев о Крылове. См.: Н. М. Еропкина. Воспоминания об И. А. Крылове. В кн.: «Пушкин и его современники», вып. XXXVII. Л., 1928, стр. 192.

Стр. 278. «Посещая меня...» — А. П. Керн. Воспоминания, стр. 270.

Как-то у Олениных молодежь горячо заспорил о статье О. И. Сенковского... — В. Ф. Кеневич. Рассказы о Крылове. «Русская старина», т. II, 1870, стр. 87.

Стр. 279. Крылов о трагедии Пушкина «Борис Годунов». См.: П. А. Вяземский. Полное собрание сочинений, т. 1. Спб., 1878, стр. 184.

Стр. 279—280. Дневник В. К. Кюхельбекера. Л., «Прибой», 1929, стр. 303—304.

Стр. 280—281. «Рекомендую.. книжную лавку Смирдина...» — П. А. Вяземский — И. И. Дмитриеву. «Русский архив», 1868, кн. 4—5, стр. 616.

Стр. 283. «Смирдинский праздник удался вполне...» — Н. Н. Терпигорев. Заметка об А. С. Пушкине. «Русская старина», т. I, 1870, стр. 570.

Стр. 284. А. С. Пушкин. Торжество дружбы, или Оправданный Александр Анфимович Орлов. Полное собрание сочинений в десяти томах, т. VII, стр. 245.

Стр. 285—286. *О том, насколько злободневной...* — «Материалы

для истории русской книжной торговли». Воспоминания И. Т. Лисенкова. Спб., 1879, стр. 66—67.

Стр. 288. Письмо А. Н. Оленина к И. А. Крылову от 1 февраля 1838 года. См.: В. Ф. Кеневич. Материалы для биографии Крылова. Сб. статей, читанных в Отделении русского языка и словесности Императорской Академии наук, т. 6, стр. 308.

Стр. 289—290. *Когда был предложен гост...* — П. А. Вяземский. Стихотворения. Библиотека поэта (Большая серия). Л., «Советский писатель», 1958, стр. 257—258.

Стр. 292—294. В. А. Жуковский, обращаясь к юбиляру... — В. А. Жуковский. Речь Крылову на его юбилей. Сочинения, т. 6, изд. 8, стр. 34—35.

Стр. 294. О встрече Крылова и Пушкина в конце января 1837 года см.: Л. Трефелев. Крылов и Пушкин по рассказам ярославцев. «Русский архив», 1877, кн. 3, стр. 399—403.

Стр. 297. «Поймут ли, оценят ли грядущие люди...» — А. И. Герцен. Дневник. Собрание сочинений, т. II, стр. 226—227.

О разговоре Крылова с Николаем I на маскараде в Зимнем дворце см.: В. Ф. Кеневич. Библиографические и исторические примечания к басням Крылова. Сб. статей, читанных в Отделении русского языка и словесности Императорской Академии наук, т. 6, стр. 238—240.

Стр. 298. *Когда в 1840 году вышла сороковая тысяча...* — В. Г. Белинский. Басни Ивана Крылова. Полное собрание сочинений, т. IV, стр. 151.

Стр. 300. *Бывал Крылов и в соседнем с академией здании университета...* — П. А. Плетнев. Жизнь и сочинения И. А. Крылова. Сочинения и переписка, т. II, стр. 106.

«В отшельнической жизни своей...» — Там же, стр. 105—106.

О семье Савельевых и отношении к ней Крылова см.: Ник. Смирнов-Сокольский. Нави Вольярк. Библиографическая повесть об Иване Крылове. Рассказы о книгах. Изд. 2. М., Изд-во Всесоюзной книжной палаты, 1960, стр. 272—275.

Стр. 302—303. Заключение д-ра Ф. Галлера о причине смерти Крылова опубликовано в журн. «Русская литература», 1967, стр. 143.

АДРЕСНЫЙ Квартирн

Годы	Исторический адрес
1782—...	Слобода Измайловского полка
1791—1794	Дом И. И. Бецкого. Дворцовая набережная, у Летнего сада. I Адмиралтейская часть, 1-й квартал, № 19
1806—...	Дом коллежского асессора Афанасия Гуанаропуло. Исаакиевская площадь, угол Б. Морской улицы и набережной Мойки. I Адмиралтейская часть, 2-й квартал, № 138
1816—1841, март	Дом Публичной библиотеки, занимаемый должностными лицами, средний этаж. III Адмиралтейская часть, 1-й квартал
1833, лето	Дача в Новой Деревне на Черной реке
1841, март — 1844, 9 (21) ноября	Дом Блинова. Васильевская часть, 1-я линия.

Места службы

Наименование	Годы	Исторический адрес
С.-Петербургская Казенная палата	1783—1786	М. Мещанская улица, угол Екатерининского канала
Горная экспедиция Кабинета ее императорского величества	1787—1788	Васильевский остров набережная Б. Невы между 21-й и 22-й линиями

УКАЗАТЕЛЬ**Крылова**

Современный адрес	Современное состояние дома
<p>Район Измайловского проспекта и Красноармейских улиц</p> <p>Дворцовая набережная, 2 (улица Халтурина, 1)</p> <p>Участок дома 4 по Исаакиевской площади, угол улицы Герцена и набережной Мойки</p> <p>Садовая улица, 20</p> <p>Набережная Черной речки</p> <p>Васильевский остров, 1-я линия, 8</p>	<p>Дом неизвестен</p> <p>Дом сохранился в перестроенном виде</p> <p>Дом не сохранился</p> <p>Дом сохранился. Квартира, которую занимал Крылов, — 2-й этаж, № 1 и 3</p> <p>Точное местонахождение дачи неизвестно</p> <p>Дом сохранился, отмечен мемориальной доской (здесь Крылов умер)</p>

Крылова

Современный адрес	Современное состояние дома
<p>Казначейская улица, угол канала Грибоедова, 13/73</p> <p>Васильевский остров. Участок дома 45 по набережной Лейтенанта Шмидта</p>	<p>Дом перестроен</p> <p>Дом перестроен</p>

Наименование	Годы	Исторический адрес
Монетный департамент Министерства финансов	1808—1810	Садовая улица, здание Ассигнационного банка
Публичная библиотека	1812—1841	Садовая улица, угол Невского проспекта

Где бывал

Наименование	Годы	Исторический адрес
Брейткопф Б.-Т.	1783—...	Миллионная-Луговая улица
Театр Книппера, или Деревянный	1783—...	Царицын луг, возле Театрального моста через Мойку
Большой, или Каменный, театр	1783—...	В Коломне, по правую сторону Никольского канала, близ церкви Николая Чудотворца
Дмитревский И. А.	1784—...	У Гагаринской пристани, в доме купца Пантелеева
Типография И. Г. Рахманинова	1788—1790	Офицерский переулок в Конной гвардии
Книжная лавка Миллера	1789	Миллионная-Луговая улица, 77

Современный адрес	Современное состояние дома
Садовая улица, 21	Дом сохранился
Садовая улица, 16, Невский проспект, 37	Дом сохранился, отмечен мемориальной доской

Крылов

Современный адрес	Современное состояние дома
На территории нынешней Дворцовой площади	Дом не установлен
Марсово поле, возле Театрального моста через Мойку	Не сохранился
Театральная площадь, участок дома 3 (Ленинградская консерватория)	Не сохранился
Набережная Кутузова, у Литейного моста	Дом не установлен
Львиный переулок	Дом не установлен
На территории нынешней Дворцовой площади	Дом не сохранился

Наименование	Годы	Исторический адрес
Державин Г. Р.	1789—1812	Набережная Фонтанки, у Измайловского моста
Строганов А. С.	1806—...	Невский проспект, угол набережной Мойки
Оленин А. Н.	1806—1819	Набережная Фонтанки, у Семеновского моста
	1819—...	Набережная Мойки, у Синего моста
	1830—...	Дом князя П. Г. Гагарина на Дворцовой набережной, близ Мраморного дворца
	1837—...	Дом Андрю на Б. Морской улице
	1810-е—1830-е, летом	Усадьба Приютино на семнадцатой версте от Петербурга, юго-восточнее Парголова
Российская Академия	1807—...	Васильевский остров, 1-я линия
Жуковский, В. А.	1817—...	Дом Брагина. Набережная Крюкова канала, угол Екатерингофского проспекта, у Кашина моста
	Около 1820	Аничков дворец. Невский проспект, угол набережной Фонтанки
	1822—1827	Дом Мельшиковой. Невский проспект, угол Караванной улицы

Современный адрес	Современное состояние дома
Набережная Фонтанки, 118	Дом сохранился
Невский проспект, 17	Дом сохранился
Набережная Фонтанки, 101	Дом сохранился
Набережная Мойки, участок дома 67	Дом не сохранился
Дворцовая набережная, участок дома 12	Дом перестроен
Улица Герцена, участок дома 48	Дом перестроен
Близ станции Бернгардовка Ириновской ветки Октябрьской железной дороги	Усадебные строения и парк частично сохранились
Васильевский остров, 1-я линия, 52	Дом сохранился
Набережная - Крюкова канала, угол проспекта Римского-Корсакова, 11/43	Дом сохранился, надстроен
Невский проспект, угол набережной Фонтанки, 39/31, Дворец пионеров	Сохранился в перестроенном виде
Невский проспект, 64, угол улицы Толмачева	Дом перестроен

Наименование	Годы	Исторический адрес
Жуковский В. А.	1827—...	Миллионная улица, территория Зимнего дворца («Шепелевский дом»)
Демутов трактир	1820-е—1830-е	Набережная Мойки, у Полицейского моста
Дельвиг А. А.	1828—1830	Дом Тычинкина. Загородный проспект, у Владимирского собора
Одоевский В. Ф.	1820-е—1830-е	Дом Ланской. Мошков переулок, угол Дворцовой набережной
Лаваль И. С.	1820-е—1830-е	Английская набережная, у Сенатской площади
Книжная лавка И. Т. Лисенкова	1820-е—1830-е	Дом Пажеского корпуса. Садовая улица
Книжная лавка И. В. Слёнина	1820-е—1830-е	Дом Инзена. Невский проспект, у Казанского собора
Книжная лавка и библиотека для чтения А. Ф. Смирдина	1832—...	Дом Лютеранской церкви. Невский проспект, угол Б. Конюшенной улицы
Дворянское собрание	1838	Дом В. В. Энгельгардта. Невский проспект, угол Екатерининского канала

Современный адрес	Современное состояние дома
Улица Халтурина, участок дома 35 (Новый Эрмитаж)	Дом не сохранился
Набережная Мойки, 40	Дом перестроен
Загородный проспект, 1, угол Щербакова переулка	Дом сохранился
Запорожский переулок, 1, угол Дворцовой набережной	Дом перестроен
Набережная Красного флота, 4	Дом сохранился
Садовая улица, 26	Дом сохранился
Невский проспект, 27	Дом сохранился
Невский проспект, 22, угол улицы Желябова	Дом сохранился, надстроен
Невский проспект, 30, угол канала Грибоедова (Малый зал Ленинградской филармонии имени М. И. Глинки)	Дом сохранился в перестроенном виде

Наименование	Годы	Исторический адрес
Академия художеств	1830-е	Васильевский остров, набережная Невы, между 3-й и 4-й линиями
Петербургский университет	1830-е—1840-е	Здание 12-ти коллегий. Васильевский остров, набережная Невы
Александринский театр	1830-е	Невский проспект, Александринская площадь
Английский клуб	1820-е—1830-е	Дом Таля. Набережная Мойки, у Красного моста

Продолжение

Современный адрес	Современное состояние дома
Васильевский остров, Университетская набережная, 17	Здание сохранилось
Васильевский остров, Университетская набережная, 7	Здание сохранилось
Площадь Островского, Академический театр драмы имени А. С. Пушкина	Здание сохранилось
Набережная Мойки, 60	Дом сохранился

О Г Л А В Л Е Н И Е

Бунтарь в столице

Странный город	7
Театр	25
Бунт	48
«Почта духов»	67
Поражение	108

Цена славы

Снова театр	139
Басенные звери	177
Загадка Крылова	217
Средь новых поколений	244
Слава	271

Примечания	307
Адресный указатель	320

А. М. Гордин

БРЫЛОВ В ПЕТЕРБУРГЕ

Редактор И. И. Слободжан

Оформление художника Ю. Н. Васильева

Рисунки художника Г. Н. Веселова

Художественный редактор О. И. Маслаков

Технический редактор Т. П. Гладышева

Корректор И. В. Левтонова

Сдано в набор 14/II 1969 г.
Подписано к печати 4/VIII 1969 г.
Формат бумаги $70 \times 108^{1/32}$. Бумага тип. № 2
Усл. печ. л. 14,7. Уч.-изд. л. 12,84.
Тираж 20000 экз. М-34677. Заказ № 168/л.

Лениздат, Ленинград, Фонтанка, 59
Типография имени Володарского Лениздата, Фонтанка, 57
Цена 45 коп.

ЛЕНИЗДАТ

ГОТОВИТСЯ К ПЕЧАТИ СБОРНИК „БЕЛЫЕ НОЧИ“

Ежегодный сборник историко-краеведческих очерков. В каждом из них увлекательно рассказывается о людях, живших в нашем городе и прославивших Родину своим талантом, воинскими и трудовыми подвигами. О людях, имена которых запечатлены на мемориальных досках, в названиях улиц и площадей. В этот сборник войдут очерки о Пушкине, Держжинском, Вагановой, Котельникове, Пирогове, Кустодиеве, Мичуриной-Самойловой и многих других. Кроме того, будут опубликованы мемуары интересных людей, любопытные документы, редкие фотографии, архивные материалы, репродукции с картин, виды современного города—словом, все, что несет на себе печать Ленинграда, составляет его гордость, передает неповторимый облик.

35 л. 50 000 экз. 1 р. 15 коп.

ЛЕНИЗДАТ

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ
СЛЕДУЮЩИЕ КНИГИ:

Акентьев В. В.

„СО ВТОРОГО ВЗГЛЯДА“
12 л. 100 000 экз. 36 коп.

Барский Ю. А., Герцензон Б. М.

„ПРИКЛЮЧЕНИЯ НА ШАШЕЧНОЙ ДОСКЕ“
10 л. 100 000 экз. 50 коп.

Сборник

„УЗНИКИ ПЕТРОПАВЛОВСКОЙ КРЕПОСТИ“
20 л. 50 000 экз. 75 коп.

ЛЕНИЗДАТ

ГОТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ
КНИГИ О ЛЕНИНГРАДЕ
И ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

Успенский Л. В.
„ЗАПИСКИ СТАРОГО ПЕТЕРБУРЖЦА“
20 л. 75 000 экз. 70 коп.

Даринский А. В.
„ЛЕНИНГРАДСКАЯ ОБЛАСТЬ“
20 л. 50 000 экз. 70 коп.

Белоголовцев А. Ф.
„НЕВСКИЙ „ПЯТАЧОК“
6 л. 25 000 экз. 18 коп.

ЛЕНИЗДАТ

ГОТОВИТСЯ К ПЕЧАТИ

Серия

**„ВЫДАЮЩИЕСЯ ДЕЯТЕЛИ ЛИТЕРАТУРЫ,
ИСКУССТВА И КУЛЬТУРЫ В НАШЕМ ГОРОДЕ“**

Бялый Г. А., Муратов А. Б.

„ТУРГЕНЕВ В ПЕТЕРБУРГЕ“

10 л. 30 000 экз. 40 коп.

Орлова А. А.

„ГЛИНКА В ПЕТЕРБУРГЕ“

10 л. 25 000 экз. 40 коп.

Прибульская Г. И.

„РЕПИН В ПЕТЕРБУРГЕ“

12 л. 50 000 экз. 43 коп.

Саруханян Е. П.

„ДОСТОЕВСКИЙ В ПЕТЕРБУРГЕ“

10 л. 50 000 экз. 43 коп.

